

Раздел V

Воспоминания о выборах в Учредительное собрание

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

МАРК ВЕНИАМИНОВИЧ ВИШНЯК

ДАТЬ ПРОШЛОМУ

Глава IV Семнадцатый год

Когда 25 марта [1917 г.] Временное правительство постановило образовать Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание с участием специалистов и представителей политических и общественных организаций, я подумал, что именно здесь я мог бы оказаться полезнее всего партии и общему делу. Я запросил об этом Зензинова¹ и вскоре получил уведомление, что он переговорил с Керенским и другими правомочными решить этот вопрос, и в результате я приглашаюсь в Особое совещание в качестве представителя Партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]. Я был чрезвычайно доволен этим не то назначением, не то избранием. Во всяком случае работа в Особом совещании стала моим главным делом в 1917 году. Я чувствовал себя здесь на месте и в то же время сознавал лежавшую на мне ответственность. Заместителя у меня не было. Мне предстояло переселиться в Петроград. Но предварительно я решил наведаться, как и где устроиться в Петрограде, и вместе с тем повидать друзей и товарищей, вернувшихся из эмиграции и Сибири.

Попал я в Петроград в несчастливый день – 21 апреля. По городу шли демонстрации и контрдемонстрации в связи с нотой министра иностранных дел Милюкова с подтверждением верности Временного правительства союзным договорам и, тем самым, сохранению претензии на Дарданеллы. Милюков внутренне отвергал формулу Совета рабочих и солдатских депутатов – ставшую формулой президента Вильсона² – о необходимости мира без аннексий и контрибуций с признанием права на национальное самоопределение. Это последнее вызывало мое сочувствие. Аннексия же меня, конечно, нисколько не увлекала, тем более, что отказ от нее не исключал «дезаннексии» незаконно захваченного. Но отказ от контрибуций, ныне переименованных в «репарации» и общепризнанных, мне

¹ Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953) – публицист, общественно-политический деятель, член ЦК и боевой организации Партии социалистов-революционеров. С 1919 г. – в эмиграции.

² Вильсон Вудро Томас (1856–1924) – американский государственный деятель, юрист. Президент США в 1913–1921 гг.

представлялся неоправданным.

Не говоря о моем отношении к ноте Милюкова, то, что в этот день мне выпало увидеть на улицах Петрограда, – «провокаторские» выстрелы по безоружным, убитые и раненые через полтора месяца после того, как революция победила, – было первой «травмой», нанесенной мне революцией. Я, конечно, знал, что революции не делаются в белых перчатках, что, когда рубят лес, летят щепки, и прочие банальные истины. Но я увидел воочию уже не свободолюбивые и «сознательные» массы, а «слепые силы», разнузданную толпу, ту самую «охлократию» или чернь, которая в октябре окончательно восторжествовала. Не могу передать творившееся, но оно вселило в меня ощущение беспомощности и страха за будущее, которое уже не покидало меня. Я стал «пессимистом»: продолжая делать то, что считал нужным, я не переставал сомневаться в благополучном исходе.

С приехавшими друзьями – Фондаминскими¹, Авксентьевым, Гоцем – удалось повидаться лишь на ходу и «начерно»: у всех забот было полон рот, все всюду спешили, не всегда поспевая куда нужно было. Тем не менее, встреча была сердечная. Мы с двух слов поняли друг друга и согласились. Иначе было дело, когда я явился в «главную квартиру» партии, во дворец вел[икового] князя Андрея Владимировича. Здесь расположилась редакция «Дела народа», в которой мне впоследствии приходилось бывать чуть ли не каждый день. Здесь же происходили партийные конференции. Кто-то здесь и поселился в качестве постоянного жильца. Я встретил здесь «стариков» – Натансона², Чернова, Ракитникова.

Чернов приветливо со мной расцеловался и тут же спросил:

– Вы, кажется, «наш»?..

Я разочаровал его, сказав, что никогда не был и не сочувствовал циммервальдцам. Мы разошлись с тем, чтобы чем дальше, тем больше стать чуждыми друг другу, – до самой Второй [мировой] войны, когда наши пути опять сошлись.

В подавленном настроении покинул я на следующий день столицу. В Москве я был уже на бивуачном положении – приводил в порядок дела перед переездом, готовился, как мог, к предстоящим занятиям в Особом совещании...

Об Учредительном собрании говорили все без различия политических мнений с первого же дня Февраля. В первом же обращении Временного правительства к гражданам 3 марта подготовка к созыву Учредительного собрания и свобода выборов были указаны в числе главных и неотложных задач. Однако правительство лишь 25 марта постановило образовать Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Все время довлекло более неотложное и соблазняла мысль, не поручить ли выработку избирательного закона специалистам-юристам.

Правительство преодолело это искушение пойти более легким и коротким путем, учитывая отношение к выборам со стороны всех без исключения партий,

¹ Фондаминские: Фондаминский (Бунаков) Илья Исидорович (1880–1942) – публицист, член ЦК партии эсеров, комиссар Временного правительства на Черноморском флоте. С 1919 г. – в эмиграции, погиб в Освенциме. Фондаминская Р.И. – его сестра.

² Натансон Марк Андреевич (1830–1919) – революционер. Один из основателей организации «Земля и воля». В 1879–1889 гг. в ссылке в Сибири. Эсер, один из создателей партии левых эсеров и Партии революционного коммунизма.

организаций, группировок. В этом решении была главная причина задержки в изготовлении избирательного закона. Но только «отвлекаясь» от реальной обстановки 17 года можно задним числом осудить Временное правительство за то, что оно не избрало более быстрый способ. Были и объективные причины, препятствовавшие немедленным выборам. Чтобы обеспечить правильность выборов, необходимо было предварительно создать учреждения, которые пользовались бы всеобщим доверием для составления и проверки списков избирателей и кандидатов, для обжалования и проч. Такими учреждениями были органы местного самоуправления, избранные на демократических началах.

Только 10 мая правительство опубликовало наконец «в целях ускорения созыва Учредительного собрания» постановление о созыве нашего Совецания на 25 мая. Направляясь в Петроград, на одной из Вишер, Большой или Малой, я купил продававшиеся петроградские газеты и узнал о заочном своем избрании в Бюро Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов. Это было полным сюрпризом для меня и совершенно необъяснимо, как мог я собрать 736 голосов и оказаться на 13 месте из избранных 30 членов Бюро. Это, конечно, друзья мои постарались, но как удалось им собрать в мою пользу столько голосов?!

Особое совещание открылось, как было назначено, 25 мая в Мариинском дворце, где в царское время помещались Государственный совет и Комитет министров, а в начале февральской революции – Временное правительство. Здесь протекала вся работа Совецания – общих собраний и комиссий. В Совещание входили 13 сведущих лиц или специалистов по государственному праву и статистике и более 50 представителей главных политических и национально-политических течений России. Эти последние очень ревниво относились к тому, чтобы получить возможность участвовать в выработке закона, который должен предрешить их будущее и будущее России. Все хотели убедиться в том, что не будут нарушены их права и интересы.

Совещание открылось приветствием министра-председателя кн[язя] Львова. Он поздравил собравшихся «с приступом к занятиям величайшей государственной важности» и подчеркнул, что эта работа «требует величайшей справедливости по отношению ко всем частям и группам пестрого состава нашего громадного государства быть конденсатором всех духовных и умственных сил народа. Оно должно быть выразителем его великого ума и сердца».

Эти слова, характерные лично для кн[язя] Львова, выражали не его только настроения, чувствования и мысли. Все так понимали, во всяком случае, так говорили. И члены Особого совещания, за единичным исключением, все так относились к стоявшей перед ними задаче. Это упускают неосведомленные зоилы, критиковавшие и критикующие Особое совещание за то, что, в поисках технически совершенного закона, оно якобы затаило свои занятия настолько, что закон запоздал и практически оказался никчемным.

Назначенный правительством председательствовать в Совещании Ф.Ф. Кошкин напомнил, что правительство было озабочено не только совершенством закона, но и соответствием его «стремлениям и интересам различных частей населения, различным условиям отдельных частей России, которые специалистам

могут не быть в точности знакомы». Кокошкин дал и перечень трудностей, стоящих перед авторами закона: огромная территория, разнородный состав и редкость населения, кочевой уклад жизни в отдаленных районах Азиатской России, впервые применяемые прямые выборы и участие в выборах «доблестных защитников родины», предвещенное декларацией правительства.

Секретарем Совещания был избран Н.Н. Авинов, знакомый мне еще по Московскому университету. Он только что закончил выработку новых Положений о земстве и городах и теперь полностью посвятил себя обслуживанию Особого совещания. Ему помогал штат стенографистов, протоколистов, редакторов, которых Авинов подобрал из оказавшихся не у дел канцелярий Государственного совета и Думы.

Совещание разбилось на семь комиссий, выбиравших каждая своего председателя, секретаря и докладчика, представлявшего общему собранию итоги коммиссионной работы.

Я попал в четыре комиссии: об осуществлении активного и пассивного избирательного права, о выборах на окраинах, о системах избирательного права и об избирательных списках и их обжаловании. В последней комиссии я был докладчиком, а в комиссии о выборах на окраинах, позднее переименованной в комиссию об окраинах и избирательных округах и увеличенной в числе, был избран секретарем при М.М. Винавере¹, председателе. Своим избранием в наиболее ответственные комиссии я был обязан, конечно, не личным своим качествам, а положению представителя Партии социалистов-революционеров. Тем не менее, скажу без лишней скромности, что я был и в числе более активных членов Совещания.

В Совещании сложилась, в общем, деловая и дружная обстановка. Авинов со своим штатом образцово поставил технику составления докладов и печатания стенографического отчета и «Известий» совещания. Мы сходились иногда по три раза в день в различных залах великолепного Мариинского дворца и постепенно установилось профессиональное или коллегиальное содружество. Когда комиссии собирались днем, нас угощали чаем с лимоном и тонкими ломтиками черного хлеба. Чай сервировали в изящных китайских чашечках, но «дефицитного» сахару не давали. Моим соседом часто оказывался историк Лаппо-Данилевский², тихий, чинный, благообразный. Он приносил с собой в целлулоидной, из-под зубного порошка, коробочке мелкие кусочки колотого сахару. Прежде чем самому взять, он неизменно предлагал соседям. Я оценил его воспитанность и жертвенность, но находил в себе мужество отказаться и пил свой чай без сахару.

Профессора-специалисты принадлежали все к умеренному лагерю и держались особняком. Все они были чрезвычайно корректны и в речах, и в личном общении. Официальнее других держался Николай Иванович Лазаревский – тощий и подобранный, он и в Особом совещании был скорее чиновником, чем профессором. Проще всех держался Владимир Матвеевич Гессен – первоклассный ученый

¹ Винавер Максим Моисеевич (1862/63–1926) – юрист, публицист, общественно-политический деятель, член ЦК партии кадетов, член I Государственной думы.

² Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) – историк, академик, член Государственного совета.

и превосходный лектор. Когда я ему признался, что отказался ехать в Петроград магистрироваться, потому что боялся его как экзаменатора, он замер на тротуаре, по которому мы шли, и стал громко и неудержимо хохотать:

– Вы меня испугались?.. Меня?.. Он делал два шага и снова повторял то же, хочоча и сотрясаясь всем своим грузным корпусом.

Агрессивнее других выступал Маклаков и особенно его друг Аджемов, порою снижавший уровень дебатов. Исключением был, конечно, Козловский¹, Мечислав Юльевич, представлявший большевистскую партию и получивший вскоре мало-завидную известность в качестве посредника по финансированию большевиков из немецких средств. Первое же его выступление было вызывающим. Оно было направлено на опорочение личного состава Совещания: имущие классы имеют в нем «несомненное и явное большинство», доказывал Козловский.

Имущие представлены 36 процентами, а трудящиеся – всего 30 процентами, Совещание поэтому антидемократично. Его одного за все время остановил председатель за некорректное выражение. А 7 июля, одновременно с предписанием правительства об аресте Ленина, Зиновьева² и Каменева³, Козловский был лишен правительственного звания члена Особого совещания и надолго исчез с моего горизонта.

И левые члены Совещания не были близки друг к другу. Мы не составляли особой «фракции» и выступали каждый от своей группы, часто споря друг с другом даже с кафедры. Обратился ко мне однажды Владимир Абрамович Канторович, представитель еврейского Бунда:

– Когда же, наконец, вы уберете этих предателей, Ленина, Троцкого и компанию?

– Почему «вы», а не «мы»? – естественно заинтересовался я.

– Потому что это ваше дело, эсеров.

– А ваше? Что будете вы делать?..

– Мы, мы будем вам сочувствовать.

Очень умеренный социал-демократ, работавший в «Днях» вместе с Потресовым⁴, Ст. Ивановичем⁵, Загорским⁶, Канторович и в 17-ом году не мог еще отрешиться от мысли, что «мелкобуржуазные» эсеры самой историей предопределены расчищать дорогу для восходящего на историческую арену пролетариата.

Оживленные споры вызвал вопрос об избирательном возрасте. Более умеренные члены Совещания предлагали связать избирательный возраст с достижением гражданского совершеннолетия в 21 год. Винавер и Маклаков аргументирова-

¹ Козловский Мечислав Юльевич (1876–1927) – член РСДРП с 1900 г., большевик, один из организаторов социал-демократической организации Польши и Литвы. В 1918–1920 гг. председатель Малого Совнаркома.

² Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936) – политический деятель, большевик. Член Политбюро ЦК в октябре и в 1921–1926 гг. Расстрелян в 1936 г.

³ Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) – политический деятель. Большевик с 1903 г. Член Политбюро ЦК в октябре и в 1919–1925 гг. Расстрелян в 1936 г.

⁴ Потресов Александр Николаевич (1869–1934) – социал-демократ, один из лидеров меньшевиков.

⁵ Иванович (Португейс) Степан Иванович (1881–1944) – публицист, меньшевик.

⁶ Загорский Семен Осипович – экономист, публицист, меньшевик.

ли а fortiori¹: если человек не имеет права подписать вексель или выдать заемное письмо, как можно предоставить ему право решать судьбу страны и народа.

Венедикт Александрович Мякотин отстаивал избирательный возраст в 20 лет согласно тому, как значилось в программе энесовской² партии. Все признавали, что при установлении избирательного возраста следует исходить из какого-либо принципа. Но каждый, кто предлагал тот или иной срок, делал это, как мне казалось, совершенно произвольно. Приходилось считать с тем, что «доблестным защитником родины», то есть призванным в армию и флот, хотя бы они и не достигли совершеннолетия, правительство уже обещало предоставить избирательное право. И вот одни предлагали ограничиться предоставлением избирательных прав только тем, кто находится на фронте. Другие, наоборот, – только находящимся в тылу. Мякотин считал почему-то «немыслимым» предоставить избирательное право пошедшим на войну добровольно.

Я доказывал, что все эти предложения произвольны. В частности, требование гражданского совершеннолетия для пользования избирательным правом я считал характерным для цивилистов перенесением принципа гражданского права в отношения, регулируемые правом публичным. Установление разных возрастных сроков для находящихся на военной службе и на ней не находящихся было бы явным нарушением элементарного начала равенства. Если по обстоятельствам военного времени винтовка дана и не достигшим совершеннолетия по устаревшему тогда десятому тому Свода законов, нельзя не дать им и избирательного бюллетеня. Существует публично-правовой принцип – нет обязательств без прав, нет прав без обязательств, – и его надлежит применить в данном случае.

Я знал, конечно, что в программах всех социалистических партий избирательный возраст указан в 20 лет. Но революция разрушила не только царский режим. Она разрушила и все политические программы. Ни одна из них не предвидела революции во время войны или войны в ходе революции. И все программы находятся в процессе пересмотра и перестройки. Поэтому, чтобы избежать произвольного гадания – 21 или 20, 19 или 18, – я предложил установить избирательный возраст согласно возрасту досрочного призыва.

Не без удовлетворения прочел я недавно, что и кандидат в президенты Соединенных Штатов ген. Эйзенхауэр, высказавшийся за понижение избирательного возраста до 18 лет, мотивировал это тем, что «если человек достаточно зрел, чтобы воевать, он достаточно зрел, чтобы голосовать» (Речь в Детройте 15 июня [19]52 г.). В том же смысле высказались позднее вице-президент Никсон и председатель республиканской партии Леонард Холл.

Моя аргументация и предложение встретили энергичный отпор со стороны Маклакова, Аджемова и, конечно, более правых членов Сопещения. Но возражали мне и левые: энес Мякотин и эсер Питирим Александрович Сорокин, бывший делегатом от Совета крестьянских депутатов. Мне доказывали, что государство вправе пользоваться услугами граждан и налагать на них повинности независимо от того, считает ли оно их пригодными для выражения народной воли. «Как

¹ Уверенно (итал.).

² Здесь и далее энесы – народные социалисты.

же вы хотите, чтобы не имеющий права распоряжаться своим имуществом, был призван правоспособным говорить за все 160 000 000 русских граждан? Где же тут логика?» – возмущался Маклаков.

«Не возбуждая известного рода недоверия к самому Учредительному собранию, как вы хотите, чтобы несовершеннолетних, неспособных людей, которых само государство считает недостаточно зрелыми, звать к избирательным урнам», – перефразировал он все ту же мысль. Приводились и другие доводы.

Были, однако, и защитники если не предложенного мною определения избирательного возраста, но все же его понижения. Так, Брамсон сообщил, что комиссия при Совете рабочих депутатов сначала предлагала 20-летний избирательный возраст, но «после всестороннего обсуждения» остановились на 18 годах. Ссылаясь, как и я, на «комплекс обязанностей, которому должны соответствовать известные права», Брамсон привел и другие соображения. Для нормального времени требуется большая зрелость; для революционного же – большая готовность нести жертвы, нужен приток к избирательным урнам свежих, молодых сил.

Большинством голосов Совецание приняло среднее – и, на мой взгляд, неподобающее решение. Избирательное право было предоставлено всем достигшим 20 лет – родившимся не позднее 12 ноября 1897 г. Для тех же, кто вошел в состав армии и флота, избирательный возраст был понижен на два года: они получали право голосовать, если родились не позднее 12 ноября 1899 г., то есть для военнослужащих избирательный возраст понижался на два года. Все ораторы откидывали мысль, что армия «заработала» себе право и заслужила «вознаграждение». Фактически же чинам армии и флота предоставлена была привилегия.

Не по одному этому вопросу приходилось мне оставаться в меньшинстве. Чаще я бывал одного мнения с большинством, но оставался не раз и в блестящем одиночестве. Советоваться мне было не с кем, и выступал я всегда по собственному разумению – политическому и юридическому. Неведомыми путями в библиотеке Колумбийского университета в Нью-Йорке оказался стенографический отчет Особого совещания за первую часть его работ от 25 мая по 15 июня. Не все то, что я говорил 35 лет тому назад, когда был вдвое моложе, стал бы я защищать сейчас, умудренный годами и опытом. Многие были скрыты и непредвидимы. Но, в общем, то, что я защищал в условиях, данных в 17-м году, мне представляется правильным и сейчас.

В комиссии об условиях осуществления активного и пассивного избирательного права возник вопрос о предоставлении этого права членам царствовавшего в России дома. В пользу того, что не следует устанавливать для них специальных ограничений, аргументировали по-разному. «Царствующий дом опозорен в достаточной мере, я в том убежден, – говорил Вас[илий] Вас[ильевич] Водовозов, – и какие бы ни произошли контрреволюции, этот дом для нас более не страшен. Но внося этот пункт (об ограничении), мы даем право говорить: «Га, вы его боитесь, вам нужно насилие, чтобы его устранить». Ему вторил Маклаков: «Тех, кто действительно этого боится... я спрошу: какое они имеют право лишать их (членов царствовавшего дома) избирательного права?.. Либо волю народа мы признаем руководящим началом, преклоняемся перед ней, и если есть такой округ, кото-

рый хочет их избрать, какое право мы имеем ему мешать. Когда будет провозглашена республика, когда могут быть изгнаны члены царствовавшей династии, как было в других странах, тогда можно конструировать и оправдать их исключение. Но пока этого нет. Мы знаем, что легальное происхождение нашей власти идет не только от революции, а идет от некоторых актов, от нее вышедших. Это было бы лицемерием отрицать... На это (акт отречения) не смотрели, как на филькину грамоту, с которой не следует считать. Это было опубликовано во всеобщее сведение, как правовое основание, на котором возникла современная власть... Это (ограничение) есть или насилие со стороны Временного правительства над страной или это акт политической трусости».

Несмотря на эти и другие соображения, большинство комиссии – и я в том числе – не согласилось с ними и решило, что члены царствовавшего дома избирательными правами в Учредительное собрание пользоваться не могут. Однако общее собрание не согласилось с мнением своей комиссии и восстановило членов царствовавшего дома в их избирательных правах. Это произошло в мое отсутствие, когда я уехал в Москву на съезд Партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]. По возвращении мне не оставалось ничего другого, как написать «особое мнение» и просить о его приобщении к протоколу соответствующего заседания.

Потрясающая трагедия, разыгравшаяся через 14 месяцев в Екатеринбурге, Перми и Алапаевске, превратила в мучеников многих из тех, чьи избирательные права подверглись оспариванию в мае 17 года. Трагедия эта отбрасывает задним числом зловещий свет на весь 17 год и, в частности, на дебаты об ограничении избирательных прав. Тем не менее, самая проблема сохраняет свой исторический и политический интерес. Приведу главные из доводов, которыми я руководствовался в своем мало кому известном особом мнении.

«Приверженность к внешней легальности, представляя в революционную пору неосуществимую утопию, вместе с тем таит положительную угрозу революционным завоеваниям. Всякая революция самым фактом своего свершения влечет упразднение если не всех законов, то основных, конституционных, определяющих форму правления государства. Ни при каких изворотах юридической техники, ни при каких изгибах юридической мысли невозможно провести юридически непрерывную преемственность между двумя правопорядками, разделенными один от другого революцией. Если для законодательной или верховной власти и в мирное время не может возникнуть вопрос о принципиальной неприкосновенности какого бы то ни было права, – тем менее уместно считать неприкосновенным чье бы то ни было право в переходное время, когда один правопорядок уже не существует, а другой еще не оформился.

Всякая государственная власть и в мирное время предполагает наличие и осуществляет фактически известные способы самозащиты, пользуясь всей мощью государственно-правового авторитета прежде всего для ограждения своего существования. Тем более правомерно, чтобы Временное правительство, осуществляющее верховную власть временно – до созыва Учредительного собрания – и условно – в согласии с народной волей, чтобы оно приняло такие превентивные меры, которые необходимы для сохранения добытой в борьбе свободы и

юридического закрепления фактической республики. Республиканский режим Франции не помешал в условиях мирного времени издать закон, запрещающий даже в условиях нормального законодательства вносить в парламент предложения об изменении республиканской формы правления (закон 14 августа 1884). Тем больше оснований – политических и юридических – в переживаемых Россией условиях не создавать обстановки, благоприятствующей течению враждебным революции, санкционирующей монархическую пропаганду и агитацию и взращивающей чувства любви и преданности к монархической идее. Члены царствовавшего в России дома, будучи формально кандидатами при выборах членов Учредительного собрания, явились бы на деле теми «черными точками», которые, фиксируя внимание и привлекая сочувствие к личной судьбе жертв революции, самым фактом своего существования восстанавливали бы избирателей против нового строя жизни.

Некоторые члены Особого совещания готовы допустить ограничение избирательных прав членов царствовавшего в России дома, но только после того, как Учредительное собрание, полновластное и полноправное в выборе формы правления России, остановилось бы на республике.

Между тем совершенно очевидно, что именно тогда, по миновании острого периода революции, меньше всего имело бы и юридического, и морального смысла и оправдания такого рода ограничение». И далее: «Если такого рода исключение и можно считать насилием над свободной волей избирателей, то лишь в такой же мере, в какой некоторые считают насилием, например, одно из основных требований демократического избирательного права – тайную, а не открытую и «свободную» подачу голосов... Революция может позволить государственной власти непривычную для нее роскошь нелицемерного заявления, что интересы настоящей и будущей свободы, воля народа и обеспечение нового строя властно требуют, особенно в переходное до Учредительного собрания время, для борьбы с монархизмом, который для нас, социалистов и республиканцев по убеждению, всегда был, есть и будет жесточайшим бичом и врагом свободы и народа, – требуют не мести и жестокости, а *превенции*».

Когда в заседании Особого совещания я просматривал написанное, им заинтересовался сидевший рядом со мной М.М. Добраницкий. Он передал мой документ соседу с другой стороны, и, с моего разрешения, без того, чтобы «пустить» заявление среди всех собравшихся, его подписали ближайшие соседи: Добраницкий (от Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов), Липеровский (от фронта), Фролов (от флота) и Бруевич (от Белорусского национального комитета).

Противники, конечно, и сейчас найдут в этом «мнении» проявление демагогии и оппортунизма, если не прямое насилие и политическую трусость. Меня слишком часто упрекали как раз в противоположном – в доктринерстве и приверженности к букве закона, чтобы справедливо было упрекать и тогда, когда я проявил способность считаться с обстоятельствами и реальной обстановкой. Это не значит, конечно, что, если бы мне сейчас пришлось составлять свое «особое мнение», я бы написал его в тех же выражениях, и, главное,

в прежней «тональности».

Вручив заявление председателю, я считал свое дело сделанным и вопрос исчерпанным. Велико же было мое изумление, когда несколько дней спустя, явившись с утра на очередное заседание, я встретил шедшего мне навстречу Ф.Ф. Коккошкина. Он громкогласно приветствовал меня:

– Ну, поздравляю вас, Марк Вениаминович. Временное правительство согласилось с вашим особым мнением и постановило отказать в избирательном праве членам царствовавшего дома. В Положение о выборах включена особая статья...

Это был один из очень редких случаев, когда правительство отступило от предложения Особого совещания. Я никак не ожидал, что вопрос, похороненный в моем сознании, вновь всплывет. Неловко было и перед Коккошкиным.

– Вы огорчены, Федор Федорович?..

– Не огорчен, но это портит стиль!..

Нет возможности останавливаться на всем, что приходилось защищать или оспаривать в процессе разработки избирательного закона. Все же необходимо упомянуть о пропорциональной системе выборов, которую позднее превратили даже в своего рода «козла отпущения» за неудачу Учредительного собрания.

Пропорциональной системе повезло в Особом совещании и очень не повезло позднее – у так называемых историков русской революции. В Совещании против пропорционального представительства выступали лишь очень немногие принципиальные противники этой системы при всех обстоятельствах, как В.В. Водозовов, и такие непримиримые противники радикальных новшеств, как Маклаков и Аджемов.

Почти все прочие, не исключая ни представителей науки, ни более реалистически настроенных политиков, какими были Винавер и Коккошкин, одинаково признавали, что в создавшейся обстановке пропорциональная система более всего приемлема: давая всем партиям и группам одинаковые права на представительство, она тем самым смягчает борьбу между ними. Этим одним, помимо других преимуществ, пропорциональная система с избытком искупала все отрицательные стороны, которые ей присущи.

Когда Учредительное собрание «не удалось» – как «не удалась» русская революция или, по мнению видных философов культуры, «не удалась» ни христианство, ни вся история человечества, – одной из причин стали считать неудачную систему выборов. Будто бы из-за пропорции потерпела крушение демократия в России и демократия в Германии времен Веймарской республики. Этот спор тянется уже свыше 37 лет. Не стану к нему возвращаться. Скажу только, что я был и остался сторонником пропорциональной системы, хотя и считаю, что это вопрос техники, а не принципа. И сейчас, как 37 лет назад в Особом совещании, я повторил бы: «Проблема абсолютно справедливого избирательного права вообще не осуществима... Мы должны признать, что невозможно создать такое представительство, при котором получился бы абсолютно точный, фотографический снимок, зеркало или географическая карта воли и настроений страны. Это проблема, вне реальных и юридических возможностей лежащая». Приходится поэтому стать на относительную точку зрения – приближения воли народного представительства

к воле народа.

Говорят: пропорциональная система не обеспечивает устойчивости правительства. Это в известном смысле верно, но не всегда применимо также и к мажоритарной системе. Во Франции 1952 г. с некоторыми отступлениями действует последняя, а правительство все же находится в постоянной зависимости от партийного «шестиугольника» и сделок между шестью партиями, его образующими. И в Англии с классической мажоритарной системой, без перебаллотировок, и там существование правительства зависит от крохотной третьей партии либералов, не говоря уже о «других», имеющих три места в нынешнем парламенте. Главное же, что неприемлемо в мажоритарной системе, это разительное расхождение между числом избирателей и избранными депутатами от каждой партии.

На выборах осенью 51 года за партию Черчилля голосовало на 223 тысячи избирателей *меньше*, чем за партию Эттли, а депутатов тори имеют на 27 *больше*, чем Рабочая партия.

И связанность избирателей со своим, лично им известным депутатом вовсе не всегда гарантирует реальную поддержку со стороны избирателей. Говорят, члены Учредительного собрания встретили недостаточную поддержку со стороны своих избирателей именно потому, что они их лично не знали, а имели дело со списком кандидатов. Но вот перводумцы были избраны на основании мажоритарных выборов и личной связи избирателей с депутатами. А были ли они поддержаны после разгона Думы своими избирателями активнее, чем члены Учредительного собрания? Удача или успех того или иного народно-представительного учреждения в слабой степени зависит от порядка избрания.

Из всех комиссий, на которые разбилось Особое совещание, наиболее трудная задача выпала на комиссию о выборах от армии и флота, которой руководил Бор[ис] Эммануил[ович] Нольде, и на нашу комиссию о выборах на окраинах и в избирательных округах, которой руководил Максим Моисеевич Винавер. Иногда заходил на заседание комиссии и Кокошкин, скромно подсаживался где-нибудь с края, внимательно вслушивался, а то и принимал участие в обсуждении: просто и ясно формулировал существо проблемы, ее трудности и варианты решения. Но главная тяжесть работы легла на Винавера. Как и в первой Думе при обсуждении женского равноправия, Винавер и в нашей комиссии проявлял гораздо больше политического реализма, чем многие из его партийных единомышленников. Он умел не только улавливать общественные «флюиды», но и уступать там, где другие рассчитывали плетью перешибить обух. Образованный, тонкий и гибкий аналитик, он настаивал на существеннейшем, а не на всем.

В первый раз я слышал Винавера, будучи на нелегальном положении, в... гражданском отделении кассационного департамента Сената. Я забрел туда от нечего делать, чтобы ознакомиться с процедурой.

В коридоре я наткнулся на адмирала Дубасова¹, переведенного в Петербург после покушения на него, в котором одно время охранка вначале заподозрила меня. Мы встретились глазами. Дубасов метнул суровый взгляд и прошел дальше. Взволнованный, вошел я в зал, где слушалось дело о грозненской нефти. Иск

¹ Дубасов Федор Васильевич (1845–1912) – адмирал, в 1905–1906 гг. московский генерал-губернатор.

был предъявлен в 7 миллионов рублей, и одна сторона была представлена москвичами – моим профессором по гражданскому процессу Кистяковским, Игорем Александровичем, и блестящим адвокатом Ледницким, Александром Ромуальдовичем. Противную сторону представляли петербургские адвокаты – Винавер и Шефтель.

Винавер говорил четвертым. Ни красноречие Ледницкого, ни видимость эрудиции Кистяковского, оперировавшего ученическими доводами о купле, прерывающей или не прерывающей договор найма, – «Kauf bricht Miete» и «Kauf bricht nicht Miete»¹, – не произвели никакого впечатления на сенаторов-судей: каждый из них продолжал заниматься своим делом – просматривал лежавшие перед ним дела, позевывал, как будто даже подремывал. Картина радикально изменилась, когда поднялся очень невысокого роста Винавер. Его речь отдавала польским акцентом. В такт своей речи сдвинутым вместе средним и указательным пальцами правой руки жестикулируя то вверх, то в направлении к судьям, Винавер сразу оживил дремлющих и привлек внимание сенаторов. Они уже не отрывали своих взглядов от оратора, зная, что тут будут не «цветы красноречия», а юридическое существо. Как редактор «Вестника гражданского права», Винавер приобрел широкую известность во всем юридическом мире России – не только среди цивилистов.

И в Особом совещании к Винаверу прислушивались всегда с большим вниманием. Он умел находить подходящие слова и доводы. И даже когда они не убеждали, они все же доходили до чужого сознания. А в комиссии приходилось иметь дело с самыми разнообразными ходатайствами и протестами, национальными, религиозными, бытовыми. Там, где избранию подлежало меньше пяти членов Учредительного собрания, установлена мажоритарная система. Надо было удовлетворить претензии населения занятой неприятелем территории; русско-го населения в Финляндии и Бухаре; русских войск во Франции и на Балканах; лиц женского пола иностранного происхождения в замужестве за российскими гражданами и т.п.

Казаки настаивали – и настояли – на том, чтобы казачьи войска, где бы они ни были расположены, были бы выделены в отдельные избирательные участки. В итоге появились такие избирательные округа-«монстры», как Енисейский округ «со включением российских граждан, проживающих в Урянхайском крае», или как Минский – «за исключением частей ее (губернии), занятых неприятелем, и со включением незанятых неприятелем частей Виленской и Ковенской губерний».

Когда разработаны были основные положения закона и так или иначе были удовлетворены – или не удовлетворены – личные самолюбия и партийное соревнование, интерес к Особому совещанию упал. Упала и посещаемость общих собраний и комиссий настолько, что Совещание по предложению председателя призвало своих сочленов более усердно выполнять возложенные на них и принятые на себя обязанности. За два месяца с небольшим (с 25 мая по 2 августа) Особое совещание сделало почти все главное – оставалось лишь кое-что отредактировать и утвердить последний раздел о выборах в армии и флоте. За все время

¹ Сделка ломает договор найма, сделка не ломает договор найма (нем.).

я отсутствовал из Совещания дважды по три дня, когда уезжал в Москву на съезд партии и на Государственное совещание¹.

В.М. Чернов прислал за мной свой министерский автомобиль и от имени ЦК партии попросил меня приготовить к предстоящему съезду доклад о государственном устройстве России – республике, автономии, федерации. Я согласился. Опять-таки многое, что я доказывал 37 лет тому назад, я не стал бы защищать сейчас в прежней форме, – и не только потому, что историческая обстановка и политические условия изменились. Но чтобы понять и оценить мои предложения и аргументацию, необходимо учитывать условия и атмосферу 17 года.

У всех и у меня было резкое отталкивание от всякого единовластия, было опасение, как бы самодержавие не сменилось в той или иной форме единодержавием.

Это был исходный принципиальный пункт. Но, кроме того, была и партийно-политическая тактика, которая не позволяла повторять то, что рекомендовали другие конкурирующие претенденты на водительство, – и меньше всего плестись в хвосте за нереволуционными и несоциалистическими партиями. Этим объясняется, почему из трех возможных типов государственного устройства – американского, французского и швейцарского, я остановился на последнем, внося в него ряд существенных изменений.

Американская форма правления в России 17 года не увлекала никого. Никто не рисковал предложить России порядок, который был установлен в последней четверти 18 века в силу специфических условий заморских колоний Англии.

Сильная президентская власть, более мощная, чем королевская власть в Англии, помимо всего другого, отпугивала от себя даже кадетскую партию. По докладу Ф.Ф. Кокوشкина, кадетский съезд остановился на парламентарной структуре власти по французскому образцу.

Власть президента во Франции скромнее власти президента в Соединенных Штатах. Тем не менее, и она несет печать французской исторической традиции, привыкшей персонифицировать страну и народ в одном лице. «Мы не связаны этими историческими пережитками, мы можем революционно творить новые формы жизни», – говорил я в своем докладе. Кроме того, эсеровская программа предусматривала федеративную республику, а не унитарную, однопалатное представительство, а не двухпалатное, референдум и инициативу народа. «Все права, вся власть должны быть в руках полновластного народа. Все через народ, через его власть, через осуществленное народоправство». Мне предносилось полновластное Учредительное собрание, зафиксированное в качестве законодательного органа и для будущего, нормального времени. И то положение, которое создалось во время революции, когда существовало правительство, но не было главы государства, был министр-президент, но не было президента, видимо, владело моим сознанием.

Учитывая межпартийные взаимоотношения и эсеровскую идеологию, я

¹ Государственное (Московское) совещание (12–15 августа 1917 г.) – созвано Временным правительством. Присутствовало порядка 2500 делегатов от Государственной и городских дум, торгово-промышленных кругов, банков, кооперативных организаций, профсоюзов, земств, армии и флота. Выступавшие требовали роспуска Советов, продолжения войны, восстановления смертной казни.

спроектировал сочетание однопалатного парламентаризма с швейцарским типом республиканского правления.

Парламентаризм – наиболее гибкая форма народоправства и вовсе не связан непременно с возглавлением государства одним лицом. Правительственная коллегия вовсе не исключает сотрудничества между исполнительной властью и властью законодательной на началах взаимной солидарности и общей ответственности перед парламентом.

«Коллективный президент» (вместо единоличного) – упрощенно и неправильно характеризовали мое предложение. И это сближало его с швейцарским типом управления. Отличал же его, помимо парламентарной ответственности, отказ от заранее установленного срока, на который правительственная коллегия и ее председатель избираются, и – однопалатное представительство.

Надо было мне остановиться и на вопросе о федерации и автономии. То, что ни один народ и ни одна территория, входившие в состав России, и не претендовали в 17 году на самостоятельную государственность, позволяло конструировать народное представительство в форме одной палаты. Не только кавказские или балтийские народы не требовали признания за ними государственного суверенитета, но и украинская рада не шла дальше требования о формировании самостоятельных украинских полков и включения в состав правительства России особого министра по делам Украины.

Я считал это вполне совместимым с единством российского государства и допускал даже возможность особой денежной единицы и украинских почтовых знаков по примеру «полусуверенных» германских земель. Решительнее всего я отвергал самоопределение путем *одностороннего* отделения. Со слов одного делегата я рассказал, как в Пензенской губернии собрались на съезд черемисы и другие народности и постановили, что каждая из них абсолютно свободна. На это русские мужики, присутствовавшие на съезде, заявили: «Если вы абсолютно свободны, пусть будет так. Но если вы установите таможенные границы, мы не допустим вашей абсолютной свободы, как не допустим свободы помещичьего произвола».

Я отлично сознавал, что Россия не Швейцария, а Швейцария не Россия. Но события, последовавшие за французскими революциями [17]89 и [18]48 гг., призраки Наполеона I и III владели не одним моим сознанием. Доклад не встретил тех возражений, которых я опасался. Мне задали множество вопросов в устном и письменном виде. Я отвечал как мог. Но до подробного обсуждения дело не дошло. И я, и съезд спешили.

Я пропустил обсуждение в общем собрании Совещания вопроса о предоставлении избирательных прав царствовавшему дому. А съезд волновали более неотложные и жгучие вопросы, как отношение к Временному правительству, к войне, к социалистическому Интернационалу, к земельной проблеме. Я решил, что лучше всего будет получить общее одобрение съезда представленных мною тезисов и передать их для подробного обсуждения в имеющий быть избранным ЦК партии. Так и было сделано.

Социалисты-революционеры, как известно, не удосужились написать историю своей партии. Это сделал на свой лад начальник охраны государя генерал

Спиридович¹ и – американцы, изготовившие уже несколько диссертаций на эту тему. Одну я читал в машинописи в Колорадском университете: небольшая и малоудачная, она написана бывшей эсеркой, сменившей вехи.

Другая диссертация, очень основательная, хотя и тенденциозная, с симпатией в пользу «левого центра» Чернова написана на звание доктора философии Гарвардского университета Оливером Радки. И Радки отмечает: «Нетрудно было обнаружить, что внутреннее чувство съезда было враждебно умалению территориального единства империи. Это верно не только относительно Вишняка и правых эсеров, но это было верно и относительно Чернова и большинства левых... Чернов бесспорно склонялся ко второму решению, т.е. к тому, что федеративная власть сначала должна установить нормы и пределы, в которых слагаемые – национальности – свободны выработать свои политические и социальные пожелания»².

Я пробыл на съезде всего двое суток с небольшим и сохранил о нем лишь поверхностные впечатления. Съезд был очень многолюден – присутствовало до 300 делегатов от 60 организаций. Представлена была почти вся Россия: от Румынского фронта и Бессарабии до Забайкальской области и от Бакинской губернии до Архангельской. Были люди самого разного происхождения и возраста: очень юные и престарелые. Было много женщин. По возрастному составу съезд был много моложе первого съезда на Иматре в пятом году. Но политически он был много зрелее. За три месяца, что партия вышла из подполья, она значительно выросла не только численно, но и в понимании своей государственной ответственности. События, однако, опережали темп ее роста.

Будущие «левые эсеры» еще не «самоопределились» и были полноправными членами партии. Вернувшиеся с каторги М.А. Спиридонова, А.А. Биценко, И.К. Каховская и другие оказались крайних, левых настроений и пользовались если не политическим авторитетом, то всеобщим уважением и сочувствием к перенесенным ими мукам. И пока не определилось, в какую сторону гнут так называемые левые, решающей оказывалась роль центра, занимавшего «среднюю» позицию, «равнодалекую» от обоих флангов.

Чернов таким образом оказывался арбитром между близким ему по Циммервальду Натансоном и Авксентьевым. И только при попустительстве «центра» удалась левым, в частности, их провокационная тактика в отношении Керенского. Это была наибольшая сенсация съезда.

Произошло это так. Когда подошло время выборов в Центральный комитет и стали намечать кандидатов, я немедленно вычеркнул свое имя, как только его назвали и занесли на доску – съезд склонился к тому, чтобы кандидатур публично не обсуждать. Неожиданно поднялся П.П. Деконский, делегат от Херсонской организации, и заявил, что как раз сегодня опубликован «неприемлемый приказ военного министра» (приказ по армии и флоту о применении оружия против дезертиров) и что «с этой точки зрения, мне кажется, нам надо обсудить кандидатуру товарища Керенского». После некоторого препирательства, оглашать ли приказ

¹ Спиридович Александр Иванович (1873–1952) – генерал-майор, командир Отдельного корпуса жандармов, после 1917 г. – в эмиграции.

² Oliver H. Radkey. The Party of Socialists-Revolutionaries and the Russian Revolution of 1917. A Thesis. 1939. Vol. I. P. 299 (прим. М. Вишняка).

или не оглашать, один из делегатов, Семен Акимович Анский-Раппопорт, задал вопрос: «Этот приказ тов. Керенского или правительства?». Вопрос повис в воздухе и ответа не последовало.

Приказ был зачитан председателем Черновым и вслед за тем без прений перешли к выборам. Среди избранных в состав ЦК 20 человек имени А.Ф. Керенского не было.

А сутки спустя, в закрытом заседании съезда 2 июня, Чернов попросил слова для разъяснения оглашенного на съезде указа и заявил: «Поскольку речь идет об указе, он ангажирует всех членов социалистов (?), входящих в состав Временного правительства. Все члены социалисты, входящие в состав Временного правительства, связаны круговой порукой, друг за друга ответственны... Каждый из членов Временного правительства социалистов перед вами равно ответственен сейчас за этот указ»¹.

Если откинуть специфическое выделение министров-социалистов в особую категорию министров, это была суцая правда. Только она запоздала на 24 часа. Если бы Чернов высказал ее на сутки раньше, Керенский был бы избран в ЦК или, если быть последовательным, и Чернов должен был бы быть забаллотирован. Теперь же разъяснение не имело практического значения. Керенский не мог быть восстановлен в праве, которого его лишили по почину Деконского, вскоре разоблаченного в качестве агента охраны царского правительства.

Керенский на всю жизнь затаил обиду против Партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], поддавшейся провокации «левого эсера» из бывших охранников и причинившей непоправимый вред морально-политическому авторитету военного министра как раз тогда, когда он подготавливал июньское наступление на фронте. В течение 37 лет Керенский многократно возвращался к этому трагическому эпизоду для оправдания своих действий и для иллюстрации положения, в которое его ставили не только противники и враги, но и единомышленники и друзья.

На протяжении десятилетий мне не раз приходилось слышать: это вы погубили Россию, затянув выработку избирательного закона желанием сделать его совершенным. Иногда это «вы» звучало как бы с прописной буквы – направлялось чуть ли не по моему личному адресу, что было уже, конечно, полной нелепостью. Обычно упрек и недовольство направляют против Особого совещания и его государствоведов, последовавших примеру предшественников – профессоров франкфуртского парламента – и, как они, погубивших отечество. Историк революционного движения Б.И. Николаевский через 35 лет повторяет легенду о «печальном опыте... государствоведческих (?) споров вокруг разработки Положения об Учредительном собрании в 1917 г.»².

То же делает юрист А.А. Гольденвейзер, «председатель одной из участковых избирательных комиссий в Киеве»: «Назначенная Временным правительством комиссия по подготовке выборов в течение многих месяцев изготовляла избирательный закон. Поэтому (!) созыв Учредительного собрания все откладывался, и

¹ Стеногр[афический] отчет, стр. 383 (прим. М. Вишняка).

² «На рубеже». № 2 (прим. М. Вишняка).

выборы происходили уже после октябрьского переворота»¹.

В других случаях обвинение носит более узкий, партийно-политический характер: правые, во главе с кадетами, якобы умышленно саботировали изготовление избирательного закона для отсрочки созыва Учредительного собрания. Учитывая неблагоприятную для них избирательную конъюнктуру, кадеты и другие группы будто бы стремились отсрочить выборы в Учредительное собрание хотя бы до окончания войны, когда революция изживет себя и избирательные шансы умеренных повысятся.

Заявив председательское кресло, Кокоскин подчеркнул: «Наша работа должна быть быстрой, но не должна быть торопливая». И говоривший вслед за ним Брамсон указал: «Мы считаем основной и главной задачей настоящего Совещания ускорить созыв Учредительного собрания и сократить по возможности промежуток времени, отделяющий нас от того момента, когда соберется народное представительство, которое должно олицетворить народную волю. Мы не сомневаемся, что эта твердая, ясная воля народа должна устранить «хаос», о котором здесь говорил наш председатель».

Таково было общее мнение.

Совещание энергично взялось за работу, и самое активное участие в ней приняли профессора-специалисты, в своем подавляющем большинстве принадлежавшие к Партии к[онституционных] д[емократов]. Но как усердно ни работало Совещание, силы распада развивали свою энергию быстрее. И не прошло и трех недель с начала работ Совещания, как некоторые члены Временного правительства и руководители Советов стали ощущать острую потребность в скорейшем подведении более солидного фундамента под власть. Министры-социалисты стали ощущать колебание почвы и необходимость укрепления авторитета всенародным признанием.

С этой целью 14 июня состоялось заседание правительства, на которое был приглашен и председатель Особого совещания. На заданный ему вопрос – когда могут быть произведены выборы – Кокоскин ответил, что, по мнению большинства Совещания (я был с большинством), для правильности выборов требуется два месяца с момента избрания новых органов земского и городского самоуправления. Произошел острый обмен мнений между министром-социалистом, представлявшим Советы рабочих и солдатских депутатов, Церетели и Кокоскиным. Первый доказывал, что в нормальных условиях соблюдение всех гарантий и сроков и желательно, и возможно. Но в ненормальных условиях, в которых находится революционная Россия, приходится поступаться безукоризненной процедурой. Кн[язь] Львов напомнил, что в затяжке с открытием занятий Особого совещания повинны и Советы, слишком долго обсуждавшие личный состав Совещания, численное соотношение представленных в нем «цензовых» и «не-цензовых» групп и т.д. Кокоскин подчеркивал, что отсутствие гарантий может привести к тому, что выборы будут оспорены и авторитет Учредительного собрания будет подорван. Правительство постановило: выборы должны состояться 17 сентября, а Учредительное собрание должно быть создано 30 сентября. Если возникнут новые

¹ «Новое русское слово» от 26 июня [19]52 г. (прим. М. Вишняка).

осложнения, решение правительства может быть пересмотрено.

Постановление вызвало резкое недовольство со стороны лидера кадетов П.Н. Милюкова, потребовавшего отмены назначенных сроков, превращающих выборы в комедию. В том же смысле высказался и передовик «Речи». А записка, поданная правительству Советом казачьих войск, пошла еще дальше: она требовала отсрочку выборов в Учредительное собрание до января 18 года, так как «целая треть избирателей», 15 миллионов, находится на позициях, где не может быть правильных выборов, транспорт расстроен, почта неаккуратна и т.д.

В правительстве и за его кулисами шла борьба за сроки выборов. Она оставила свой след в «Истории (второй) русской революции» Милюкова. Большевики давно уже были у власти, и ничто не предвещало их скорого ухода, как предполагали многие, в том числе и Милюков, а последний продолжал по-прежнему считать «политическим грехом» попытку «левых социалистов» и Временного правительства назначить выборы в Учредительное собрание на сентябрь.

В конце концов выборы в назначенный было срок не состоялись. Но произошло это не из-за «саботажа» или «доктринерства» членов Особого совещания и не потому, что мнение Милюкова, Кокошкина или большинства членов Совещания одержало верх над решением Временного правительства, а по обстоятельствам, от всех них не зависевшим и разыгравшимся за стенами Зимнего и Мариинского дворцов. Если первая отсрочка – по образованию Особого совещания – произошла в силу апрельских событий, вторая отсрочка – по организации правильных выборов – вызвана была июльскими событиями, правительственным кризисом и усилением общей разрухи в стране и на фронте.

Обвинение в умышленном затягивании выборов эсерами, меньшевиками и, главным образом, кадетами по своему происхождению и существу – обвинение большевистское. И претензии Милюкова и казаков, Н.Н. Львова¹ и Кузьмина-Караваева² помимо их воли только сыграли в руку большевикам, придав видимость обоснованности их пустому обвинению...

Помяная из 5-летнего далека Февраль, Б.Э. Нольде писал: «1917-й год для всех русских поголовно, от малого до большого, был годом затраты таких доз умственной и нравственной энергии, с которыми не сравнятся затраты никакого иного года, пережитого людьми нашего поколения, несмотря на то, что, конечно, никаким другим русским поколениям не досталось пережить все, что мы пережили с начала XX века и еще до конца не пережили». Нольде в [19]22 году не мог предвидеть, что ему и нам придется пережить еще ни много ни мало, как Вторую мировую войну.

В истории России 1917 год был «безумным» годом, наподобие таких же годов в истории других стран и народов. Но он был ненормальным и в личной жизни – тех, кто так или иначе оказался причастным к событиям. Время было сумасшедшее. Ночь превращалась в день без того, чтобы день давал достаточно вре-

¹ Львов Николай Николаевич (1867–1944) – юрист, публицист, журналист, общественно-политический деятель, член ЦК партии кадетов. С 1920 г. – в эмиграции.

² Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859–1927) – генерал-майор, профессор Военно-юридической академии. Член I-II Государственных дум. Основатель Партии демократических реформ. С 1920 г. – в эмиграции.

мени для отдыха и сна. Не раз говорилось, что Февраль не мог кончиться добром, когда те, кто его «делал», не ели, недосыпали, всюду спешили и всегда запаздывали, все импровизировали, потому что не имели досуга как следует продумать. Деятели Февраля оказались политически бессильны, потому что изнемогали физически – при лучших намерениях и крайнем напряжении их просто не хватало. У Керенского с его нечеловеческой нагрузкой – моральной, политической, физической – это проступало наружу в его крайней бледности, нервозности, в публичных обмороках. У других это проявлялось менее наглядно.

По сравнению со многими, даже ближайшими своими товарищами, я был гораздо более свободен. И тем не менее, и моя жизнь не была нормальной. За все время революции я не имел времени ни разу повидаться ни с Орловым, занявшим место товарища министра торговли и промышленности, ни с Шером, дослужившимся до звания начальника политического управления военного министра. Даже с Гоцем, Авксентьевым, Фондаминским, Зензиновым почти ни разу не удавалось поговорить спокойно, а приходилось довольствоваться «информацией» на ходу или обменом взглядами между заседаниями.

С утра я отправлялся в Особое совещание и его комиссии, в редакцию «Дела народа», в Совет крестьянских депутатов, в ряд других комиссий, участником коих бывал, и домой возвращался в первом часу ночи, голодный и уставший. Только тогда я ел горячую пищу и съедал сразу все, что накопили для меня за день жена и кузены. После беглого обмена впечатлениями от минувшего дня я укладывался спать, чтобы на следующий день начать такую же жизнь. И так продолжалось месяцами – иногда с насквозь бессонными ночами даже для меня.

Когда я не бывал докладчиком, я редко выступал публично: были «витии» погромче меня и красноречивее, любившие говорить. Я довольствовался молчаливым присутствием и участием в голосовании. Если в Особом совещании я был на левом фланге, на партийных собраниях я неизменно оказывался среди правых.

Не входя в состав Центрального комитета, я не должен был присутствовать на историческом собрании в Малахитовом зале Зимнего дворца в ночь на 22 июля, когда разрешался очередной кризис власти. Но товарищи по редакции «Дела народа» попросили меня поехать с ними с тем, чтобы в первом часу ночи я отправился из Зимнего дворца в типографию и написал передовую для очередного номера газеты.

Собрание было драматическое, насыщенное электричеством и то и дело готовое взорваться. Властью перекидывались. Все от нее отказывались или соглашались взять на себя ответственность лишь при условиях, неприемлемых для других. Керенский отсутствовал, но политически продолжал быть в центре всех планов, предложений и контрпредложений. Одни явно метали жребий о его «ризах». Другие отвергали самую возможность говорить о «ризах». Из кадетских рядов особенно усердно доказывали, что Керенский политически жив и, больше того, он один только способен и правомочен спасти страну.

Я съездил в типографию, написал в самых общих чертах передовую – никто не мог знать, чем дело кончится, – и вернулся в Малахитовый зал. Мучительные торги и переторжки продолжались. Заседания иногда прерывались, и «высокие

договаривающиеся стороны» удалялись на свои фракционные собрания, чтобы в отсутствии противника обсудить положение или новые предложения. Впечатление было удручающее и томительное – одинаковое как от ночного бдения в Малахитовом зале, так и от дней и ночей, проведенных позже на Государственном совещании в Москве и в Демократическом совещании или в Совете республики в Петрограде.

После ряда отсрочек, вызванных не столько Временным правительством или Особым совещанием, сколько событиями, разыгрывавшимися за стенами Зимнего и Мариинского дворцов, выработка закона о выборах в Учредительное собрание подходила к концу. Но еще до ее завершения правительство утвердило 1 августа избранную Совещанием 15-членную Всероссийскую комиссию по делам о выборах в Учредительное собрание. Она должна была руководить, осведомлять и надзирать за правильностью выборов. При избрании 15 из 70, естественно, обнажились личные самолюбия: даже люди с всероссийскими именами почему-то считали вопросом своей чести попасть в эту техническую Комиссию.

В нее были избраны представители разных политических направлений для взаимного контроля. Они вместе с тем были и специалистами избирательного права и техники выборов. Председателем Комиссии был назначен Н.Н. Авинов. Его товарищами были избраны Л.М. Брамсон и В.Д. Набоков. Выбрали в Комиссию и меня. Мне было поручено составить брошюру с изложением закона о выборах и выработать обращение Комиссии к населению с призывом о всемерном содействии делу выборов. Редактировать «Известия» Комиссии было поручено специалисту избирательной техники Иосифу Владимировичу Яшунскому.

Своя комиссия по выборам организована была при ЦК Партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]. В ее задачи входило согласование списков кандидатов, которые составлялись партийными организациями на местах. Комиссия, в которой участвовал и я, не навязывала своих кандидатов местным организациям. Мы только следили за тем, чтобы все, кого партия считала полезным иметь в Учредительном собрании, имели возможность туда попасть. Из центра многое было виднее, чем на местах, и нужные для законодательной работы люди могли не попасть в число кандидатов просто по неведению, оплошности или отсутствию вакансии. Меня удручало, что среди кандидатов было сравнительно мало квалифицированных интеллигентов. По моей инициативе комиссия рекомендовала включить И.Н. Коварского кандидатом от Могилевского избирательного округа и молодого и энергичного экономиста А.Б. Ельяшевича – от Самарского. Оба были избраны и оказались очень полезны в подготовительной работе к Учредительному собранию.

Менее удачной оказалась третья кандидатура, поддержанная мною по тому же мотиву – нужды в интеллигентских силах. Ко мне явился Николай Петрович Огановский, известный статистик, знакомый мне еще по Москве, – мягкий в обращении, общительный и симпатичный, очкастый и синеглазый. Простодушно глядя мне в глаза, он без обиняков заявил:

– Как энесу, у меня никаких шансов пройти в Учредительное собрание нет. Между тем, мне кажется, я мог бы быть там полезен. Не думаете ли вы, что раз-

ногласия между эсерами и энесами сейчас почти совсем стерлись? Я, по крайней мере, не ощущаю ничего, что отделяло бы меня от вас...

Это было то, что французы называют *cas de conscience* – вопросом политической совести. Я считал полезным иметь Огановского в составе эсеровской фракции. В конце концов это его дело – считать себя энесом или эсером. По моему предложению комиссия включила Огановского в список кандидатов, которых ЦК партии не отводит, если местная организация партии согласится выставить его кандидатуру. И Огановский прошел в Учредительное собрание от Воронежского избирательного округа. Он активно участвовал в предварительной разработке эсеровской фракцией законопроекта о земле. Но когда Учредительное собрание «не удалось», Огановский был едва ли не первый, кто бросил камень – и грязь в приютившую его партию и фракцию. Изменив энесам ради эсеров, чтобы попасть в члены Учредительного собрания, Огановский не замедлил изменить и эсерам, обвинив их в «лицемерии», «трусости» и стремлении «перетянуть на свою сторону массы, соблазненные большевистскими посулами», – что как будто бы ни один здравомыслящий антибольшевик не может считать ни зазорным, ни преступным. Кончил Огановский тем, что стал заслуженным спецом у большевиков.

К началу августа и Советам стало очевидным, что в сентябре выборы и самое Учредительное собрание состояться не могут. И 9 августа правительство назначило выборы на 12 ноября с тем, чтобы Учредительное собрание открылось 28-го. Это была печальная необходимость и расплата за попытки «углубить революцию» и недостаточно энергичный отпор им. Власть все острее стала ощущать потребность в народно-представительной опоре. За ее отсутствием стали подумывать о суррогате – создать учреждение хотя бы не для решений, а для выражения общественно-организованного мнения. Так возникла мысль о созыве сначала Государственного совещания, потом Демократического и в заключение – Совета республики, или «Предпарламента».

По званию члена Бюро Совета крестьянских депутатов я участвовал во всех этих учреждениях – в первых двух молчаливо, только голосуя во фракции и на общем собрании, в третьем более активно. Все три учреждения были созданы с самыми благими намерениями, и все они оказались никчемными, если не вредными. Государственное совещание в Москве 13–15 августа было задумано как всероссийская демонстрация «единения государственной власти со всеми организованными силами страны». Постановка была отличная. В Большом театре собралось до полутора тысяч представителей «цензовой» и «нецензовой» России: депутаты четырех Государственных дум, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, земские и городские гласные, промышленники, духовенство, кооператоры, профессиональные союзы, казаки и т.д. Большевистская партия бойкотировала «эту контрреволюционную махинацию «спасателей»... барышей помещиков и капиталистов». Но отдельные большевики были налицо.

Предполагалось, что только члены правительства произнесут речи – дадут стране отчет о катастрофическом положении на фронте и в тылу. Никаких решений не примут, никаких голосований поэтому не понадобится. Случилось иное. Говорили не только члены правительства. Керенский был на редкость неудачен –

экстатически взволнованный, он не к месту перефразировал Бисмарка и говорил о «железе и крови». Из речи министра внутренних дел Авксентьева фактический материал экспроприировал Керенский, и речь Авксентьева оказалась бессодержательной. Не спасли положения и речи других министров. А когда заговорили представители разных партий, организаций и групп: генералы Корнилов и Каледин, Брешковская и Плеханов, Шульгин и Чхеидзе, Милюков и Кропоткин, Рязанов и Церетели и т.д., и т.д. – наглядно было продемонстрировано всероссийское *разъединение* и образование двух секторов в антибольшевистском лагере. Обозревая прошлое из 10-летнего эмигрантского далека, историк Милюков назвал Государственное совещание «нелепым». Это, конечно, оценка политика. Исторически же Государственному совещанию можно поставить в вину то, что и в часы вплотную надвинувшейся грозы у обоих секторов не нашлось общего языка и вместо согласования своих слабых сил они сосредоточили свою энергию на взаимном обличении.

По пути в Петроград я остановился в Твери, чтобы показаться своим будущим избирателям. Я был намечен кандидатом в Учредительное собрание еще от Ярославского округа. Но туда съездить у меня уже не было никакой возможности, и я ограничился опубликованием в местной печати «Письма к избирателям». В Твери происходил губернский крестьянский съезд, многолюдный и очень хорошо организованный. Предполагалось политическое единоробство с соперником-большевиком Сокольниковым, тоже москвичом. Но он почему-то не явился, и собрание прошло вполне спокойно. Мне задавали множество вопросов после доклада и проводили почти восторженно, хотя никто не расцеловал, как в пятом году в Алушке. Товарищи заверили меня, что эсеры проведут по меньшей мере трех своих кандидатов и, так как я стою на втором месте в списке, мое избрание обеспечено.

В Петрограде я окупился в обычные свои занятия. Вскоре они были прерваны исключительным событием.

Утром 28 августа я возвращался в Петроград из Павловска, где мы с женой провели воскресный день у кузенов. В вагоне я стал было писать статью для «Дела народа», когда взгляд упал на аншлаг газеты у соседа. Там сообщалось, что ген[ерал] Корнилов смещен Временным правительством с поста Верховного главнокомандующего и объявлен изменником родины... Неладья между правительством, возглавленным Керенским, и главнокомандующим давно уже не были ни для кого секретом, но трагический поворот событий застал население врасплох. И для меня был полной неожиданностью отказ Корнилова подчиниться приказу правительства и его поход на революционный Петроград. С вокзала я направился в редакцию «Дела народа». Там господствовало состояние растерянности и тревоги. Корнилов, идущий на Петроград, был, конечно, ближайшим, непосредственным и, как казалось, грозным и неумолимым врагом Временного правительства, Советов и всех нас, с ними связанных так или иначе.

Внимание к врагу на другом фланге естественно притупилось. Не надо быть военным, чтобы понимать, что борьба на два фронта в гражданской войне не менее рискованна, чем во внешней. Заключено было неоформленное перемирие с

большевиками для совместного отражения общего врага. Вскоре выяснилось, что угроза со стороны Корнилова является мнимой, во всяком случае – преувеличенной: «движение» само собой распалось – разложилось на первоначальные его элементы. Однако за те считанные часы, что это выяснилось, произошел огромный и непоправимый сдвиг – психологический и политический. Произошла перестановка целей: главный враг – большевики – выдвинулись на положение защитников демократии, а противники Февраля справа заняли положение явных его врагов. Козырь, который Корнилов дал в руки Ленину, тот уже не выпустил из рук. И Советы, которых еще в июле Ленин называл «органами соглашения с буржуазией», «похожими на баранов», выступление ген[ерала] Корнилова отбросило резко влево.

Меньшевикско-эсэровское большинство в петроградском Совете, руководимое Церетели и Гц-Либер-Даном, 31 августа потерпело первое поражение. Руководство перешло к большевикам и окончательно восторжествовало, когда освобожденный 4 сентября из заключения Троцкий был выбран председателем.

Нельзя, конечно, ни утверждать, ни отрицать с полной достоверностью, что в случае удачи Корнилов спас бы или не спас России от большевизма. Зато совершенно неопровержим тот факт, что неудачное выступление ген[ерала] Корнилова вызвало бешеный прилив энергии и решимости у Ленина и его ближайшего окружения и меньше, чем в два месяца привело их к победе.

Если бы генерал не поддался наущению своих ближайших политических советников, авантюристов Завойко, Аладьина, Филоненко, или хотя бы отсрочил свое «выступление», Октябрь не был бы произведен в октябре 17 года, и, возможно, его не было бы вовсе. Ибо в эти самые месяцы шло невидимое для посторонних состязание на скорость истощения воюющих стран. И капитуляция России со дня на день могла быть предвосхищена капитуляцией союзных с Германией стран – Болгарии и Австрии, уже заговаривавших секретно о мире.

С корниловского восстания началась агония Февраля. Корнилов, конечно, меньше всего желал сыграть в руку Октябрю. Но фактически он это сделал, намереваясь ударить по Февралю, которому он сам же раньше честно служил и который, по его убеждению, сорвался и выродился. Это была роковая ошибка, за которую Россия расплачивается по сей день. В этой ошибке повинны и руководители Февраля: переоценив угрозу со стороны Корнилова, они недооценили угрозы со стороны Ленина.

После выступления ген[ерала] Корнилова уже не могло быть речи о единении власти со «всеми организованными силами страны». Участие в деле Корнилова или даже сочувствие ему, связанное с осуждением тактики Временного правительства, откидывало в сторону «цензовые элементы» – по крайней мере, на время. Вместе с тем потребность опереться на организованное общественное мнение не только не исчезла, а усилилась. Требовал своего разрешения и очередной правительственный кризис, вызванный выходом из правительства министров-кадетов. Так возникла мысль о созыве Демократического совещания – без «цензовых элементов».

Оно собралось в Александринском театре в Петрограде и заседало целую не-

делю, от 14 по 22 сентября. Опять собралось множество народу – до 1600 делегатов от левых партий и организаций, представленных на Государственном совещании в Москве. Опять были произнесены длиннейшие речи теми же и новыми ораторами. Слова лились неудержимым потоком, но за ними не просвечивала воля к действиям. Большевики в этом совещании приняли участие, и схватка Церетели с Троцким была самым ярким моментом в затянувшемся словопрениии. Церетели, как всегда, был красноречив и благороден. Поймав Троцкого на передержке, Церетели бросил ставшую исторической сентенцию: «Когда имеешь дело с большевиками, надо запастись нотариусом и двумя писцами». Но из ораторской схватки демократического Пересвета с большевистским Челибеем победителем вышел все же последний. И не только потому, что тот не стеснялся в посулах и большевистская клика неистово поддерживала своего лидера. Но и потому, что Троцкий мастерски владел словом, а в данном случае был и в ударе.

Основным вопросом было разрешение правительственного кризиса – образовать новое правительство с участием «цензовых элементов», то есть с кадетами или без них. Разногласия проходили не только между отдельными партиями, но и внутри некоторых из них. У нас левые эсеры, у меньшевиков интернационалисты с Мартовым¹ во главе были за однородное социалистическое правительство. Победили их противники, стоявшие за коалицию с «буржуазией». Но левые тотчас же отыгрались. Они внесли поправку: «За пределами коалиции остается Партия народной свободы». Большинство поправку одобрило, сводя тем самым практически на нет свое первоначальное решение. А при голосовании резолюции в целом она собрала всего 183 голоса, против нее высказалось 813, воздержалось 80. Восьмидневные труды пошли насмарку. Совещание оказалось без решения. Проблема власти продолжала висеть в воздухе. Удовлетворение могли получить лишь крайние фланги – правые, которых не пустили на совещание, и большевики.

Что происходило публично, у всех на виду в Государственном и Демократическом совещаниях, в меньшем масштабе и келейно происходило и внутри, в частности, в нашей фракции. Голоса чаще всего разбивались почти пополам с некоторым числом воздержавшихся, которые могли бы повернуть принятое решение в другую сторону. Раскола партии мало кто желал. Но сосуществование в одной и той же партии политически разнородных и даже враждебных течений обессиливало и парализовало ее активность. Господствующим становилось, думаю не у меня одного, некое фаталистическое отношение: *fais ce que doit, advienne que pourra* – случится то, чему надлежит случиться, ты же делай, что считаешь должным!..

В помощь правительству Демократическое совещание постановило создать Временный Совет республики, который был провозглашен в корниловские дни. И 2 октября появился декрет, которым правительство приглашало принять участие в Совете республики, прозванном Предпарламентом, 555 лиц – «по представлению общественных организаций». «Цензовым элементам» отводилось примерно третье место. До выборов в Учредительное собрание оставалось всего шесть недель, и Предпарламенту надлежало быть лишь совещательным органом при Вре-

¹ Мартов (Цедербаум Юлий Осипович) (1873–1923) – политический деятель. С 1903 г. один из лидеров меньшевиков. С 1920 г. – в эмиграции.

менном правительстве, которое нуждалось в опоре на морально-политический авторитет организованного общественного мнения.

Причислявшие себя к эсерам представители различных организаций образовали в Предпарламенте особую фракцию. Она обсуждала план работ, распределяла задания, намечала, кому идти в какую комиссию, кому выступать в общем собрании, кого наметить в президиум. Места председателя и секретаря отданы были эсерам как наиболее многочисленной фракции. Председателем был назначен Авксентьев, умевший председательствовать и любивший это дело. Он был приемлем и для других фракций. Товарищами председателя были избраны представители других партий: от меньшевиков – Крохмаль, от кадетов – Набоков и от энесов – Пешехонов.

Во фракции обычно председательствовал у нас Гоц. Как оратор он был слаб, но морально-политический его авторитет стоял все время очень высоко.

И вдруг Гоц предложил избрать секретарем Предпарламента меня. Я был совершенно озадачен и сначала просил, а потом стал умолять – буквально – освободить меня от этой чести: я никогда не считался организатором и администрировать не люблю и не привык. Мне доказывали, что это не административный пост, а политический. Мой старый друг, со всеми всегда милый и благодушный, Гоц сердито сверкнул на меня стеклышками своего пенсне и, повысив голос почти до начальственного приказа, заявил, что я обязан подчиниться и выполнить то, что требует от меня партия. Я твердо стоял на своем и, думаю, отстоял бы свое право не быть избранным секретарем Предпарламента, если бы меня не вызвал спешно Н.Н. Авинов. Отведя меня в угол, он заговорщицким тоном стал меня увещевать:

– Я слышал вас намечают секретарем Совета республики. Очень хорошо...

Только Бога ради не отказывайтесь. К вам перейдет канцелярия нашего Особого совещания по закону о выборах в Учредительное собрание. Я подобрал лучших людей из канцелярий Государственного совета и Думы. Это первоклассный персонал. Его необходимо сохранить до Учредительного собрания. Вы это сделаете. Если же секретарем окажется кто-нибудь другой, всякое может случиться...

Вопрос был решен. Я согласился на избрание в секретари и, тем самым, по должности – в президиум. Точно для доказательства основательности опасений Авинова, как только фракция утвердила мою кандидатуру в секретари, ко мне обратился один из присутствовавших:

– Товарищ Вишняк, имейте в виду, в канцелярии имеется барон Шеппинг. Он контрреволюционер и его необходимо немедленно уволить. Поручите мне...

Я прервал его со всем пылом молодого администратора, ощутившего власть:

– Никого я не уволю, пока он профессионально не провинится или окажется непригодным...

«Подчиненные» мне чины канцелярии – их было несколько десятков – делали свое дело превосходно. За время нашей совместной работы не возникло ни одного недоразумения.

И свою преданность профессиональному долгу многие из них во главе с заведующим канцелярией Иваном Ивановичем Батиным доказали на деле. Не без риска для себя, они по моей просьбе явились в заседание Учредительного собрания.

И если существует стенографический отчет о нем, хотя и в несовершенном виде, история обязана этим неизвестным мне по имени чинам канцелярии, которых я унаследовал через Авинова от Государственного совета и Думы и которые передали мне свою запись в расшифрованном виде.

Большевики не повторили ошибки, которую они допустили, по мнению Ленина, участвуя в Демократическом совещании. То, что Ленин рекомендовал сделать в отношении к последнему, они проделали с Предпарламентом. На первом же заседании Троцкий от имени большевиков огласил свою декларацию о том, что «с этим правительством народной измены и с этим Советом контрреволюционного попустительства мы не имеем ничего общего», и удалился со всей своей компанией.

Предпарламент организовался как настоящий парламент, и технически работа была налажена превосходно. Рядом с президиумом появился совет старейшин – из представителей от всех входивших в Предпарламент фракций, групп и организаций. Рядом с общим собранием возникли комиссии, множество комиссий: по Наказу, обороне, внешней политике, по «укреплению республиканского строя и борьбе с анархией» – об «анархии» говорилось, чтобы не говорить о большевизме, – целых четыре экономических комиссии. Голосование часто производилось по древнеримскому образцу: *pedibus in sententiam ire* – голосование путем выхода в двери.

Все это было не так плохо, если бы соответствовало объективным условиям: тому, что творилось за стенами Мариинского дворца. Вопреки первоначальному своему назначению Совет республики из органа совещательного незаметно превратился в орган контролирующей и как бы направляющей правительственные действия. Это превращение постепенно укрепилось в сознании членов Предпарламента и, что было несравненно пагубнее, в сознании членов правительства. Это ускорило финал Предпарламента, Временного правительства и – Февраля.

На трибуне продефилировали почти все министры: Керенский, новый военный министр Верховский, новый министр внутренних дел Никитин, Прокопович. Каждый осведомлял по своему ведомству «высокое собрание» о том, что творится на фронте и в тылу. Министр продовольствия С.Н. Прокопович захватил с собой даже карту России, чтобы оживить свою лекцию. За выступлениями министров следовала критика слева, справа, из центра. Опять не было недостатка в бичующих и предостерегающих голосах. И опять собрание разбилось на два блока с подразделениями в каждом из них.

Церетели в Предпарламенте не было, он уехал на Кавказ, и руководство «революционной демократией» перешло к Дану, политически расходившемуся с Мартовым, но лично связанному с ним очень тесно. В общих собраниях Федор Ильич Дан выступал редко, но влияние его сказывалось во фракции, и не только у меньшевиков. У эсеров не было признанного лидера, и большинство фракции плелось в кильватере за меньшевиками. В половине октября обозначился и формальный откол так называемых левых эсеров. Фракция постановила, что несогласные с решением большинства имеют право в Предпарламенте воздержаться от голосования, но не имеют права голосовать против принятого решения. Левые

с этим не согласились и заявили, что в ближайшем же заседании Предпарламента внесут свою резолюцию. Так они и сделали.

Все споры сводились к трем основным вопросам: оборона страны, внешняя политика и то, что именовалось «борьбой с погромами и анархией». Оборона была тесно связана с упадком дисциплины в армии, и активная внешняя политика зависела от боеспособности армии. И тут меньшевик-интернационалист Мартов, настаивая на предании суду ген[ерала] Корнилова, одновременно требовал освобождения совершивших нарушение военной дисциплины по идейным мотивам. Как будто ген[ерал] Корнилов нарушил дисциплину не по «идейным мотивам».

Дан доказывал, что война была вызвана не потребностями капиталистического развития страны, а чтобы отвлечь внимание народа от вопросов внутренней политики. И сейчас армию разлагает неудовлетворенное революцией стремление к миру. «Мир, мир, мир» звучало в речах левых меньшевиков и левых эсеров. А когда против них выступил Потресов с защитой необходимости обороны, его аргументация сводилась к политическому самоотречению. Если немедленный мир все же неизбежен и бороться против этого нельзя, пусть власть берут большевики и пусть расплачиваются за это пред лицом истории, – таков был политический рецепт благороднейшего и умного Александра Николаевича.

В итоге сумбурных прений внесено было целых пять резолюций, или, как они на парламентский лад назывались, переходов к очередным делам: от меньшевиков, меньшевиков-интернационалистов, эсеров, левых эсеров и от всех других групп – кадетов, кооператоров, группы «Единство», народных социалистов, казаков, торгово-промышленной группы. Общим для всех этих резолюций было то, что ни одна из них не получила одобрения большинства – каждая имела против себя большинство. После такого афронта решено было ставить на обсуждение только те вопросы, по которым может сложиться мнение большинства. Это делу не помогло.

С обсуждением внешней политики пошел тот же разнобой – но тут уже не только среди членов Предпарламента, а и среди членов правительства. Левые настаивали на том, что надо взять инициативу в свои руки и предложить союзникам заключить немедленно мир. С другой стороны Струве¹ заявил: «Я ненавижу анархию, но ценою мира, недостойного России, не желаю покупать избавления от нее». Это было уже не так далеко от рецепта Потресова. И Струве не нашел ничего более своевременного, как воскресить старый спор против формулы «без аннексий и контрибуций».

Я впервые присутствовал при политическом выступлении Петра Бернгардовича. Это было довольно тягостное зрелище. Говорил он очень плохо, спотыкаясь и заикаясь и не всегда ясно – совсем не так, как писал. Когда я поделился своим разочарованием с одним из почитателей Струве, тот меня утешил:

– Знаете, в Писании говорится, когда Моисею надо было передать фараону волю Бога, он брал с собой своего брата Аарона, красная, но не слишком мудрого... Струве не говорун именно потому, что он мыслитель. Он больше озабочен

¹ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – политический деятель, экономист, публицист. С 1905 г. член ЦК партии кадетов. После 1917 г. один из идеологов Белого движения. С 1920 г. – в эмиграции.

тем, чтобы мысли были стройны, а не тем, чтобы слова бежали быстро...

И в самом правительстве не все обстояло благополучно по этому пункту. Новый военный министр ген[ерал] Верховский защищал необходимость скорейшего выхода из войны, а министр иностранных дел, сменивший Милюкова, Терещенко, вдруг вернулся на апрельские позиции Милюкова. После сенсационного заявления Верховского, сделанного в комиссионном заседании, и резкого отпора ему со стороны Терещенко ко мне подошел сменивший Набокова управляющий делами правительства Гальперн Александр Яковлевич и стал зондировать почву, как отнеслись бы эсеры к замене Терещенко Нольде?

– Внешняя политика требует гибкости, а Терещенко ее не обнаруживает.

Я не был подготовлен ни к вопросу, ни к ответу и ограничился указанием, что кандидатура Нольде не вызовет энтузиазма у эсеров, по моему мнению; сам я «большой политики» не делаю, но, если нужно, могу навести справку. Дальнейшего продолжения разговор не имел.

Как ни глужчи были вопросы об обороне и внешней политике, непосредственная угроза в эти дни нависла с другой стороны. Уже 10 октября большевики вызывающе-открыто создали свой Военно-революционный комитет для овладения властью. Тогда же было избрано первое большевистское Политбюро – из семи человек в составе Ленина, Сталина и пяти других, признанных позднее самими большевиками «врагами народа». Большевики были уже не у ворот, а в воротах, а глава правительства оптимистически заверял членов Предпарламента 13 октября, что «никаких оснований для паники не должно быть: всякая попытка, если бы она была, противопоставить воле большинства и Временного правительства насилие меньшинства встретит достаточное противодействие». Можно было предполагать, что эти слова свидетельствуют о хладнокровной решимости осуществить разработанный план. Увы, это было не так.

К решительным мерам правительство приступило лишь 23 октября, когда было уже слишком поздно. Однако и в это время в правительстве не было согласия. Предложение об аресте членов Военно-революционного комитета встретило возражения со стороны министра юстиции Малянтовича, Павла Николаевича, которого поддержали двое его коллег. Компромисс был найден в том, чтобы обратиться за поддержкой к Совету республики. Такое обращение перекладывало ответственность на плечи Предпарламента, к тому вовсе не призванного. Если нужно было лишнее фатальное решение, оно было налицо.

Министр внутренних дел Никитин и глава правительства Керенский явились днем 24 октября в Мариинский дворец и произнесли драматические речи. Никитин потребовал от Предпарламента, чтобы он санкционировал применение вооруженной силы и репрессий для борьбы с «анархией». Его поддержал Керенский, заявивший, что восстание уже происходит, и предъявил требование, чтобы «сегодня же в этом дневном заседании Временное правительство получило ответ (?), может ли оно исполнить свой долг (!) с уверенностью в вашей поддержке».

Четыре часа фракции совещались. А когда заседание возобновилось, левые эсеры заявили, что правительству не доверяют. Дан сообщил, что он и его единомышленники одновременно и против поднятого большевиками восстания, и

против насильственного его подавления правительством. Большинство Предпарламента 113 голосами эсеров и меньшевиков приняло резолюцию о том, что «вооруженное выступление, имеющее целью захват власти, грозит вызвать гражданскую войну», и потому «необходимо немедленное принятие мер» для ликвидации «проявления анархии и разрухи». Вместе с тем в резолюции говорилось, что, помимо объективных условий войны и разрухи, благоприятную почву для агитации создало «промедление проведения неотложных мер, и потому прежде всего (!) необходим немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление по внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры».

Все это – за две с половиной недели до выборов в Учредительное собрание и, главное, когда большевики заканчивали последние приготовления к захвату власти. Против резолюции голосовали 102 лица; воздержались 26 – в их числе был и я.

Принятую «формулу перехода» Дан с Гоцем повезли к Керенскому. Он расценил ее как выражение недоверия правительству и заявил, что оно выходит в отставку. При помощи экстренно вызванного Авксентьева удалось убедить Керенского, что резолюция неудачно сформулирована, но недоверия в ней нет. Отставки правительства удалось избежать. Был уже первый час ночи на 25 октября. Гоцу с Даном предстояло еще экстренное собрание Центрального Исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов совместно с Исполнительным комитетом Всероссийского Совета крестьянских депутатов и приехавшими на предстоящий Съезд советов делегатами.

На этом заседании Дан от имени «революционной демократии» подтвердил, что «ЦИК, верный своей политике... будет стоять посредине между двух враждующих станов и только через труп ЦИКа штыки двух враждующих сторон скрестятся между собой». Его прервали: «Да, это уже давно мертвый труп»...

Не прошло после этого и двенадцати часов, как вооруженные солдаты и матросы оцепили Мариинский дворец и выставили караулы у входов и выходов. По соседству появился броневик. Командовавший отрядом прапорщик потребовал, чтобы собравшиеся немедленно покинули помещение, не то пустят в ход оружие. Совет старейшин принял наспех резолюцию – последнюю – с выражением «решительного протеста против насилия безответственных элементов, под угрозой штыков препятствующих работе и деятельности Временного Совета республики».

Стали направляться к выходу. Я стал у дверей, чтобы убедиться, что нико-го не задержат. Милоков, пунцовый от волнения, но внешне спокойный, благополучно миновал караул. В полной генеральской форме проследовал и ген[ерал] Алексеев. Остановили почему-то Авинова.

– В чем дело?

– Так что приказано задерживать всех министров.

– Но Н.Н. Авинов *бывший товарищ* министра.

Отпустили и его. Прошли все. Закрылись и за мной двери Мариинского дворца, в котором я провел ровно пять месяцев, день в день.

Февраль приказал долго жить.

Глава VII Октябрь

Февраль потерпел поражение по многим основаниям. Обобщая, их можно свести к упадку воли и бессилию демократии. Сохранился документ, точно и неопровержимо устанавливающий пределы этого бессилия. Это лента разговора по прямому проводу между Ставкой Верховного главнокомандующего и военным министерством в час ночи на 26 октября.

Мой близкий друг подпоручик Шер в должности начальника Политического управления министерства докладывал: «Сутки тому назад штаб округа должен был констатировать, что он опирается лишь на женский батальон, две-три роты юнкеров, роту ударников и группу офицеров, пришедших из госпиталей. Броневые машины заявили, что не желают активно бороться за Временное правительство, и к утру ушли. Три казачьих полка, находящихся в Петрограде, в течение всей ночи вели переговоры относительно своего прихода к Зимнему дворцу и к утру прислали 2–3 сотни, рассеявшиеся к сегодняшнему вечеру...

В общем, в начале восставшие не проявили большой решимости... Большевики растерянно ищут поддержки в других слоях, говоря о совместной работе. Ленин, выступая сегодня в Петроградском Совете, заявил, что немедленного мира ждать невозможно и решительная политика мира не означает немедленно прекращения войны. Как сложится власть, сказать трудно¹.

Победа Октября выразилась в аресте и в заключении в Петропавловскую крепость большинства министров Временного правительства; в овладении правительственным аппаратом: захвате телефона, телеграфа и других государственных служб и помещений; в умерщвлении Главковерха Духонина и назначении на его должность прапорщика Крыленко – бывшего «товарища Абрама» и будущего комиссара юстиции; в возглавлении большевиками нового правительства и конкурировавших с Временным правительством Советов; в объявлении врагами народа и в переходе на нелегальное положение ряда виднейших деятелей Февраля.

Несмотря на бесспорные успехи, победители в первое время чувствовали себя неуверенно, не ощущали себя господами положения. Образованное 26 октября II Съездом Советов «для управления страной Временное (!) рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом народных комиссаров», было создано на короткий срок – «впредь до созыва Учредительного собрания». К тому же Ленин первоначально пытался вообще уклониться от ответственности и прятался за чужую спину.

«Это не политика большевиков, вообще не политика «партийная», – говорил он полковым представителям Петроградского гарнизона 29 октября, – а политика рабочих, солдат и крестьян, т.е. большинства народа». С предельным цинизмом утверждал он и десятью днями позже на заседании представителей профсоюзов: «Неправда, что мы не хотим соглашения для избежания (!) гражданской войны. С такими силами, как Каледин, Родзянко, Рябушинский, мы готовы заключить соглашение, так как они опираются на реальную силу и имеют значительный об-

¹ Архив русской революции. 1922. Т. VII. С. 304 (прим. М. Вишняка).

щественный вес. Но «соглашательские» партии добиваются соглашения, не имея за собой силы. И не политики, а политиканы – Черновы, Даны, Либеры – полагают, что соглашение с ними даст стране гражданский мир и удовлетворит Каледина и другие контрреволюционные элементы»¹.

И до захвата власти большевистскую среду раздирали разногласия: не все соглашались на немедленный захват. Когда же его все-таки произвели под прямым давлением Ленина, началось немедленно бегство от переворота. Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин, Милютин, Теодорович, Рязанов, Ларин заявили о выходе из ЦК и Совнаркома, а некоторые из обоих учреждений, так как находили политику ЦК «гибельной, проводимой вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии»².

Таково было настроение победителей. Не все считалось безвозвратно потерянным и в лагере побежденных. Как общее правило можно установить: чем левее была антибольшевистская группа или организация, тем менее безнадежным представлялось ей будущее. По их толкованию, Октябрь был эпизодом, случайным и непрочным, «авантюрой», «безумной авантюрой». Немного потребуется времени, и, столкнувшись с действительностью, зарвавшиеся политические игроки сами убедятся в неосуществимости своих утопических мечтаний и вынуждены будут капитулировать. Оптимистический передовик «Дела народа» писал 3 ноября: «П[артия] с[оциалистов-]р[еволюционеров] не должна быть партией гражданской войны с правительством большевиков, так как она не борется с теми рабочими и солдатами, которые временно идут за большевиками. Она должна победить большевизм, вскрывая перед демократией всю внутреннюю ложь его».

Это было бы правильно, если бы и большевики со своей стороны «не боролись» с теми рабочими и солдатами, которые не шли за большевиками. Между тем дело обстояло иначе: Октябрь одержал победу именно потому, что ни в какой мере не считался с мнением тех, кто за большевиками не хотел идти. Большевики подняли гражданскую войну, но поставили ее на счет своим противникам. В антибольшевистском лагере усилия большинства меньшевиков и эсеров сосредоточились не столько на оказании активного сопротивления зачинщикам войны, сколько на ее ликвидации. Большевистская затея казалась столь антиисторичной и объективно обреченной на провал не сегодня, так завтра, что, задумываясь о завтрашнем, мысль парализовала волю сегодняшнего дня. Создавалась в психике некая «линия Мажино», предоставлявшая событиям идти своим чередом в предрешенном историей направлении.

В целях скорейшей и безболезненной ликвидации большевистской авантюры выдвинут был план образовать однородное социалистическое правительство без большевиков. Пресловутому Викжелею (Всероссийскому Исполнительному комитету железнодорожников) удалось в течение первых, наиболее критических для большевистской власти дней ввести многих в заблуждение планом предотвращения гражданской войны путем образования правительства «от большеви-

¹ Любимов И.Н. Революция 1917 года. Хроника событий. Т. VI. М., 1930. С. 108 (прим. М. Вишняка).

² Там же. С. 72 (прим. М. Вишняка).

ков до народных социалистов». Совещание при Вижкеле с участием большевиков спроектировало даже «Временный народный совет» из 420 членов, обсудило и личный состав нового правительства «на расширенной базе». Но дальше дело, конечно, не пошло. Когда минула острая надобность в затяжке, Ленин не постеснялся признать, что переговоры должны были служить «прикрытием военных действий»¹.

Более решительно были настроены Комитет спасения родины и революции и Совещание представителей городских самоуправлений, созданное по почину Петроградской городской думы. Оба учреждения исходили из факта гражданской войны, поднятой большевиками, которой может положить конец лишь низвержение власти узурпаторов. Но взаимным информированием, заслушиванием докладов, прениями по ним и даже бичующими захват власти резолюциями низвергнуть узурпаторов было невозможно. Реальную же силу составлял Петроградский гарнизон и рабочие, из которых большевики формировали свои красногвардейские отряды. За души этих солдат и рабочих и шла ожесточенная борьба на бесчисленных собраниях и митингах, в газетах и листовках с переменным успехом – в пользу большевиков или антибольшевистских социалистических партий.

И я занят был этим. Писал в «Деле народа» о «диктатуре против пролетариата», о «самодержцах в Смольном», о том, что «большевики обманули народ, когда обещали ему немедленный мир так же, как обманывают народ, обещая ему немедленно землю и хлеб». Я отмечал, что в «Известиях» большевики уверяют, что их «правительство не ставит себе непосредственной задачей совершение социалистической революции... Сейчас социалистической революции еще никто не совершает». А пятью днями раньше они утверждали как раз обратное. «Так было и так будет и с другими обещаниями большевиков». История, к сожалению, оправдала эти мои слова. Но я ошибся в другом. В той же статье от 2 ноября я риторически вопрошал: «Кто за границей согласится договариваться с большевиками? Предатели по отношению к своей родине, своей революции и демократии, большевики, конечно, не остановятся перед предательством чужой страны и народа». Последнее оправдалось, но относительно иностранцев я оказался совершенно не прав: с 1921 года Германия, а затем Англия с Италией наперегонки бросились договариваться с большевистскими «каннибалами» сначала экономически, а потом и политически.

Занят я был и изготовлением статьи для сборника, который редакция «Права» предполагала издать ко дню созыва Учредительного собрания. В.Д. Набоков просил меня дать вступительную статью с общей характеристикой начал, на которых было задумано Учредительное собрание и построен закон о выборах. Я ее составил и даже просмотрел гранки набора. Написал и Нольде порученную ему статью об организации выборов на фронте. Другие авторы не успели закончить своих статей, когда выяснилось, что издание не может быть осуществлено по причинам техническим и политическим.

Гораздо реже, чем в печати или в закрытых заседаниях общественных и по-

¹ Любимов И.Н. Революция 1917 года. Хроника событий. Т. VI. М., 1930. С. 47 (прим. М. Вишняка).

литических организаций, выступал я на массовых митингах. Повезли меня как-то в Петергоф на такой митинг. Огромный зал был заполнен до отказа людской массой – преимущественно в расхлястанных солдатских шинелях. Когда, говоря без особого почтения о захватчиках власти, я снова упомянул имя Ленина, вскочил со своего места христообразный солдат с всклокоченной светлой бородашкой и глубоко запавшими горящими глазами и крикнул по моему адресу:

– Ты не трожь нашего Ленина (он так и произнес: Ленина). Он святой! Я продолжал и закончил речь благополучно. Мне много и шумно аплодировали, без того, однако, чтобы моя речь имела практически осязаемый результат. Но образ уверовавшего в святость Ленина солдата навсегда сохранился в памяти, как неопровержимое свидетельство того, что в большевистских рядах, особенно вначале, имелись не только преступные элементы, карьеристы-честолюбцы, «жрецы минутного успеха» и авантюристы, но и фанатики – идеалисты и изуверы.

Создалось положение, при котором и те, кто подняли гражданскую войну, и те, против кого она была поднята, как бы одинаково признали, что сложившаяся обстановка временна – является переходной к тому, что придет с Учредительным собранием. Вот придет «барин» – хозяин земли русской, – он нас и рассудит... Учредительное собрание оказалось в центре общего внимания, пропаганды, надежд и опасений. Это длилось два с половиной месяца, отделявших октябрьский переворот от созыва – и ликвидации – Учредительного собрания.

Яркой иллюстрацией распространенных тогда настроений может служить речь, которую произнес на митинге Союза писателей чуткий и восприимчивый к окружающим его «флюидам» Д.С. Мережковский. Со свойственными ему экстазом и преувеличениями мистик и духовидец публично исповедовал свою веру в то, что «огни потушить можно, но как потушить солнце? Учредительное собрание – солнце русской земли. Когда оно взойдет, исчезнут все призраки. Или, может быть, упырь захочет потушить солнце? Ну, что ж, пусть попробует!

Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что в Учредительном собрании Ленин сломает себе голову!»¹.

Самый захват власти формально оправдывался необходимостью «обеспечить немедленный созыв Учредительного собрания». На следующий день после переворота «Правда» жирным шрифтом подчеркивала: «Товарищи! Вы своею кровью обеспечили созыв в срок хозяина земли русской – Всероссийского Учредительного собрания». В тот же день происходило заседание Съезда Советов, который должен был санкционировать переворот, и здесь Ленин так защищал свой декрет о земле: «Как демократическое правительство мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ними были не согласны... И если даже крестьяне пойдут и дальше за эсерами и если они даже этой партии дадут в Учредительное собрание большинство, то и тут мы скажем, пусть так!». Принятый тут же декрет о земле начинался со слов: «Вопрос о земле во всем его объеме может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием».

Даже видные большевики, не входившие в ЦК, не знали тогда того, что стало общеизвестным лишь в 1929 г., после опубликования Госиздатом протоколов Цен-

¹ «Новая речь» от 28 октября [1917 г.] (прим. М. Вишняка).

трального комитета РСДРП. Оказывается, еще 10 октября, когда большинство ЦК одобрило предложение Ленина о немедленном захвате власти, Ленин доказывал, что «ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу». Когда же переворот неожиданно легко удался, возникла иллюзия – ее одно время не был чужд и Ленин, – что Учредительное собрание может пойти за большевиками. Слабость оказанного большевикам сопротивления они склонны были принять за собственную силу. И чтобы сломить недоверие скептиков и связаться с народной толщей, большевики выдвинули тот же самый лозунг – Учредительное собрание, – который служил знаменем сопротивления Октябрю и борьбы с ним.

«Мы всеми силами стремимся к созыву Учредительного собрания, ибо только оно может успокоить разоренную империалистической войной страну», – доказывал большевистский главковерх Крыленко на Юго-Западном фронтовом съезде в Бердичеве. «Да, мы свергли Временное правительство. Но свергли потому, что оно не хотело созывать именно это Учредительное собрание... Мы хотим, чтобы Советы правили бы страной до того дня, когда раздастся властный голос последнего. И мы хотим, мы требуем от вас, товарищи солдаты, чтобы вы поддержали нас, чтобы вы утвердили лозунг «Вся власть Советам до дня созыва Учредительного собрания».

Для многих это звучало убедительно – тем более, что ряд актов Совнаркома как будто соответствовал подобным утверждениям. 28 октября за подписью Ленина были в срочном порядке разосланы телеграммы избирательным комиссиям на местах с приказом продолжать работу по организации выборов в Учредительное собрание и обязательно произвести их в установленный – еще Временным правительством – срок. Такое же предложение было сделано и нашей Всероссийской комиссии с добавлением: лица, арестованные в связи с переворотом 25 октября, должны быть допущены к выборам. Это совпадало и с нашими планами.

Как только минули драматические дни смены власти с беспорядочной уличной стрельбой и беспрестанными визитами красноармейцев, с разгромами ренсковых погребов и пьяным озорством, Всероссийская комиссия возобновила свои занятия.

Наружная охрана с Мариинского дворца была снята, и мы, как прежде, собрались там и опубликовали заявление, что Комиссия продолжает считать себя органом Временного правительства, ответственным только перед ним. Работа наша была чрезвычайно затруднена тем, что в ряде случаев необходимо было отступить от общих правил выборов – например, при соблюдении сроков, образовании местных комиссий и т.п., а разрешить такое отступление могло лишь правительство, которого не было: Временное правительство исчезло, а Совнарком мы не признавали. Тем не менее, 11 ноября, то есть накануне дня выборов, Комиссия циркулярно оповестила, что, по ее данным, «ход подготовительных работ оказался более благополучным, чем то можно было ожидать при составлении избирательного закона... Только в 13 округах (с общим числом членов Учредительного собрания 85) возник вопрос о допущении отсрочки выборов... Предвиделась возможность произвести 12–14 ноября избрание 626 членов Учредительного собра-

ния. Что касается пяти фронтowych и двух флотских округов, то в них до 20-х чисел октября подготовительные работы по выборам протекали нормально» (циркуляр № 1149).

Самые выборы произведены были вполне благополучно по большинству избирательных округов 12, 19 и 26 ноября. Во глубине России они прошли как в странах с прочно установленной демократией, т.е. как национальный и гражданский праздник. В деревнях слышен был церковный благовест и крестьяне опускали конверт с избирательной запиской в ящик, крестьяне и с твердой верой, что Всероссийское Учредительное собрание, всемогущее и праведное, удовлетворит их нужды и невзгоды.

Пока исход выборов не обозначился, большевики вовне или официально соревновались с антибольшевиками в выражении преданности и верности Учредительному собранию. Но как только определилось, что население в своем подавляющем большинстве пошло не за победителями, как естественно было предполагать и как надеялись победители, так отношение со стороны последних к Учредительному собранию радикально и бесповоротно изменилось. И чем яснее стали проступать итоги выборов, тем решительнее становилось враждебное отношение большевиков. Оно обнаружилось не сразу: Ленин должен был предварительно обработать и подготовить свою публику. Как рассказал позднее ближайший единомышленник Ленина Троцкий, «в первые же дни, если не часы, после переворота Ленин поставил вопрос об Учредительном собрании. Надо отсрочить, предложил он, отсрочить выборы, надо расширить избирательные права...

Надо дать возможность обновить списки. Наши собственные списки никуда не годятся: множество случайной интеллигенции, а нам нужны рабочие и крестьяне. Корниловцев-кадетов надо объявить вне закона. Ему возражали: неудобно сейчас отсрочивать. Это будет понято как ликвидация Учредительного собрания, тем более, что мы сами обвиняли Временное правительство в оттягивании Учредительного собрания. Ленин со своей позицией оказался одиноким. Он недоволен поматывал головой и повторял: ошибка, явная ошибка, которая может нам дорого обойтись. Как бы эта ошибка не стоила революции головы...

Выяснилось тем временем, что мы будем в меньшинстве даже с левыми эсерами...

– Надо, конечно, разогнать Учредительное собрание, – говорил Ленин, – но вот как насчет левых эсеров?

Нас, однако, очень утешил старик Натансон. Он зашел к нам «поговорить» и с первых же слов сказал: «А ведь придется, пожалуй, разогнать Учредительное собрание силой».

– Браво! – воскликнул Ленин, что верно, то верно. А пойдут ли на это ваши?

– У нас некоторые колеблются, но я думаю, что в конце концов согласятся, – ответил Натансон¹.

До времени Ленин, Натансон, Троцкий и прочие злоумышленники против Учредительного собрания держали свои планы в секрете даже от ближайших единомышленников. Достаточно сказать, что еще 21 ноября Военно-революционный

¹ «Правда», № 91 от 20 апреля [19]24 г. (прим. М. Вишняка).

комитет большевиков предложил Совнаркому организовать канцелярию будущего Учредительного собрания, а на следующий день тот же ВРК опубликовал обращение ко всем Советам и армейским комитетам с указанием, что дальнейшая отсрочка созыва Учредительного собрания невозможна и что о каждом факте недобросовестной деятельности Всероссийской комиссии по выборам надлежит уведомлять Совнарком.

23 ноября [1917 г.] назначен был комиссар *над* Всероссийской комиссией – будущий глава петроградской Чека М.С. Урицкий¹, на которого возложена была обязанность обеспечить правильность подготовительных работ по созыву Учредительного собрания. В тот же день нас, большинство членов Всероссийской комиссии, арестовали. Произошло это очень просто.

Заседание происходило уже в Таврическом дворце, куда перенесена была канцелярия и все делопроизводство по выборам. Зал для будущего собрания перестраивался, чтобы вместить большее количество избранных по сравнению с тем, на которое рассчитаны были Государственные думы. Неожиданно явился некто, назвавшийся Урицким. Это был невзрачный, средних лет, коротконогий человек с пенсне на черном шнурке, в широких брюках, из которых он не вынимал рук. Урицкий заявил, что заседания Комиссии могут происходить лишь в его присутствии, так как он является комиссаром «по» выборам. В случае неподчинения этому распоряжению члены Комиссии должны будут покинуть помещение.

Комиссия постановила требование Урицкого отклонить и заседание продолжать. Тогда введен был наряд вооруженных солдат, потребовавший, чтобы собравшиеся разошлись. Когда мы отказались, Урицкий распорядился: «Вывести всех членов Комиссии за ворота». Он добился этого после того, как командовавший нарядом прапорщик вернулся с подписанной Лениным бумажкой-приказом об аресте «кадетской» комиссии и препровождении ее в Смольный. Таким образом мы совершенно неожиданно очутились в стане врага, в том самом капище, где творился «Великий Октябрь».

Правда, нас отвели не туда, где заседали большевистские вожди и нотабли Октября, а в тесную, узкую и низкую комнатку, в которую вела неприглядная лесенка. Днем позже я описал «Сидение в Смольном» в письме, напечатанном в «Деле народа» 26 ноября. «Камера» чище, чем те, в которых приходилось сидеть при царском режиме. Ни параша, ни решетки. Но воздуха не хватает. Нет коек. Спим, как попало, на полу, на столе, на скамейке, носящей знак Таврического дворца.

Большевики обещали всему народу хлеб. Они оказались не в силах дать его даже своим пленникам, в том числе и солдатам из фронтовой комиссии по выборам в Учредительное собрание, социал-революционерам и социал-демократам, делегированным с фронта, которые (добровольно) явились, чтобы разделить судьбу с «кадетско-оборонческим составом» Всероссийской комиссии».

Вечером начался допрос. Допрашивал по очереди присяжный поверенный Красиков – тот самый, о котором Ленин в пору эмиграции говорил: «Не то сквер-

¹ Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918) – политический деятель, большевик. С октября 1917 г. член Военно-революционного партийного центра по руководству восстанием и Петроградского ВРК. С марта 1918 г. председатель Петроградской ЧК и нарком внутренних дел Северной области. Убит террористом.

но, что тов. Красиков партийные деньги пропил в веселом заведении в Львове, а то возмутительно, что он из-за этого транспорта (нелегальной) литературы не наладил». Пришел и мой черед. Я вошел, не здороваясь. Красиков явно соблюдал «Форму» – был предупредителен и любезен до вкрадчивости. Попробовал было именовать «товарищем», но неуверенно.

– Признаете ли вы власть народных комиссаров?

– Что за вопрос?.. Какое может быть сомнение: конечно, нет! Как один из редакторов «Дела народа» я неоднократно и публично за своей подписью об этом заявлял.

– Значит, вы признаете власть Временного правительства?

– Я вообще отказываюсь отвечать на ваши инквизиционные вопросы!..

Красиков перебил:

– Я не смею насилловать вашу волю. Я только спрашиваю, не угодно ли вам будет...

Теперь перебил уж я:

– Как и царские жандармы, вы...

Диалог скоро закончился. Большевистский Порфирий Порфирьевич занес в протокол, что от ответов на поставленные ему вопросы имярек отказался. Это были еще до-чекистские или идиллические времена большевистского режима, и можно было безнаказанно говорить то, что думаешь. Закончив допрос, Красиков перешел к обмену мнениями по «текущему вопросу» с выкриками по адресу «мировой плутократии», слепым орудием которой, в частности, являются эсеры, и с угрозами, что власть может оказаться бессильной удержать ярость народную против «саботажников».

Во время допроса и дискуссии вошел «сам» Урицкий, постоял молча у стола, за которым мы с Красиковым сидели, повертел руками в карманах и, не проронив ни слова, удалился. Появился на короткий момент и бывший наш коллега по Особому совещанию Козловский. Когда меня повели обратно в «камеру», на одной из дверей я прочел надпись: «фракция левых эсеров». Это Натансон с Штейнбергом, Калегаевым и другими, еще не заделавшимися народными комиссарами, уже подпирали собой и эсеровским авторитетом власть тех, кто держал под стражей их бывших товарищей...

Отведенное под арестованных помещение еле-еле вмещало 12–15 человек, и на ночь четверо-пятеро перемещались в другую комнату, где находились другие арестованные, в том числе последний по времени управляющий военным министерством ген[ерал] Маниковский, попавший под замок за отказ расформировать с таким трудом добытые военно-промышленные комитеты. Я располагался на ночь на столе. Набоков – на узкой деревянной лавке. Не помню уж кто – на полу. Нольде домашние принесли койку, которую он приставил к стене, создав некое подобие «privacy». Доставили нам и провиант – сначала близкие, а потом и тюремщики. Жить стало легче, жить стало веселей, хотя по-прежнему было тесно и неудобно.

Особенно чувствительно было заключение для наших старших коллег, не привыкших проводить дни и ночи в малознакомой кампании, да еще под стра-

жей. Тем не менее, они с честью выдержали испытание. Не нарушая коллегиальной солидарности, они приспособились к непривычным условиям жизни, но, когда могли, возвращались к своему укладу.

Так, Набоков – с трехмесячным тюремным стажем за подписание Выборгского воззвания – поразил воображение не одних только окарауливавших нас красноармейцев, когда, не обращая никакого внимания на обступавших нас солдат, мылся в распластанном на полу уборной подобии резиновой ванны или брился очередной, на каждый день особой бритвой из особого бритвенного ларца.

Время проходило в оживленной беседе друг с другом и с близкими, приходившими на свидание.

Пришел на свидание и наш коллега проф[ессор] Гессен, по случайной причине отсутствовавший на заседании Комиссии, когда ее арестовали. Из солидарности с нами Гессен пришел «заарестоваться» тоже, и больших трудов стоило убедить его отказаться от этого. Чтобы убить время и для развлечения, на третий день сидения решили устраивать по вечерам общее собеседование на тему, которую предоставлялось выбрать очередному докладчику. Идея «паритета» вошла прочно в сознание, и наши коллеги справа настояли на чередовании докладчиков – правых и левых.

Первое сообщение сделал Набоков. Он рассказал в живой форме, как вместе с Нольде, вооружившись первым томом Свода законов, они составили акт об отречении от престола великого князя Михаила и о передаче «всей полноты власти» Временному правительству. Это произошло утром 3 марта за детским столом дочери кн[язя] Пютятина на Дворцовой площади. В своих воспоминаниях о 17 годе, мрачных и тягостных, Набоков позднее воспроизвел свой рассказ в печати.

Чтобы не возвращаться к опубликованным воспоминаниям Набокова, прибавлю, что и мне в них посвящено несколько строк, малоприятных, невзирая на дружеские наши отношения, и не вполне соответствующих смыслу того, что было. Описывая заседание Совета старейшин в Предпарламенте, где я, по званию секретаря, обычно сидел рядом с товарищем председателя Набоковым, последний припоминает, как я шепнул ему на ухо:

– Настоящий синедрион!..

Набоков привел мои слова в подтверждение факта преобладания в Совете старейшин евреев – наподобие древнего синедриона, представлявшего еврейство. Между тем мое замечание относилось не к «иудеям», а к бороатым и седовласым «старейшинам»: Натансону и Чайковскому, Куллеру и Мартову, Винаверу и Пешехонову. Упоминаю об этом для иллюстрации того, что даже такой мемуарист, как Набоков, разочаровавшись в своем прошлом, оказался склонным вкладывать в события смысл, которого они не имели.

Следующим докладчиком в порядке паритета был Брамсон. Он рассказал интересный эпизод из своей жизни – посещение Ясной Поляны и беседу с Толстым, позднее тоже появившийся в печати.

Третий вечер был занят историческим экскурсом Нольде в то, что тогда клеймилось тайной дипломатией и представляло собой неопубликованные соглашения и договоры России с другими государствами. Можно только пожалеть, что

этот рассказ тогда же не появился в печати. Он был чрезвычайно поучителен не только для «сотрудника Наркоминдела матроса Маркина», который «вместе с другими красногвардейцами просиживал ночи, добываясь расшифрования документов»¹.

В число секретных договоров Маркин включил и ряд «справок» и «записок», которые русское министерство составило для своих собственных нужд. Впрочем, и некоторые составители «Истории дипломатии», подчеркивая заслуги матроса Маркина, сами недалеко ушли от своего предшественника.

В том же томе сообщается, что «и Временное правительство не прочь было заключить мир с Германией, а некоторые его деятели, как бывший министр иностранных дел Милюков, прямо предлагал опереться на немцев для подавления революции»². Надо ли опровергать этот лживый вымысел «историков»?.. Кто же не знает, что, когда Милюков хотел опереться на немцев, он не был уже министром, а большевики сами уже проделали то самое, что ставили в вину Милюкову и – без тени какого-либо правдоподобия – Временному правительству.

После четвертого сообщения – его сделал я, и оно носило характер воспоминания из революционной практики – пришло официальное извещение об избрании меня членом Учредительного собрания по Тверскому избирательному округу. (Избранный позднее и по Ярославскому округу, я принял это избрание, чтобы освободить место следовавшему за мной в эсеровском кандидатском списке по Тверскому округу).

Большевики, казалось нам, очутились перед дилеммой: нарушить депутатский иммунитет и оставить члена Учредительного собрания вместе с другими под стражей или вместе со мной освободить и других членов Всероссийской комиссии. Большевики предпочли последнее и всех нас «именем народной власти» освободили.

Однако предположение, что большевики спасовали перед принципом иммунитета депутатской неприкосновенности, получило немедленное опровержение. В последовавшую за нашим освобождением ночь на 28 ноября на квартире у С.В. Паниной были арестованы выбранные членами Учредительного собрания по кадетским спискам Кокошкин, Шингарев и Пав[ел] Д[митриевич] Долгоруков. Арестованных препроводили в Петропавловскую крепость, куда вскоре присоединили к ним Авксентьева, Аргунова, Гуковского и Питирима Сорокина, избранных по эсеровским спискам.

На 28 ноября Временное правительство назначило открытие Учредительного собрания. С утра Всероссийская комиссия собралась в Таврическом дворце. Неожиданно появился среди нас Урицкий и, не здороваясь и не снимая шляпы, заявил, что заседание незаконно и мы должны разойтись. Урицкого отчитали за невоспитанность, и он, послушно сняв шляпу, удалился. В помещении появился вооруженный караул, расположившийся мирно за нашими креслами. Мы продолжали работу, как будто ничего не произошло.

В полдень состоялась многотысячная уличная демонстрация в честь Учреди-

¹ См.: История дипломатии. 1945. Т. 2. С. 305 (прим. М. Вишняка).

² Там же. С. 310 (прим. М. Вишняка).

тельного собрания по призыву создавшегося Комитета защиты Учредительного собрания. Во главе демонстрантов шли члены Учредительного собрания, анти-большевики, оказавшиеся в Петрограде и на свободе.

У решетки Таврического дворца Чернов, Родичев, Питирим Сорокин и другие произнесли речи. Не обращая внимания на стражу, мы прошли во дворец – в помещение думской финансовой комиссии. Налицо оказалось всего 45 членов Учредительного собрания, принадлежащих к оппозиционным партиям. Собравшиеся признали, что они не могут составить Учредительное собрание, но «могут ускорить созыв последнего». С этим мы перешли в громадный зал, предназначенный для заседания будущего Учредительного собрания.

Петроградский голова Гр. И. Шрейдер открыл «частное совещание» и предложил «конституироваться». Избрали председателя – В.М. Чернова и товарищей председателя – проф[ессора] Новгородцева и А.А. Аргунова. На трибуну поднялся Родичев и заявил, что первое слово должно быть посвящено защите свободы речи и неприкосновенности прав членов Учредительного собрания. Питирим Сорокин, не ведая часа предстоявшего и ему ареста, выступил со странным предложением: никак не реагировать на арест членов Учредительного собрания, так как «протестовать и требовать могут только органы неполномочные». Собрание не разделило этого мнения и приняло предложение Новгородцева и Родичева признать арест его членов «преступным посягательством на Учредительное собрание».

Я сообщил о положении с выборами и о затруднениях, которые встречает деятельность Всероссийской комиссии, считающей себя по-прежнему правомочной. Частное собрание постановило продолжать свои совещания до того дня, когда съедутся в достаточном числе избранные депутаты, и тогда установить день открытия «первого пленарного заседания». Были избраны комиссии: организационная, редакционная, – и разошлись.

На это самочинное выступление большевики ответили введением в Таврический дворец внешнего и внутреннего караулов и закрытием доступа во дворец депутатам, которые не зарегистрировались предварительно у Урицкого, не подверглись «урицизации», как я писал в «Деле народа». Рассказывалась была 2 декабря и Всероссийская комиссия по выборам – после четырехмесячной усердной работы – за отказ работать с Совнаркомом.

Началось наступление и на самое Учредительное собрание. Его открыл с обычной для него бесцеремонностью Ленин. «Если брать Учредительное собрание вне обстановки классовой борьбы, дошедшей до гражданской войны, то мы не знаем пока учреждения более совершенного для выявления воли народа. Но нельзя витать в области фантазии. Учредительному собранию придется действовать в обстановке гражданской войны», – говорил Ленин 1 декабря в заседании ВЦИК Советов. «Нам предлагают созвать Учредительное собрание так, как оно было задумано. Нет-с, извините. Его задумывали против народа (?). Мы делали переворот для того, чтобы иметь гарантию, что Учредительное собрание не будет использовано против народа... Кадеты, прикрываясь формальными демократическими лозунгами, лозунгом Учредительного собрания, на деле открывают гражданскую войну... Пусть народ знает, что Учредительное собрание соберется

не так, как хотел Керенский».

Тем не менее Совнарком издал, а ВЦИК одобрил декрет 6 декабря, в котором говорилось: «Ввиду затяжки выборов в Учредительное собрание, происшедшей главным образом по вине бывшей Всероссийской комиссии по выборам, а также ввиду образования контрреволюционными группами особой Комиссии по Учредительному собранию, распространились слухи, будто Учредительное собрание не будет создано в нынешнем своем составе, Совет народных комиссаров считает необходимым заявить, что эти слухи, сознательно и злонамеренно распространяемые врагами Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, совершенно ложны... Учредительное собрание будет создано, как только половина членов Учредительного собрания, именно 400 депутатов, зарегистрируются установленным образом в канцелярии Таврического дворца».

Позднее стало известно, что созыв Учредительного собрания был выдвинут левыми эсерами в качестве ультимативного условия их вхождения в состав ленинского правительства. Левые эсеры тогда были Ленину крайне нужны, и он ультиматум принял, что, конечно, не означало, что он отказался от своего отношения к Учредительному собранию.

Трудности были у Ленина не только с попутчиками – левыми эсерами. Из виновения ему и большинству его ЦК вышла и фракция большевиков, избранных в Учредительное собрание. ЦК установил, что во фракции «водворились настроения правого крыла» и против них необходимо принять чрезвычайные меры. Решено было сменить руководство – бюро фракции; напомнить всем членам фракции требование партийного устава о подчинении всех представительных учреждений Центральному комитету; дать фракции «фельдфебеля в Вольтеры» – Бухарина¹ с Сокольниковым² назначить политическими инструкторами фракции; и, наконец, дать формулировку того, каким является подлинное отношение партии к Учредительному собранию. Последнее взял на себя Ленин и 11–12 декабря он составил свои знаменитые 19 тезисов об Учредительном собрании, которые, по мотивам политической стратегии и внутривнутрипартийной тактики, появились в «Правде» лишь 26 декабря.

Эти тезисы в истории политических идей имеют приблизительно такое же значение, какое имели апрельские тезисы Ленина по возвращении его из эмиграции. Существенная разница между теми и другими состояла в том, что апрельские тезисы сопровождались крикливой борьбой за немедленный созыв Учредительного собрания, хотя оно объявлялось и превзойденной (Советами) формой демократии; декабрьские же тезисы служили идеологической формулировкой предстоявшей борьбы *против* Учредительного собрания.

В декабрьских тезисах были собраны доводы и обвинения, которые позднее были повторены в декрете о роспуске Учредительного собрания. Если раньше Ленин говорил о 25 октября как о «перевороте», теперь он датирует с него начало «со-

¹ Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – государственный и политический деятель, большевик. В 1918–1929 гг. редактор «Правды», член Политбюро (1924–1929). Расстрелян в 1938 г.

² Сокольников (Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888–1939) – государственный и политический деятель, большевик. В 1922–1926 гг. нарком финансов, кандидат в члены Политбюро (1924–1925). Расстрелян в 1939 г.

циалистической революции». Для прошлого он считает требование созыва Учредительного собрания «вполне законным в программе революционной социал-демократии». Но сейчас – «республика Советов является не только формой более высокого типа демократических учреждений, но и *единственной* формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму».

Опорочив выборы, которые произошли тогда, когда большинство народа не могло еще знать всего объема и значения октябрьской, советской, пролетарско-крестьянской революции, тезисы оспаривают и полномочие Учредительного собрания. «Лозунг «Вся власть Учредительному собранию», не считающийся с завоеваниями рабоче-крестьянской революции, не считающийся с советской властью, не считающийся с решениями Второго Всероссийского съезда Советов, рабочих и солдатских депутатов, Второго Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов и т.д., такой лозунг стал на деле лозунгом кадетов и калединцев и их пособников. Для всего народа (?) становится ясным, что этот лозунг фактически означает борьбу за устранение советской власти и что Учредительное собрание, если бы оно разошлось с советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть» (14-й тезис).

Неминуемость столкновения углубляется в последующих тезисах. «Несоответствие между составом избранных в Учредительное собрание и действительной волей народа» сказывается в сфере политической, в вопросе об окончании войны, в социальном вопросе. «Воля и интересы трудящихся и эксплуатируемых классов, начавших 25 октября социалистическую революцию против буржуазии» и интересы буржуазии неминуемо сталкиваются. Для Ленина совершенно «естественно, что интересы этой (социалистической) революции стоят выше формальных прав Учредительного собрания». «Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формальной, юридической стороны» – не так, как большевики это понимают, – «является угрозой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии».

Последние два тезиса открыто угрожали будущему Собранию, предлагали ему ультимативно – *se soumettre ou se démettre*¹.

«Единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса» является – «возможно более широкое и быстрое осуществление народом права перевыбора членов Учредительного собрания, присоединение самого Учредительного собрания к закону ЦИК об этих перевыборах и безоговорочное заявление Учредительного собрания о признании советской власти, советской революции, ее политики в вопросе о мире, о земле и о рабочем контроле, решительное присоединение к стану противников кадетско-калединской контрреволюции».

Свои условия Ленин мог формулировать проще и короче: пусть антибольшевики станут большевиками, и Учредительное собрание будет признано правомочным и, может быть, даже полномочным.

Последний тезис предусматривал, что ждет Учредительное собрание, если оно не примет ультиматума и пожелает остаться самим собой. «Вне этих условий кризис в связи с Учредительным собранием может быть разрешен только рево-

¹ Подчиниться или сложить с себя полномочия (франц.).

люционным (?) путем – путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных мер со стороны советской власти... какими бы лозунгами и учреждениями (хотя бы членством в Учредительном собрании) эта контрреволюция ни прикрывалась. Всякая попытка связать руки советской власти в этой борьбе была бы пособничеством контрреволюции».

Мы были предупреждены и нисколько не заблуждались относительно смысла этого предупреждения, опубликованного ровно за 10 дней до созыва Учредительного собрания. Как парировать его? Это озабочивало, конечно, все антибольшевистские партии и больше всего – Партию с[оциалистов]-р[еволюционеров], которая рассчитывала, что окажется в Учредительном собрании наиболее многочисленной фракцией и будет поэтому нести главную ответственность за судьбы Учредительного собрания.

Левые эсеры окончательно отпочковались от партии и вступили в тесный контакт, а потом и в правительство большевиков. Очищенная от них эсеровская фракция членов Учредительного собрания избрала 10 декабря свое бюро. В него вошло 25 человек – в подавляющем большинстве так называемые правые эсеры; как и у большевиков, эсеровская фракция была правее ЦК партии.

Чернов был единственный левый в бюро, но он был ближе связан с ЦК, нежели с фракцией. Керенского и Авксентьева усердно разыскивали большевистские ищейки, и они были на нелегальном положении. Руководящую роль во фракции и бюро играли Руднев, избранный председателем, Гендельман, Тимофеев, Фондаминский, Ельяшевич.

Фракция, как и ЦК партии, строила свою стратегию в уверенности, что борьба за Учредительное собрание и его прерогативы будет длительной и упорной. Допускали и даже предвидели, что его разгонят. Но неведомы были ни день, ни час, ни условия, в которых Учредительное собрание вынуждено будет прекратить свою деятельность. Поэтому приходилось подготовиться к различным вариантам. Чтобы их разработать, бюро выделило из себя специальную «Комиссию первого дня», как бы главный штаб, который должен был в меру возможного предусмотреть пути и средства, как наиболее плодотворно провести первое заседание.

Убеждать и спорить с большевиками в самом заседании представлялось совершенно никчемным. Важнее провести заседание так, чтобы оно, если бы даже оказалось последним, укрепило позиции для последующей борьбы с большевиками. Опасности подстерегали на каждом шагу. Собрание могло быть распущено до того, как оно будет открыто.

Собрание могло и не открыться за отсутствием установленного кворума в 400 человек: за фактическим отсутствием достаточного числа избранных и зарегистрированных депутатов или вследствие умышленной неявки большевиков и левых эсеров. Собранию могли не дать «конституироваться» и выбрать свой президиум. Могли Собрание «занять» выборами и убить на это все заседание. Его могли взорвать и сорвать на любой мелочи: на споре о порядке дня так же легко, как и на личной вспышке отдельного депутата. Собрание могло перестать жить до официального его открытия. Еще хуже было бы, если начавшаяся жизнь оказалась столь краткотечной и бессодержательной, что от нее ничего не осталось бы для

будущего – для борьбы с большевиками и устройства России. Всячески оберегая Учредительное собрание, как десятилетием раньше берегли вторую Думу, нельзя было упускать из виду цель, ради которой Собрание следовало беречь. Приходилось маневрировать между бесплодным доктринерством и безыдейным оппортунизмом. Надо было уже первое заседание провести и закончить так, чтобы от него нечего осталось.

План, выработанный «Комиссией первого дня», состоял в том, чтобы не принимать боя с противником на невыгодных позициях – по вопросам слишком специальным, тонким или второстепенным, чуждым или недоступным пониманию широких масс. Бой должен быть принят в таких условиях, чтобы непримиримость обоих начал – *демократии* под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!» и так называемой *диктатуры пролетариата* под лозунгом «Вся власть Советам!» – проступала возможно отчетливее и резче: чтобы не только в истории, но и в народном сознании, чувствах и воспоминаниях осталась нерушимой связь Учредительного собрания с народными чаяниями.

Особенно крестьяне настаивали во фракции на том, что одно декларативное выражение задач Учредительного собрания их не устраивает – недостаточно и непонятно массам. Необходимо наглядно, в форме закона, показать, чего добивается и что предполагает осуществить Учредительное собрание. Крестьяне требовали выдвинуть в первую очередь законопроект о земле, дабы в случае, если придется разъехаться по домам, они могли бы показать избирателям, чего домогалось Учредительное собрание и что не дали ему осуществить большевики.

В общих чертах наш план был тот же, что у первой Думы, распущенной по выигрышному, для закрепления в народном сознании идеи народоправства, земельному вопросу. Разница – и не в пользу Учредительного собрания – была в том, что первая Дума, отбивавшаяся, но тоже не отбившаяся от натиска справа, все-таки уже существовала 72 дня, сконструировалась и начала действовать, тогда как Учредительное собрание, желая стать всем, не обладало против своих врагов слева ничем – даже тем, чем располагала первая Дума. Первая Дума по преимуществу *оборонялась*, тогда как Учредительному собранию предстояло вместе с обороной идти *штурмом* – быть одновременно и *знаменем* и *знаменосцем*.

Пред «Комиссией первого дня» встал вопрос, кого наметить председателем и секретарем Учредительного собрания. Не знаю, каковы были возражения против моей кандидатуры в секретари, если они были. Моя кандидатура обсуждалась, конечно, в моем отсутствии и представлялась естественной после того, как я благополучно отбыл стаж секретаря Предпарламента. Кандидатура в председатели В.М. Чернова была одобрена после длительного обсуждения, многих возражений и колебаний – по необходимости, за отсутствием лучшей, без всякого воодушевления. Умение руководить многоголовым собранием не входило в число многих бесспорных дарований Чернова. И когда можно было выбирать, он сам предпочитал амплу докладчика роли председателя. В данном же случае и политическая линия Чернова не вполне совпадала с линией, которой держалась фракция и ее бюро. Но выбора не было – естественный председатель Авксентьев находился в Петропавловской крепости. Чернова, к тому же, меньше других эсе-

ровских лидеров коснулась большевистская клевета и напраслина. «Селянский министр», как любил себя называть Чернов и как с издевкой именовали его и враги, успешнее других конкурировал в крестьянской среде в популярности и влиянии с победителями-большевиками. Комиссия уведомила Виктора Михайловича, что на него возложена труднейшая и ответственнойшая задача председательствовать в Учредительном собрании и произнести первую речь после официального избрания председателем. Его ознакомили и с общим планом, выработанным комиссией. Чернов поблагодарил за избрание и обещал свою будущую речь произнести в духе намеченного плана. Кое-кто попробовал было попросить будущего председателя ознакомить членов комиссии с общим содержанием своей речи, но Чернов уклонился от этого – не формально, но фактически.

Наряду с «Комиссией первого дня» созданы были и другие комиссии: по земельному вопросу, по рабочему, по народному образованию, по внешней политике, организационному и др. В государственно-правовой комиссии председательствовал я, товарищами председателя были избраны Виссар[ион] Як[овлевич] Гуревич и Пит[ирим] А[лександрович] Сорокин, секретарем – С.А. Трупп. В комиссию приглашены были сведущие лица: профессора – Лазаревский, Люблинский и Понтович, А. Кулишер, Брамсон, Яшунский, Шаскольский. В первую очередь мы сосредоточились на выработке проекта Наказа (докладчиком был депутат первой Думы А.А. Булат), на организации власти (докладчики: Сорокин и я) и на вопросе о федерации (докладчики: Шаскольский, Гуревич и Святицкий). Ко дню открытия Учредительного собрания в портфеле фракции оказались: «Закон о земле», «Обращение к союзным державам», проекты «организации исполнительной власти», «гвардии Учредительного собрания», «иммунитета членов Учредительного собрания» и «Постановление о государственном устройстве России». Это «постановление» – «Именем народов, государство Российское составляющих, Всероссийское Учредительное собрание провозглашается Российской Демократической Федеративной Республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных федеральной конституцией пределах, суверенные», – явилось результатом долгих и больших трудов. На мой взгляд, оно выдержало испытание временем и, кто знает, быть может, сослужит службу и в будущем.

Главной задачей, которую ставила себе эсеровская фракция как фракция Учредительного собрания, было не предотвращение *физического* разгона Учредительного собрания, что явно было вне компетенции и возможностей фракции, бюро и комиссий, а предотвращение делового и, тем самым, морально-политического провала Учредительного собрания. Не все члены фракции соглашались с такой стратегией. Были и сторонники более решительных действий и немедленной подготовки фракцией вооруженной борьбы против большевиков.

С точки зрения этих активистов, состоявших главным образом из избранных от фронта членов Учредительного собрания, подготовка законопроектов являлась пустой и никчемной игрой в парламент и легальность. Сторонники этого взгляда – расстрелянные впоследствии большевиками Д. Сургучев и Б. Фортунатов, переводумец Онишко, захваченный большевиками в Праге Сергей Маслов и Борис Федорович Соколов, в будущем беллетрист, потом «биолог-эволюционист»,

как он себя называл, и исследователь рака, – с пренебрежением относились к работе всех наших комиссий и поддерживали ближайший контакт с так называемой военной комиссией эсеровского Центрального комитета. Насколько успешной оказалась работа этих активистов, показали последующие события. Но и в историческом аспекте, вспоминая прошлое, один из главных вдохновителей и руководителей «активистов», Борис Соколов, за неудачу Учредительного собрания винит кого угодно – эсеровскую фракцию, эсеровский ЦК, самое Учредительное собрание, но никак не себя и своих сторонников.

Б. Соколов противопоставляет «парламентаризм» – «авантюризму» и вменяет «им» («парламентариям») все смертные грехи: утрату «революционной психологии», отсутствие «динамической решительности», «фаталистическую пассивность», «идеализацию» Учредительного собрания, «безмерную» и почему-то «недопустимую». Мишенью или даже центром для своих нападок автор выбрал «Марка Вишняка, молодого (это было ровно 35 лет тому назад!), но весьма яркого парламентария, особенно позаботившегося о том, чтобы ни одна сторона государственного строительства не была позабыта. Все эти комиссии весьма энергично работали, заседания их были многолюдны и по-своему интересны... прения в этих комиссиях нередко были весьма оживленные и продолжительные».

И дальше: «В том, как обсуждался порядок дня первого Всероссийского Учредительного собрания, в его схеме, начертанной комиссией, в проектах речей было одно общее, что больше всего бросалось в глаза. Это желание удержать Учредительное собрание на елико возможной высоте. Не дать его уронить в глазах народных. Не позволить втоптать Великую идею – Великое Учреждение в грязь... Как бы то ни было, но разработанный комиссией план был и импозантен, и не лишенным красоты».

Казалось бы, хорошо, – каких еще комплиментов ждать со стороны противника наших комиссий и общего плана? Нет, плохо: «было учтено все, кроме банды пьяных матросов, заполнивших галереи Таврического дворца, и непарламентского цинизма большевиков»¹.

«Банды пьяных матросов» мы действительно не учли. Но кто ее «учитывал»: во всех подробностях предусмотреть, как будут действовать большевики, не было никому дано – ни «парламентариям», ни «активистам». Да банда эта и не играла решающей роли по сравнению с «цинизмом большевиков». Соколов утверждает, что «благодаря гипнозу, внушенному нам нашими законниками, мы совершенно забывали действительность. Забывали, что власть принадлежит большевикам. Забывали о том, кто такие большевики». Фактически дело обстояло как раз наоборот. Мы, конечно, ни на минуту не забывали, что власть принадлежит большевикам, и отлично знали, кто такие большевики. Вся наша стратегия исходила из того, что большевики насквозь пропитаны «непарламентским цинизмом» – в несравнимо большей степени, чем наши «активисты». Но вместе с тем из нашей памяти не изгладился опыт октябрьских дней, когда в Петрограде и Москве демократия оказалась бессильной предотвратить большевистский захват власти и противостоять ему. Идти на риск немедленного вооруженного столкновения

¹ Архив русской революции». 1924. Т. 13. С. 34 и след. (прим. М. Вишняка).

представлялось нам тем более легкомысленным, что оно выбивало из антибольшевистских рук козырь, которым являлось Учредительное собрание, если бы ему удалось закрепиться и даже в случае его насильственного упразднения.

Абсолютной уверенности в том, что судьба Учредительного собрания предрешена, не было до конца декабря. Искушенный в политике и хорошо знавший натуру большевиков, Церетели заявлял публично: «С трудом верится, чтобы большевики осмелились разогнать Учредительное собрание – ни народ, ни история этого не простят». Для активистской эсеровской молодежи естественно было идти ва-банк и не задумываться о завтрашнем дне. Политически более зрелым и более ответственным приходилось быть осмотрительнее. Мы предвидели, что провокация не минет активистов.

Соколов сам отмечает, что среди его сотрудников и сотрудников военной комиссии оказались провокаторы: Гр. Семенов, главный свидетель обвинения на процессе членов эсеровского ЦК, Лидия Коноплева, Дашевский и Маевский. Четыре обнаруженных провокатора на протяжении шестинедельного «активизма», а сколько было не обнаружено? «Парламентарии» свой план, в общем, провели. Был план и у «активистов», но они, его, увы, никак не осуществили – не по собственной, конечно, вине, а потому, что и у них «было учтено все, кроме»... того, что случилось в действительности. «Броневой дивизион был вполне в наших руках», – утверждает Соколов. Однако дивизион, видимо, отбился от «рук», ибо когда надо было действовать, он оказался в нетях. Автор приводит красочный эпизод, характерный для эпохи. На многолюдном собрании 2-го Балтийского экипажа после ряда антибольшевистских речей вскочил матрос-энтузиаст:

– Братцы, товарищи, поклянемтесь, что не пойдем против народного собрания!..

– Клянемся!

– На колени, товарищи, на колени!

И многочисленная толпа матросов становится на колени и кричит:

– Клянемся не идти против Учредительного собрания.

И Соколов справедливо прибавляет: «Именно – «не идти против». Чтобы идти за Учредительное собрание, они даже не думали».

Думали прийти на помощь Учредительному собранию Преображенский и Семеновский полки. Даже определенно обещали, как нас заверяли лица, связанные с военной комиссией ЦК. Но и эти полки поставили свой приход в зависимость от предварительного прихода к ним броневых машин. Но в ночь перед открытием Учредительного собрания большевистские агенты в ремонтных мастерских имобилизовали машины. «Было учтено все, кроме этого». Не пришли броневики, не пришли и полки. С этим рухнул и весь «революционный» план активистов.

В том же «Архиве русской революции», в котором напечатаны воспоминания Б. Соколова, появились и воспоминания С.В. Милицына, обер-секретаря Сената в дореволюционное время, а в предьянварские дни 18-го года председателя объединенного комитета представителей Преображенского, Семеновского, Финляндского, Вольнского, Петербургского и Московского полков, то есть тех воинских частей, от активности коих фактически зависела судьба Учредительного собра-

ния. Милицын рассказывает, как «приходили депутации эсеров Учредительного собрания и просили вывести полк (Преображенский) на защиту народа и Собрания». Но у хитроумного обер-секретаря был свой «макиавеллиев» план:

«Наша задача объединить и организовать убежденных противников большевиков, такие среди солдат есть, и их мы не должны уступать (!) ни большевикам, ни социалистам-революционерам... Никаких партийных программ, никаких реставрационных затей... В душе мы думали, что логически приведем к военной диктатуре, хотя бы только скрытой»¹. К чему Милицын и другие привели фактически, они вместе с нами узнали позднее. Но его признания свидетельствуют и о шаткости тех расчетов, которые делали наши «активисты».

Б. Соколов не останавливается перед утверждением, будто Всероссийское Учредительное собрание вместо того, чтобы стать «Всероссийским торжеством, превратилось в Всероссийский позор». С этого он начинает свой обвинительный акт. А кончает: «Однако, по существу, пятое января было завершением героического периода революционной демократии. Ибо готова была фракция во имя народа принести свои жизни на алтарь борьбы. Нет, *соглашательским* нельзя было назвать ни в коем случае поведение фракции». Едва ли не все обвинение этим сводится на нет.

В общем, наш обвинитель прав, когда несколько старомодно, в стиле Мережковского, формулирует создавшееся положение путем антитезы: «За нами стояла *Невооруженная Правда*, которой большевики противопоставили *Вооруженную Ложь*...

На их стороне была активность, пулеметы, ружья. За ними стояла толпа».

Да, в общем, это было так, «активистам», увы, не удалось «вооружить нашу Правду».

Если «Активному Ничтожеству» было противопоставлено всего лишь «Пассивное Ничтожество» и ответственность за это несет эсеровская фракция членов Учредительного собрания, эта ответственность падает, конечно, в первую очередь на тех, кто считал вооруженное сопротивление большевикам первоочередным делом и взялся за него, а не на тех, кто считал его преждевременным и губительным даже для того небольшого, чем только и могло стать Учредительное собрание при «непарламентском цинизме большевиков».

Можно было бы пройти мимо противоречивых и несправедливых суждений Бориса Соколова, если бы они были только его личным мнением. К сожалению, ему были созвучны и широкие круги русской общественности, склонные расценивать события по их результату – удаче или неудаче. И обвинения, направленные против эсеров и «эсеровского» Учредительного собрания врагами демократии и социализма или разочаровавшимися деятелями и сторонниками Февраля, по существу, немногим отличаются от того, что вменил нам в вину бывший эсер и член Учредительного собрания от фронта Борис Соколов.

С момента образования фракции членов Учредительного собрания мое время полностью было занято заседаниями фракции и ее бюро, «Комиссией первого дня» и «государственно-правовой». Так перешли мы из судьбоносного 17 года в

¹ [Архив русской революции]. 1924.] Т. 2. С. 180, 184, 185 (прим. М. Вишняка).

трагический 18-й и дожили до первого и последнего дня Всероссийского Учредительного собрания.

2 января мне исполнилось тридцать пять лет – половина жизни ушла в прошлое.

Глава VIII В Учредительном собрании

5 января 1918 года выдался в Петербурге обычный зимний день. Ничем в природе не отмеченная пятница. Ни солнца, ни ветра. Ни сильного мороза, ни особо-прозрачного «петербургского» воздуха. Много давно выпавшего и неубранного снега на крышах и на улицах.

Сборный пункт фракции большинства членов Учредительного собрания, эсеров, назначен был неподалеку от Таврического дворца. Собрались к 10 часам утра – не то в чайной, не то в столовке. Помещение небольшое: толпятся и суетятся. Произвели переключку. Роздали «розетки» из красного шелка и красного же цвета входные билеты, полученные секретарем фракции для всех нас разом.

Билеты за подписью комиссара *над* Комиссией по выборам в Учредительное собрание – Урицкого. Подсчитались, обменялись новостями и слухами. Наиболее сенсационный – будто выпустили из Петропавловки членов Учредительного собрания социалистов: Авксентьева, Аргунова, Гуковского, Питирима Сорокина. Неизвестно от кого исходивший слух быстро приобрел характер достоверности. Легко верилось тому, во что хотелось верить. По-разному комментировали «жест» большевиков. Частичная амнистия или готовность «выявить» народную волю возможно полнее?.. Во всяком случае, это явная уступка со стороны неуступчивой власти. Обстановка складывалась как будто более благоприятно, чем можно было предполагать.

В начале двенадцатого двинулись в путь. Идем растянутой колонной, посреди улицы, человек двести. С нами небольшое число журналистов, знакомых, жен, запасшихся билетами в Таврический.

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком – ледок.
Скользко, тяжело,
Всякий ходок
Скользит – ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате – плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»¹

¹ Из поэмы А. Блока «Двенадцать».

До дворца не больше версты. И чем ближе к нему, тем реже встречаются прохожие, тем чаще – солдаты, красноармейцы, матросы. Они вооружены до зубов: за спиной винтовка, на груди и сбоку ручные бомбы, гранаты, револьверы, патроны, – патроны без конца, всюду, где их только удалось прицепить или всунуть. Отдельные прохожие на тротуарах останавливаются при виде необычной процессии, изредка приветствуют вслух, а чаще, проводив сочувственно глазами, спешат пройти своей дорогой. Подходят вооруженные, спрашиваются, кто и куда, и возвращаются на свои стоянки под ворота или во двор.

Шестые серое и настроение невеселое. Мирным путем демонстрантов к Учредительному собранию явно не пропустят. Хватит ли решимости и желания прорваться к Таврическому силой?.. Идем и гадаем. Обмениваемся краткими репликами. Я досказываю будущему председателю Учредительного собрания выработанные комиссией подробности порядка дня, общего плана, председательских функций и полномочий. Он внимательно прислушивается.

За решеткой Таврического дворца вся площадка уставлена пушками, пулеметами, походными кухнями. Беспорядочно свалены в кучу пулеметные ленты. Все ворота на запоре. Только крайняя калитка слева приотворена и в нее пропускают по билетам. Вооруженная стража пристально вглядывается в лицо прежде, чем пропустить. Оглядывают сзади, прощупывают глазами спину после того, как пропускают. Это первая, внешняя охрана. Ее несут гренадеры, красноармейцы и матросы, прибывшие накануне из Гельсингфорса и Кронштадта.

Управляющий делами Совнаркома и в те дни доверенный Ленина Влад[имир] Бонч-Бруевич¹ позднее описал военно-операционную обстановку, созданную еще накануне открытия Собрания. «Для охраны порядка в самом Таврическом дворце... я вызвал команду с крейсера «Аврора»...

К этой команде были присоединены еще две роты с броненосца «Республика», под предводительством хорошо мне известного матроса Железнякова², анархиста-коммуниста, честно и бесповоротно ставшего на точку зрения правительства диктатуры пролетариата и отдавшего себя в полное его распоряжение... В 3 часа ночи я собрал всех начальников отрядов вверенного мне района и каждому вручил в запечатанном конверте специальное задание... Я крепко пожал руку этому изумительному человеку – герою революции, матросу Железнякову³.

Другой герой тех же дней Дыбенко в воспоминаниях, посвященных «другу-соратнику на революционном поприще тов. А.М. Коллонтай», рассказывает о том же в таких выражениях: «С раннего утра, пока обыватель еще мирно спал, на главных улицах Петрограда заняли свои посты верные часовые советской власти – отряды моряков... Начальники отрядов – все боевые, испытанные еще в июле и октябре товарищи. Виктор Железняков со своим отрядом торжественно выступает охранять Таврический дворец – само Учредительное собрание. Моряк-анархист, он искренне возмущался еще на втором съезде Балтфлота, что его имя

¹ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) – государственный и политический деятель, большевик. В 1917–1920 гг. управляющий делами Совнаркома РСФСР.

² Железняков Анатолий Григорьевич (1895–1919) – матрос Балтийского флота.

³ На боевых постах февральской и октябрьской революции. С. 246–247 (прим. М. Вишняка).

предложили выставить кандидатом в Учредительное собрание. Теперь, гордо выступая с отрядом, он с лукавой улыбкой заявляет «Почетное место займу». Да, он не ошибся. Он занял почетное место в истории»¹.

Проходим в левую дверь. Снова контроль, внутренний. Проверяют уже люди не в шинелях, а во френчах и гимнастерках. Через вестибюль и Екатерининский зал направляют в зал заседания. Он вычищен и отремонтирован после того хаоса и грязи, которые оставили Советы за пять месяцев бессменного в нем пребывания. Повсюду вооруженные. Больше всего матросов и стрелков-латышей. Позднее в воспоминаниях о Ленине Троцкий рассказал, как это произошло. Ленин настаивал и настоял на вызове в Петроград ко дню открытия Учредительного собрания латышских стрелков, ибо «русский мужик может колебнуться в случае чего, – тут нужна пролетарская решимость». Ленин распорядился «о доставке в Петроград одного из латышских полков, наиболее рабочего по составу» («Правда», от 20.IV.1924).

И внутри здания, как на улице, люди вооружены винтовками, гранатами, револьверами, увешаны лентами патронов. Количество вооруженных, бряцающих оружием производит впечатление лагеря, готовящегося не то к обороне, не то к нападению. При входе в самый зал – третий, последний кордон.

Выясняется, что весть об освобождении наших товарищей из заключения вымышлена. Запоздавшие коллеги и посторонние сообщают, что демонстрантов в честь Учредительного собрания рассеивают воинские части. Имеются уже убитые и раненые. Называют имена рабочих Обуховского завода, представителя Совета крестьянских депутатов Логинова, молодую эсерку Горбачевскую (внучку декабриста). Горький того времени – не похожий на позднейшего – описал происходившее в таких выражениях: «5 января расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали из засад, трусливо, как настоящие убийцы. Я спрашиваю «народных комиссаров», среди которых должны же быть порядочные и разумные люди, понимают ли они, что, надевая петлю на свои шеи, они неизбежно удавят всю русскую демократию, погубят все завоевания революции? Понимают ли они это? Или они думают так: или мы – власть, или пускай все и все погибнут?».

Ведшие за последние недели усиленную пропаганду среди Петроградского гарнизона и специализировавшиеся на организации так называемых «реальных сил», а не на подготовке «никчемных законопроектов» возвращаются с неутешительными вестями. Семеновцы и преображенцы, на которых возлагали главные

¹ Мятеежники. Изд. «Красной нови». 1923. Этот анархист-коммунист – не Виктор, а Анатолий Железняков – был позднее сопричислен к типу «народных героев», Чапаеву, Щорсу и другим, которые, по убеждению большевиков, «будут постоянно жить в сердцах поколений» (Ворошилов К. XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота. 1938). О других матросах-героях расправы с «самодовольными глупцами, съехавшимися со всех концов России вершить судьбу тех, кто сам творил революцию», тот же Бонч-Бруевич сообщает: «Часть матросов (расквартированных в Военной академии на Суворовском проспекте) оказалась не на высоте положения и стала портить инвентарь Академии... Эти буйные элементы тут же, на заре, были отправлены на суда под конвоем своих же товарищей для того, чтобы списать... с кораблей, обезоружить их, обратить в гражданское состояние и отправить на родину» (там же). Наконец, главный герой, наркомор Дыбенко, позднее командовавший сухопутными войсками – Среднеазиатским военным округом – кончил тем, что в качестве одного из шпионов и врагов народа был расстрелян большевиками в 1938 году (прим. М. Вишняка).

надежды и расчеты, решили держать еще с октябрьских дней знакомый «нейтралитет»: отказываясь выступить против демонстрантов, они воздерживаются и от того, чтобы примкнуть к ним. Другие воинские части усвоили «идеологию» и тактику пресловутого Викжеля: видят простое недоразумение в противопоставлении советской власти – власти Учредительного собрания. Они за прекращение братоубийственного междуусобия мирным путем, путем сочетания обеих властей.

Такое же «пацифистское» предложение делают некоторым членам нашей фракции члены «соправительственной» партии левых эсеров. Они предлагают вместе отправиться туда, где происходят вооруженные столкновения, и, в целях предотвращения дальнейшего кровопролития, уговорить манифестантов разойтись. Эсеры отклоняют, конечно, коварное предложение: отказываются идти уговаривать демонстрантов не протестовать против насильников.

Немногие в тот момент сознавали, что события вне Таврического дворца и вне воздействия большинства членов Учредительного собрания фактически уже предрешили исход столкновения, которому предстояло еще произойти в стенах дворца. Перевес реальных сил на улице определил тактику большевиков в Собрании. Некоторые из них принимали непосредственное участие в подавлении уличного движения, в разгоне и расстреле демонстрантов. В их отсутствии большевистская фракция медлила с открытием заседания, поджидая пополнения своих рядов и окончательного разгона манифестантов.

Дыбенко описывает: «В 3 часа дня, проверив с тов. Мясниковым караулы, спешу в Таврический. В коридоре Таврического встречаю Бонч-Бруевича. На лице его заметны нервность и некоторая растерянность... Около 5 часов Бонч-Бруевич снова подходит и растерянным, взволнованным голосом сообщает: «Вы говорите, что в городе все спокойно: между тем сейчас получены сведения, что на углу Кирочной и Литейного проспекта движется демонстрация около 10 тысяч вместе с солдатами. Направляются прямо к Таврическому. Какие приняты меры?».

«На углу Литейного стоит отряд в 500 человек под командой тов. Ховрина. Демонстранты к Таврическому не проникнут».

«Все же поезжайте сейчас сами. Посмотрите всюду и немедленно сообщите. Тов. Ленин беспокоится».

«На автомобиле объезжаю все караулы. К углу Литейного действительно подошла внушительная демонстрация, требовала пропустить ее к Таврическому дворцу. Матросы не пропускали. Был момент, когда казалось, что демонстранты бросятся на матросский отряд. Было произведено несколько выстрелов в автомобиль. Взвод матросов дал залп в воздух. Толпа рассыпалась во все стороны. Но еще до позднего вечера отдельные, незначительные группы демонстрировали по городу, пытаясь пробраться к Таврическому. Доступ был твердо прегражден»¹.

«Новая жизнь» Горького–Суханова сообщала, что «Совнарком провел в большой тревоге ночь на 5 января. Тревога из Смольного передалась всем правительственным учреждениям. Во все комиссариаты были вытребованы усиленные наряды красноармейцев». Еще накануне Совнарком предложил «членам мирных делегаций Германии, Австрии, Болгарии и Турции перейти на 5 января в более

¹ Мятеежники. С. 108 (прим. М. Вишняка).

безопасное помещение, нежели то, в котором они находились».

Открытие Собрания было назначено на полдень. Но проходил час за часом, и ничто не предвещало готовности открыть заседание. Из официальных кругов заверяли, что отсрочка случайна и кратковременна – какие-нибудь полчаса, несколько затянувшиеся, и только. Не желая вызывать конфликта по внешне малозначительному поводу, большинство терпеливо выжидало все положенные и переотложенные сроки. Но и нашему долготерпению пришел конец. После новой отсрочки постановлено было во что бы то ни стало открыть Собрание в 4 часа. Не откроют они, откроем его мы.

К четырем часам физический победитель на улице уже определился. Но мы еще не знали о предрешенности нашей судьбы и тщете наших усилий.

Всей фракцией двинулись в зал. В дверях расписались на листах. Зал чисто убран и декорирован. Кресла заново обиты. На покрытых коричневой материей щитах литеры – «У. С.». Наша фракция заняла весь центр и правый от председателя сектор. Правее эсеров заняли места трое энесов и несколько депутатов «национально-буржуазных» групп.

Среди них бывший депутат Думы латыш Гольдман, сионист Ю.Д. Бруцкус в форме военного врача, эстонец Сельяма. Слева к эсерам примыкают «национальные» депутаты – социалисты-мусульмане и социалисты-украинцы. Еще левее – наши недавние злополучные товарищи, левые эсеры, из которых многие прошли в Учредительное собрание по общим кандидатским спискам с нами. И, наконец, главные «герои дня», они же и главные враги Учредительного собрания и всей России – большевики. Среди них, как и в нашей среде, несколько женщин: среди эсеров В.Н. Фигнер, А.Н. Слетова, О.А. Матвеевская. У них – А.М. Коллонтай, будущий следователь по политическим делам Е.Ф. Размирович, будущая чекистка В.Н. Яковлева, левая эсерка М.А. Спиридонова. На эстраде – командующая верхушка и служилые советские люди. Рослый, с цепью на груди, похожий на содержателя бань, «жгучий бронет» Дыбенко, Стеклов, Козловский. В левой от председателя ложе Ленин, сначала прислушивавшийся, а потом безучастно развалившийся то на кресле, то на ступеньках помоста и вскоре совсем исчезнувший.

«Владимир Ильич, – вспоминал Бонч-Бруевич, – волновался и был мертвенно бледен, как никогда. В этой совершенно белой бледности лица и шеи его голова казалась еще больше, глаза расширились и горели стальным огнем... Он сел, сжал судорожно руки и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными глазами всю залу от края и до края ее». Троцкого нет – он в Брест-Литовске налаживает ни мир, ни войну...

Ровно в четыре часа из эсеровских рядов поднялся Лордкипанидзе и предложил, чтобы старейший из членов Учредительного собрания открыл Собрание, не дожидаясь появления отсутствующих большевиков. «Старейшим» фактически был Ег. Ег. Лазарев, но по предварительному соглашению он уступил свое старшинство С.П. Швецову. Последний не спеша поднялся на трибуну, сопровождаемый звериным аккомпанементом, который, раз начавшись, уже продолжался непрерывно – с промежутками только на секунды – в течение всех последующих 12 с лишним часов.

Стенографический отчет отмечает кратко и сдержанно: «Шум слева. Голоса: «Долой». «Самозванец». Продолжительный шум и свист слева». На самом деле было много ужаснее, гнуснее и томительней. С выкриками и свистом слились вой и улюлюкание, топание, хлопанье пюпитрами и по пюпитрам. Это была бесноватая, потерявшая человеческий облик и разум толпа.

Особо выделялись своим неистовством Крыленко, Луначарский, Степанов-Скворцов, Спиридонова, Камков. Видны открытые пасти, сжатые и потрясаемые кулаки, заложенные в рот для свиста пальцы. С хор усердно аккомпанируют. Весь левый сектор являл собою зрелище бесноватых, сорвавшихся с цепи. Не то сумасшедший дом, не то цирк или зверинец, обращенные в лобное место. Ибо здесь не только развлекались, здесь и пытали: горе побежденным! Один из наиболее циничных мемуаристов, бывший редактор «Дела народа», участник переговоров в Брест-Литовске – словом, «левый эсер» Масловский-Мстиславский так и пишет о себе и о своих: «Мы собирались в этот день на заседание (Учредительного собрания), как в театр, мы знали, что действия сегодня не будет – будет только зрелище». И сам же кончает описание «зрелища»: «уже не жуть над залом. Пахло безумием»¹.

Старейший не перестает орудовать председательским звонком и сквозь шум и неистовство объявляет Учредительное собрание открытым. В тот же момент появляются на трибуне сзади Швецова и рядом с ним несколько фигур. Секретарь ЦИКа и будущий чекист Аванесов² вырывает звонок из рук Швецова. Борьба за звонок как бы предвосхищает и символизирует последующую борьбу. Из рук Аванесова звонок переходит к Свердлову³, и тот вторично объявляет заседание открытым.

Именем Центрального Исполнительного комитета Советов Свердлов «выражает надежду» на «полное признание» Учредительным собранием всех декретов и постановлений, изданных Совнаркомом, и на одобрение Собранием декларации «российской социалистической революции», провозгласившей не индивидуальные права человека и гражданина «на свободную эксплуатацию людей, лишенных орудий и средств производства», а – коллективные «права трудящегося и эксплуатируемого народа».

Это была та самая нелепая «Декларация», которая потом вошла целиком в первую конституцию РСФСР 10 июля 1918 г. и которая была полностью выброшена самими же большевиками из конституции СССР – 6 июля [19]23 года, равно как и из знаменитой сталинской конституции 1936-го.

Ленин посылает со своего места за председательским креслом записку во фракцию большевиков. И точно по команде поднимается Степанов-Скворцов и предлагает пропеть Интернационал. Все встают и поют. У левых и правых свои дирижеры.

У эсеров – Чернов, сидящий в первом ряду. Время от времени он оборачива-

¹ Пять дней. С. 140 и 159 (прим. М. Вишняка).

² Аванесов Варлаам Александрович (Мартиросов Сулен Карпович) (1884–1930) – государственный деятель. Член РСДРП с 1903 г. В ноябре 1917 г. секретарь ВЦИК.

³ Свердлов Яков Михайлович (1885–1919) – государственный деятель, большевик. С 8 (21) ноября 1917 г. председатель ВЦИК, одновременно – секретарь ЦК РСДРП(б).

ется лицом к членам фракции и широкой жестикуляцией силится ее вдохновить и увлечь. Поют, однако, немногие. На обоих флангах нестерпимо фальшивят. Не только поющие вразброд, по фракциям, фальшивят, – самый Интернационал в создавшейся обстановке отдает фальшью.

Устами Свердлова большевики предъявили категорическое требование – признать «в корне неправильным, даже с формальной точки зрения, противопоставление себя советской власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному правительству – Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Задачи же Учредительного собрания «исчерпываются общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства общества».

Яснее нельзя было сказать. Обманувшись в расчете: если выборы в Учредительное собрание будут «делать» они, то и большинство в Учредительном собрании будет «ихнее», большевистское, большевики уже приняли решение осуществлять власть, не считаясь с волей Учредительного собрания, без него и, в случае нужды, против него. Но прежде, чем насильственно упразднить Учредительное собрание, советская власть решила его унизить – предложить добровольно капитулировать, согласиться на превращение в учено-исследовательское учреждение по вопросам социалистического строительства при Совнаркоме.

Позиции определились. Обстоятельства заставили фракцию с[оциалистов]-р[еволюционеров] играть первенствующую и руководящую роль. Это вызывалось численным превосходством фракции. Это вызывалось и тем, что члены Учредительного собрания более умеренного толка, избранные в числе 64, не рискнули за единичными исключениями явиться на заседание. Кадеты были официально признаны «врагами народа», а некоторые из них были заключены в тюрьму. Избранный в Учредительное собрание от пермского округа кадет Л.А. Кроль рассказал в своих воспоминаниях, что кадетский ЦК накануне (открытия Собрания) постановил, чтобы партийные члены Учредительного собрания в первое заседание не являлись, а в дальнейшем поставить вопрос в зависимость от освобождения арестованных членов Учредительного собрания». Он прибавил к этому и то, чего не видел и чего фактически не было: «Кресла в зале были оставлены строго по числу зарегистрированных, а остальные вынесены из зала. Нам места не было. За нас и без нас решали. Очевидно, если бы кто-либо из нас явился, то для него было уготовлено другое место, а не курульное кресло»¹.

Все это не только не «очевидно», а совершенно неверно. На правом секторе было достаточно свободных «курульных кресел».

Но в отсутствии кадетов решали, действительно, без них. Помимо кадетов, не явились и представители «Союза земельных собственников», и другие правые, в том числе и избранный членом Учредительного собрания от нижегородского округа архиепископ Сергей², будущий патриарх.

Наша фракция тоже была в известном смысле «обезглавлена». Авксеньгьев

¹ За три года. С. 8 и 9 (прим. М. Вишняка).

² Сергей (в миру Иван Николаевич Страгородский) (1867–1944) – церковный деятель; митрополит, заместитель местоблюстителя, местоблюститель патриаршего престола, патриарх Московский и всяя Руси (с 1943).

находился по-прежнему в Петропавловской крепости. Отсутствовал и Керенский, на котором по преимуществу сосредоточились большевистская клевета и ярость.

Его искали везде и повсюду, ночью и днем. Он находился в Петрограде и немало усилий потребовалось, чтобы убедить его отказаться от безумной мысли явиться в Таврический дворец для заявления, что он слагает власть пред законно избранным и полномочным Собранием.

До безрассудства отважный Гоц все же явился на заседание, несмотря на приказ об его аресте за участие в юнкерском восстании. Охраняемый близкими друзьями, он был стеснен даже в передвижении и не мог быть активным. Таково же было положение Руднева, возглавлявшего сломленное сопротивление Москвы большевистскому захвату власти.

«Я осведомил Владимира Ильича о прибытии целого ряда лиц, объявленных правительством вне закона, – регистрирует Бонч-Бруевич, – и мы решили считать их неприкосновенными, пока они находятся в Таврическом дворце, но, конечно, не спускать с них глаз. За ними тотчас же было установлено наблюдение».

И В.М. Чернов, назначенный в председатели Собрания, тем самым тоже выбыл из числа возможных руководителей фракцией. Не было одного лица, которому можно было бы доверить руководство. И фракция доверила свою политическую судьбу и честь коллективу – пятерке: В.В. Рудневу, М.Я. Гендельману, Е.М. Тимофееву, И.Н. Коварскому и А.Б. Ельяшевичу.

Зарекшись не поддаваться никаким провокационным выходкам и сохранять хладнокровие, чего бы это ни стоило, члены фракции связали друг друга торжественным обязательством воздержаться от индивидуальных импровизаций, следовать установленному плану, а в случае непредвиденном и неожиданном положиться на находчивость, интуицию и такт «пятерки».

Кандидатуре Чернова в председатели была противопоставлена кандидатура Спиридоновой. При баллотировке Чернов получил 244 белых шара против 151 «черняка». По объявлении результатов Чернов занял монументальное кресло председателя на эстраде, возвышавшееся над ораторской трибуной.

Между ним и залом образовалось большое расстояние. И приветственная, основополагающая речь председателя не только не преодолела образовавшегося «мертвого пространства», – она даже увеличила расстояние, отделявшее его от Собрания.

В наиболее «ударных» местах речи Чернова по правому сектору пробежал явственный холодок. Речь вызвала неудовлетворенность у руководителей фракции и простодушное непонимание этой неудовлетворенности со стороны самого оратора.

Конечно, большевики и левые эсеры всячески «срывали» Чернова, заглушали его речь свистом, оскорбительным улюлюканьем и угрожающими выкриками. В этом активно участвовали и подвыпившие матросы, и красногвардейцы, и прочая публика, заполнившая по пропускам власти все ходы и выходы на хорах и даже в зале заседания. Председатель не раз во время своей речи и речи других ораторов призывал аудиторию «уважать достоинство Собрания»: увещевал и про-

сил «публику не вмешиваться в дела Собрания и соблюдать спокойствие»; предлагал «удалиться» «гражданам, не могущим сохранять спокойствие»; грозил «поставить вопрос о том, в состоянии ли здесь некоторые вести себя так, как это подобает членам Учредительного собрания»; и на самом деле ставил вопрос: «удобно ли Учредительному собранию, чтобы его председатель принял меры к соблюдению тишины и достоинства Собрания?».

Большевики провоцировали Чернова, и он не всегда это замечал. «Могилев», – откликнулся один из хулиганов на требование председателя назвать свое имя. Он имел, конечно, в виду то, что в могилевской ставке Чернов безуспешно пытался сформировать однородное социалистическое правительство. А Чернов, как ни в чем не бывало, обращался к хулигану: «Гражданин Могилев, призываю вас в первый раз к порядку (шум, свист)... Гражданин Могилев, вторично призываю вас к порядку (шум продолжается)». И т.д. Голос Чернова, его увещания, призывы и просьбы терялись в гаме и выкриках. Многие его не слышали. Мало кто слушал.

Кроме беспомощно звеневшего колокольчика в распоряжении председателя не было никаких других средств воздействия против неистовствовавших и буянивших. При совмещении в такой аудитории функций оратора с обязанностями председателя невозможно было выполнить удовлетворительно ни то, ни другое. В этом была объективная трудность положения.

В том же положении очутился и я, избранный секретарем Собрания. Я на опыте познал и ощутил, что значит занимать ответственную должность, не обладая даже минимумом реальных возможностей для осуществления связанных с должностью обязанностей.

Ни Чернов, ни я не имели в своем распоряжении не только «приставов» для поддержания элементарного порядка в зале, – мы не имели никакого аппарата для обслуживания заседания и ведения записи.

Я не получил даже списка присутствовавших в заседании членов Учредительного собрания. Самую стенограмму заседания – очень несовершенную, переизданную большевиками через 12 лет с проредактированного мною издания – удалось мне получить, как я уже упоминал, лишь в силу добрых личных отношений с персоналом канцелярии, установившихся еще в бытность мою секретарем Предпарламента.

Фальшивости внешнего положения – председателя суверенного учреждения, располагающего лишь звонком для осуществления верховной власти, соответствовало внутреннее содержание речи Чернова. Она была выдержана в социалистических и интернационалистических тонах и как бы пыталась быть созвучной и левому крылу Собрания.

Точно оратор стремился в чем-то заверить или переубедить противников, вместо того, чтобы возможно резче отмежеваться от них и противопоставить им себя как символ всероссийского народовластия. *Это было не то*, что могло хоть сколько-нибудь импонировать, задать тон, удовлетворить требованиям и ожиданиям исторического момента. Это была одна из многих ординарных речей Чернова, далеко не из лучших.

Он утверждал, что «страна показала небывалое в истории желание социа-

лизма»; что «все усталые, которые должны вернуться к своим очагам, которые не могут быть без этого, как голодные не могут быть без пищи», должны быть немедленно заменены «добровольно шествующей под знаменами социализма армией»; что «уже самым фактом открытия первого заседания Учредительного собрания провозглашается конец гражданской войны между народами, населяющими Россию».

Он счел нужным подчеркнуть, что «важнейший пункт социалистической программы – проверочное всенародное голосование» и что «как только Учредительное собрание постигнет несчастье разойтись с волей народа, оно должно будет сложить с себя полномочия и немедленно назначить пере выборы».

Во время этой речи выкрики слева, злобные и кровожадные, – «без пули вам не обойтись!» – стали перемежаться с издевками лично над оратором и содержанием его речи. И на противоположном секторе речь эта не вызвала энтузиазма. Она не повысила, а, наоборот, понизила настроение. Она вызвала и раздражение против лидера, с которым в общей форме условились о содержании речи и который без предупреждения и не импровизируя, а справляясь с заготовленной записью, сказал не то.

Мужество и выдержку Чернов проявил огромные, как мужественным и достойным было поведение всей фракции. Но мужества и выдержки было недостаточно.

Как характеризовал речь Чернова близкий к нему О.С. Минор, – она «многих и многих не удовлетворила теми уклонами, которые как будто давали исход некоторой левизне, некоторым уступкам в сторону большевиков. В самом деле, программная речь В.М. Чернова была построена как бы нарочно для того, чтобы создать какую-нибудь возможность совместной с большевиками законодательной работы»¹.

Что не удалось отчетливо сказать в речи председателя, пришлось кропотливо и частично досказывать в последующих речах. Немало душевной энергии ушло на то, чтобы, наверстывая утерянное, пробиться сквозь большевистскую провокацию и левоэсеровский шантаж, подстерегавшие на каждом шагу. Нашей задачей по-прежнему оставалось – выйти из борьбы, не предрешив дальнейших ее путей, с постановлениями, исходящими не от партийных комитетов и профессиональных съездов, не от частных совещаний и общественных учреждений, а от *Всероссийского Учредительного собрания*.

То, от чего пытался уклониться председатель, поставили ребром представители партии, захватившей власть. В вызывающей по форме речи Бухарин наметил «водораздел, который сейчас делит все Собрание на два непримиримых лагеря»: *у нас* – «воля к диктатуре трудящихся классов», к «диктаторскому завоеванию власти», которая «сейчас закладывает фундамент жизни человечества на тысячелетия»; *у них* же все сводится к воле защищать «паршивенькую буржуазно-парламентарную республику». «Мы с этой кафедры провозглашаем смертельную войну буржуазно-парламентарной республике!».

Ту же мысль развивали два других большевистских оратора, если не считать

¹ Сборник статей разных авторов. С. 128. Изд. «Верфь». Москва, 1918 (прим. М. Вишняка).

бессвязной речи Дыбенки¹.

«Как это можно, – удивлялся Скворцов-Степанов, – апеллировать к такому понятию, как общенародная воля... Народ немислим для марксиста, народ не действует в целом, народ в целом – фикция, и эта фикция нужна господствующим классам». Другой оратор, Раскольников, оглашая заключительное заявление большевиков об их уходе из Учредительного собрания, назвал партию Керенского, Авксентьева, Чернова «вчерашним днем революции», а их самих – «врагами народа», отвергшими «в согласии с притязаниями буржуазии» предложение «признать для себя обязательной волю громадного большинства трудящихся», воплощенную в декларации Советов.

Большевики оставались верными себе. Удивляться их словам и действиям могли только те, кто ждал от них другого. В этом отношении удивительнее – и постыдней – была тактика, усвоенная их недавними, незадачливыми и недолгими соратниками – «дурачками», как их вскоре стал называть Ленин.

Левым эсерам было великодушно предоставлено доделать то, чего большевики сами не сделали. И на «наркомюста» Штейнберга² выпала едва ли не самая позорная роль в действе, разыгранном 5 января. Постыдная не потому только, что прошлое его к такой роли вовсе не обязывало, но и потому, что и позднее, уже в эмиграции, он все еще не оставил своих декламаций о «нравственном лике» Октября.

Хмель революции бросился в голову скромному оборонцу царского времени и, выполняя политический заказ «товарищей большевиков», он, видимо, искренно был – и остался, – убежден, что делает свое, а не чужое дело.

«Величайшее, историческое, революционное достоинство Учредительного собрания заключается в том, чтобы оценить, понять и преклониться пред царственной волей народа и заложеной в ней твердыней народной, сделать ее своей программой и не сметь (!) выходить из пределов этих программ. Если Учредительное собрание вышло из недр того же самого трудового народа, как вышли и Советы рабочих и солдатских депутатов, то конфликта в требованиях, социальных постановках и чаяниях не может быть. Но если этот конфликт намечается, если этот конфликт создают, если его всеми силами хотят здесь создать, то это значит, что Учредительное собрание не есть то Учредительное собрание, которое подчинено воле народной», – оно чувствует себя «не ребенком народа», а «отцом народа».

«Красиво», но не всегда вразумительно говоривший оратор требовал от Учредительного собрания «подчинения воле трудового народа, изложенной в програм-

¹ Исправляя стенографический отчет заседания, я не внес ни одной стилистической поправки, не прибавил и не убавил ни слова в стенограмме речи Дыбенки. В отместку красе и гордости Октября и в назидание потомству – она сохранена во всей ее первобытной бессвязности, в какой вышла из уст красноречивого комиссара. Советский «Архив Октябрьской революции», издавший в 1930 г. «Всероссийское Учредительное собрание» под редакцией М.Н. Покровского и Я.А. Яковлева, утверждал, что при издании стенограммы она подверглась не только «некоторой стилистической», – что верно, – но и «значительной авторской правке, вносящей иногда исправления и принципиального характера», – что совершенно неверно. В вину мне можно поставить недостаточно тщательные стилистические исправления, – до того ли было в эти дни, – а никак не смысловые изменения или «авторскую правку» (прим. М. Вишняка).

² Штейнберг Исаак-Нахман Захарович (1888–1957) – адвокат, один из лидеров левых эсеров, нарком юстиции (1918), с 1923 г. – в эмиграции.

ме рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Это был единственный оратор, дважды выходявший на трибуну для издевки над Учредительным собранием и изобличения его в том, что «оно не посмело сразу восстать против советской власти... не посмело отклонить программу ЦИКа, но считало для себя возможным и доступным уклониться поставить обсуждение этой программы на повестку дня». Желая сохранить хотя бы оттенок благородства и продемонстрировать свою независимость от партнеров-большевиков, фракция левых эсеров выразила готовность сделать «еще последний шаг», несмотря на свое «совершенное согласие с товарищами большевиками».

И Штейнберг предъявил ультиматум. «Вы, правая половина нашего состава Учредительного собрания», которые «сделаете все, чтобы перехитрить народ» и «затемнить сознание трудовых масс», – «будьте добры сегодня, не расходясь, в этом зале выяснить ваше отношение к политике войны и мира, которую ведет наша советская власть. Мы вам ультимативно предлагаем ту часть резолюции ЦИКа, которая касается политики мира... Имейте мужество сегодня, не выходя из этого зала, ответить на это, потому что вы тоже поставили этот вопрос, – присоединяетесь ли вы целиком и безоговорочно к той политике мира, которую ведет нынешняя советская власть, или вы от нее отказываетесь?..».

Такое – и не только такое – мужество у «правой половины» Собрания, конечно, имелось. Ультиматум был отвергнут с той же решительностью, что и угрозы большевиков. От имени нашей фракции Ельяшевич заявил, что «мы считаем ниже достоинства Учредительного собрания, чтобы кто бы то ни было говорил с ним языком угроз. Мы знаем, – вы говорили об этом достаточно откровенно, – что у вас уже все предreshено, что вы, опираясь на штыки, хотите совершить величайшее преступление против верховной воли самого народа»...

Вспоминая о прошлом уже на положении эмигранта, Штейнберг особенно подчеркивал «благородство» левых эсеров, якобы существенно отличавшее их от аморальных «соправительствовавших» с ними большевиков. Автор продолжал отстаивать нелепый план «соединения Учредительного собрания и Советов», который левые эсеры предлагали Учредительному собранию и большевикам в качестве «компромисса». О самом заседании 5 января автор говорит уже как о «трагическом» и выдает Гоцу свидетельство о мужестве, тогда же «доставившем удовлетворение» Штейнбергу. «Слева от нас – весь штаб старой, увенчанной историческими заслугами социал-революционной партии. В этом штабе мы, левые социалисты-революционеры, видели всех наших учителей, руководителей и предшественников по борьбе». И в заключение не то запоздалое раскаяние, не то беспредметное вздыхание: «Как стало возможно, чтобы мечта многих поколений (Учредительное собрание) рассеялось как сон?»¹.

Один оратор сменял другого. Центральным было появление на трибуне И.Г. Церетели. Встреченный необычным даже для этого собрания ревом и воем: – «Изменник!.. Палач!.. Предатель!.. Смертная казнь!», – Церетели сумел к концу речи заставить себя слушать даже большевиков.

Церетели сменил Зензинов; украинец Северов-Одоевский; «живописный»

¹ Als Ich Volkskommissar war. С. 60, 61, 71, 74, 87 (прим. М. Вишняка).

крестьянин на костылях Сорокин; меньшевик Скобелев, недавний министр и будущий сменовеховец, внес предложение избрать комиссию для расследования обстоятельств расстрела «без всякого предупреждения», «прямо в толпу», которая мирно демонстрировала в честь Учредительного собрания и молитвенно пела революционные гимны; агенты власти выхватывали красные знамена, бешено рвали их на куски и швыряли в огонь уличных костров...

Официально большевики зарегистрировали по Петрограду за 5 января убитых 9 и раненых 22.

Выступил и другой социал-демократ, Трояновский, впоследствии занявший пост большевистского посла сначала в Токио, а потом в Вашингтоне; мусульманин Цаликов; эстонец Сельяма; латыш Гольдман; еврей Львович-Давидович; от эсеров Тимофеев с несколько затянувшейся речью о мире; простецкая речь крестьянина-втородумца Ефремова о груди говорящего под угрозой браунинга: «грудь каждого из вас, народные избранники, открыта... Если здесь в стенах этого высокого собрания решено кому-нибудь из нас пасть жертвою злодейства, это послужит правде, истине, священной обязанности народного избранника...».

Все говорили о разном, каждый о своем, но общий смысл был один и тот же.

Старый большевик Н.Л. Мещеряков, позднее ликвидированный Сталиным, описал, как происходившее преломлялось в сознании господ положения. «Вспоминается, как живая, фигура Ильича, сидящего на приступках трибуны председателя. На вылощенные речи Чернова и Церетели он не обращал никакого внимания. Сперва он что-то писал, а потом просто полулежал на ступеньках то со скучающим видом, то весело смеясь. Около 11 часов вечера большевистская фракция потребовала перерыва для совещания. Перед нами встал вопрос, что делать дальше? Выступил Владимир Ильич: «Центральный комитет предлагает уйти с Учредительного собрания...».

После некоторого колебания было решено последовать совету Ильича. Для прочтения резолюции был намечен тов. Раскольников. Мы все стали собираться к возвращению в залу заседания.

– Как, товарищи? Вы хотите вернуться в залу и уйти оттуда после прочтения нашей резолюции? – спросил нас Владимир Ильич.

– Да.

– Да разве вы не понимаете, что наша резолюция об уходе, сопровождаемая уходом всех нас, так подействует на держащих караул солдат и матросов, что они тут же перестреляют всех оставшихся эсеров и меньшевиков? – был ответ Ленина.

Многие с ним согласились не сразу. После второй энергичной речи Ленина его предложение было принято. Одни разошлись по домам, другие наблюдали сцену с хор, из дверей и т.п. На заседание вернулся один тов. Раскольников, который прочитал декларацию и ушел. На солдат караула она произвела громадное впечатление. Многие из них взяли винтовки на изготовку.

Товарищ, бывший на хорах, рассказывал мне, что один из солдат даже прицелился в толпу делегатов эсеров. Еще момент, и могла бы разыгаться ужасная сцена. Знают ли, подозревают ли бывшие депутаты эсеры, что только Ленину

они обязаны своим спасением от смерти?» – заключает свой рассказ сердобольный Иудушка¹.

Минуло десять лет с описанного события, и «Известия» стали утверждать: «Никто не встречал пушками и пулеметами избранников в день открытия («учредилки»). Не было также свалки и скандала... Штыков не было, «чернь» на хорах «бунтовала» только в воображении струсившего обывателя, попавшего волею судьбы в столь высокое собрание» (19.1.28).

Таково же свидетельство большевистского «ученого» Н. Рубинштейна: «Историк, который рассчитывал бы найти драматические эффекты в день пятого января 1918 г., был бы разочарован. Внешняя обстановка первого заседания У[чредительного] с[обрания] и его роспуска была до нельзя проста»². Все это, увы, неправда: «драматических эффектов» было хоть отбавляй – более, чем понадобилось бы самому требовательному историку.

Долгие, томительные часы прошли прежде, чем Собрание освободилось от тормозивших его работу враждебных фракций. Давно уже зажглось электричество. Напряженная атмосфера военного лагеря нарастала и точно искала для себя выхода. Со своего кресла секретаря на трибуне и лицом к залу я видел, как вооруженные люди после ухода большевиков все чаще стали вскидывать винтовки и брать «на мушку» находящихся на трибуне или сидящих в зале. Отсвечивавшая лысина О.С. Минора представляла собой привлекательную мишень для коротавших время солдат и матросов. Ружья и револьверы грозили ежеминутно «сами» разрядиться, ручные бомбы и гранаты – «сами» взорваться.

Друзья уводят Гоца, самым фактом своего присутствия вызывавшего непреодолимую ярость толпившихся на хорах и в самом зале. Заставляют уйти и Руднева, вызвавшего к жизни клич российских краснокожих: «рудневцы», – то и дело раздававшийся не то как призыв к расправе, не то как возглас победителей, уже опочивших на лаврах и празднующих тризну.

Какой-то матрос, признав в Бунакове-Фондаминском бывшего комиссара Черноморского флота, без долгих размышлений, тут же у трибуны, взял на изготовку ружье и нацелился на него, стоявшего на трибуне. Только исступленный окрик случайного соседа, эсера из сектантов, позднее обернувшегося большевистским сексотом, – Бакуты: «Брат, опомнись!», сопровождаемый энергичным ударом по плечу, остановил шалого матроса.

Револьверы вынуты и едва не пущены в ход и в другом месте – там, где разместились левые эсеры и украинцы. Я не знаю действующих лиц. Вижу только их мимику, жесты и револьвер, отобранный «старшим» по фракции левых эсеров Карелиным. Слышу: «Проси прощения, мерзавец!»...

А за кулисами в это время происходило подлинное смертоубийство. О нем поведали «герои» того дня Бонч-Бруевич и Штейнберг в своих воспоминаниях. В министерском павильоне царского времени, где расположились члены Совнаркома, Ленин повесил на вешалку пальто, оставив в кармане револьвер. Вскоре он обнаружил его исчезновение и заявил о том старшему по охране народных комисса-

¹ Сборник воспоминаний «О Ленине». I. С. 49 (прим. М. Вишняка).

² «Историк-марксист». 1929. Т. 10. С. 56 (прим. М. Вишняка).

ров, состоявшей из матросов. Произведенное на месте дознание установило, что револьвер вытащил и присвоил один из матросов. Его тут же вывели в Таврический сад и расстреляли.

Спустившись с помоста, я пошел взглянуть, что делается на хорах. В полукруглом зале по углам сложены гранаты и патронные сумки, составлены ружья. Не зал, а становище. Учредительное собрание не окружено врагами, оно во вражеском лагере, в самом логовище зверя. Отдельные группы продолжают «митинговать», спорить. Кое-кто из депутатов пытается убедить солдат в правоте Собрания и преступности большевиков. Пронесится:

– И Ленину пуля, если обманет!..

Комната, отведенная нашей фракции, уже захвачена матросами. Из комендатуры услужливо сообщают, что она не гарантирует неприкосновенности депутатов, – их могут расстрелять и в самом заседании. Тоска и скорбь отягчаются от сознания полного бессилия. Жертвенная готовность не находит для себя выхода. Что делают, пусть бы делали скорей!..

В зале заседания матросы и красноармейцы уже окончательно перестали стесняться. Прыгают через барьеры лож, целкают на ходу затворами винтовок, вихрем проносятся на хоры. Из фракции большевиков покинули Таврический дворец лишь более видные. Менее известные лишь переместились с депутатских кресел на хоры и в проходы зала и оттуда наблюдают и подают реплики. Публика на хорах в тревоге, почти в панике. Депутаты на местах неподвижны, трагически безмолвны. Мы изолированы от мира, как изолирован Таврический дворец от Петрограда и Петроград от России. Кругом шумят, а мы, точно в пустыне, отданы на волю торжествующего врага, чтобы за народ и за Россию испить горькую чашу.

Передают, что к Таврическому дворцу высланы кареты и автомобили для увоза арестуемых. В этом было даже нечто успокоительное, – все-таки некоторая определенность. Кое-кто начинает спешно уничтожать компрометирующие документы. Кое-что передаем нашим близким – в публике и в ложе журналистов. Среди документов передали и «Отчет Всероссийскому Учредительному собранию членов Временного правительства», находившихся на свободе. Тюремные кареты, однако, не приезжают. Новый слух – будет выключено электричество. Через несколько минут А.Н. Слетова добыла уже десятки свечей.

Круг сузился. С уходом левых эсеров оставшиеся оказались предоставлены самим себе. Не у всех хватило сил вынести томление. Не вынес маяты, в частности, крестьянин-вологжанин. Он сбегал к ранней заутрени наступившего дня Богоявления: «Свечку хочу поставить Николаю-угоднику»... Во дворец он не вернулся.

...Был пятый час утра. Оглашали и вотировали заготовленный закон о земле. На трибуну поднялся неизвестный матрос – один из многих, слонявшихся весь день и ночь в кулуарах и проходах. Приблизившись к креслу председателя, занятого процедурой голосования, матрос постоял некоторое время как бы в раздумье и, видя, что на него не обращают внимания, решил, что настал час «войти в историю». Обладатель прославленного отныне имени, Железняков тронул председателя за рукав и заявил, что, согласно полученной им от комиссара (Дыбенки)

инструкции, присутствующие должны покинуть зал.

Началось препирательство между В.М. Черновым, настаивавшим на том, что «Учредительное собрание может разойтись лишь в том случае, если будет употреблена сила», и «гражданином матросом», требовавшим, чтобы «немедленно покинули зал заседания». Реальная сила, увы, была на стороне «анархиста-коммуниста», и верх одержал не Виктор Чернов, а Анатолий Железняков.

Быстро заслушиваем ряд внеочередных заявлений и, в порядке спешности, принимаем десять первых статей основного закона о земле, обращение к союзным державам, отвергающее сепаратные переговоры с центральными державами, и постановление о федеративном устройстве Российской Демократической Республики. В 4 ч[аса] 40 м[инут] утра первое заседание Всероссийского Учредительного собрания закрывается. Следующее назначено на 5 часов того же дня.

Позднее большевики сообщили, что в конце ночного заседания караулу был дан письменный приказ за подписью Ленина и Урицкого: «Предписываю товарищам солдатам и матросам не допускать насилия по отношению к контрреволюционным членам У[чредительного] с[обрания] и свободно выпускать из Таврического дворца.

Никого не впускать без особого приказа». Дыбенко описывает тот же эпизод, называя своего героя уже не Железниковым, а Железником, так: «Я отдал приказ разогнать Учредительное собрание уже после того, как из Таврического уйдут народные комиссары. Об этом приказе узнал тов. Ленин. Он обратился ко мне и потребовал его отмены.

– А вы дадите подписку, Владимир Ильич, что завтра не падет ни одна матросская голова на улицах Петрограда?

Товарищ Ленин прибегает к содействию тов. Коллонтай, чтобы заставить меня отменить приказ. Вызываю Железняка. Ленин приказывает ему приказа не выполнять и накладывает на мой письменный приказ свою резолюцию: «Тов. Железняку. Учредительное собрание не разгонять до окончания сегодняшнего заседания». На словах он добавляет: «Завтра, с утра, в Таврический никого не пропускать». Железняк, обращаясь к Владимиру Ильичу, просит надпись «Железняку» заменить «Дыбенко». Владимир Ильич полушутливо отмахивается и тут же уезжает на автомобиле. За тов. Лениным покидают Таврический и остальные народные комиссары. При входе встречаю Железняка.

Железняк:

– Что мне будет, если я не выполню приказа тов. Ленина?

Я отвечаю:

– Учредилку разгоните, а завтра разберемся. Железняк только того и ждал»¹.

Медленный поток выносит взволнованную толпу из зала. Спускается с помоста и В.М. Чернов, свертывая на ходу бумажки в трубочку. Вместе проходим к вешалкам с платьем. Караул никого не останавливает. Только слышу по адресу Чернова:

– Вот этого бы в бок штыком!..

Не чувствуется усталости. Грызет тоска и возмущение. На душе сумрачно

¹ Мятежники. С. 110 (прим. М. Вишняка).

и тревожно. Что готовит грядущий день России? Учредительному собранию? Его членам?

Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва острожная,
Наша молитва устами несмелыми,
Наша надежда и воздыхание –
Учредительное Собрание, –
Что мы с ним сделали?!¹

Если Октябрь расценивать как легкомысленную или безумную авантюру, ликвидация Учредительного собрания была не чем иным, как преднамеренным преступлением.

*Извлечения публикуются по изданию:
Вишняк М.В. Дань прошлому.
Нью-Йорк, 1954. С. 256–288, 296–381.*

¹ Стихотворение З. Гиппиус «У.С.» (12 ноября 1917 г.).

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ОГАНОВСКИЙ

ДНЕВНИК ЧЛЕНА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Встреча Нового года

1 января [1918 г.]. Наша эсеровская фракция «учредилковцев» встречает Новый год в тесном помещении гимназии Гуревича на Лиговке. Народу много, бутерброды обильные, чаю – сколько влезет, отъедаемся от дневной голодовки и не завидуем левым «буржуям» в «Астории», но тоска, серая тоска на лицах.

Узнаем об аресте румынского посланника. Тоже – лицо «священное», как и мы. И у каждого в душе – червяк едучий копошится: под каким соусом скушает советская власть нашу депутатскую неприкосновенность: под красным – расстрела, или белым – простого разгона?..

Артисты, которых мы ждали, – не приехали. Вместо них мобилизовали доморощенные таланты, и на крохотной сцене один за другим выступают в новой роли депутаты: поэты – крестьяне, певцы – украинцы, бывшие каторжане – декламаторы. Любительские дарования не выше уездных, вкусы тоже уездные. Не взыщите – мы хороший, честный народ, и в совокупности наши 200 депутатов откатали 1000 годов каторги и тюрьмы, но в массе это – *chaire à saupon*¹ революции 1905 года. Где вы, сильные, смелые, яркие вожди народного движения, где вы – государственные мужи, опытные и сведущие? Ау.. откликнитесь... спасайте нас, себя, родину.. погибаем!..

Вот он, наш «несравненный» «боец седокудрявый», вступил на скрипучие половицы подмостков²... Все тот же ложноклассический пафос, заученные жесты... «Провинциальный трагик», как назвал его один из товарищей... И он будет через четыре дня играть главную, самую ответственную роль в исторической трагедии, постановки которой наши предки и мы ждали сто лет. Что делать: он наиболее удобен для той «викжелистой» политики³, какую сейчас ведет бюро; он не запятнал себя «оборончеством» и всегда был злейшим врагом Керенского. Его споспобны слушать его «ученики» – левые эсеры; я сам слышал от них как они себя называли его учениками. Да, наконец, у нас нет никого, кто бы мог его заменить...

¹Пушечное мясо (*франц.*).

²В.М. Чернов.

³Речь идет о политике Всероссийского Исполнительного комитета железнодорожного союза (Викжеля). 26 октября 1917 г. Викжель предложил создать однородное социалистическое правительство от народных социалистов до большевиков с целью избежать гражданской войны, угрожая в противном случае забастовкой железных дорог. Большевики использовали политику Викжеля для укрепления своей власти.

«Нет людей» – этот «стон» раздается в нашем лагере с самого начала революции... Мы все – такие маленькие, а события такие громадные: карлики по росту, мы вынуждены напяливать на себя доспехи, сработанные для боя титанов, брать в свои кукольные ручонки меч-кладенец...

Под казенные аплодисменты он заканчивает свою речь. Выступает новый оратор – небольшого роста, с мелкими незаметными чертами лица. Рассказывает просто, ярко, образно и остроумно про три встречи с жандармом, бывшим гвардейским полковником, в мае, августе и декабре. Три встречи – три метаморфозы: при первой полковник в форме, довольно приличен, вежлив, мил, но грустен, находится за штатом; однако на руках у него еще золотые кольца, хотя браслеты исчезли... При второй встрече – форма исчезла, пропали кольца; оборванный пиджак и брюки с бахромой; близок по виду к нашим хитровцам. При третьей – опять в форме, без погон, с кольцами, вид самоуверенный, в богатом ресторане за весьма солидным обедом... Таврический [дворец] его ниспроверг, Зимний – заставил покатиться в бездну босячества, но Смольный вырвал из бездны и снова поднимает на высоты богатства и власти. Недаром товарищи-втородумцы и третьедумцы уже встречали вокруг Таврического старых знакомых – шпиков, дежуривших на тех же самых местах, на каких они стояли пять и десять лет тому назад.

«Полковник – яркая иллюстрация того трагифарса, который разыгрывается сейчас, – говорит оратор, – но наша партия не только переживала, а и сама создавала величественные, истинно трагические акты борьбы с насильнической властью, вооруженной до зубов, борьбы, напоминающей классический бой спартанцев в Фермопилах... Недавно я проходил по Измайловскому проспекту мимо памятника Славы... И вспомнил я, как тринадцать лет назад, в июльский жаркий день мимо этого памятника мчалась окруженная охранниками-велосипедистами черная карета с гайдуками на запятках, с вышколенным кучером на козлах. А по панели спокойно шел молодой человек в путевой фуражке с большим свертком в руках. Сначала шел, потом, когда карета стала его нагонять, побежал, потом бросился наперерез карете, высоко поднял над головой сверток и изо всех сил швырнул его в оконное стекло; и, бросая сверток – 12-ти фунтовую бомбу, – он увидел, как к стеклу прикикло полное оцепенелого ужаса лицо и остекляневшие глаза остзейского барона, всесильного тирана¹ – душителя русского народа... И бомба попала ему прямо в лицо: молодого человека предупредили, что наибольшей силы взрыв достигнет тогда, когда бомба разорвется внутри кареты.

Этот молодой человек – покойный товарищ наш Егор Сазонов, один из тех спартанцев, за каждого из которых герой байроновского «Дон-Жуана» был готов отдать миллионы простых смертных».

«Вспомнил я эту драму, – говорит оратор, – взглянул на широкую прямую ленту проспекта, ведущего на вокзал, соединяющий нас с Европой, и вдруг почувствовал мне, что оттуда, с Запада, уже несется навстречу другая черная карета: в стекла ее видны торчащие усы кайзера, правит ею железной рукой Гинденбург, на запятках, согнувшись, сидят Ленин и Троцкий, а вокруг нажимают усердно на педали велосипедов старые знакомцы-охранники, и в числе их – мой полковник...

¹ 15 июля 1904 г. министр внутренних дел и шеф жандармов В.К. Плеве был убит террористом Е.С. Сазоновым.

Кто же обратит широкий проспект в узкие Фермопилы, какой спартанец бросится навстречу черной карете и ценой жизни своей остановит непреодолимый бег ее колес?».

Так говорил оратор, набрасывая один за другим гирлянду ярких, незабываемых образов, и на блеск этих образов загорались ответным огнем серые лица товарищей, тоска исчезала из очей, в них заблестали перламутровые слезы ненависти, руки инстинктивно сжимались в кулаки, и мне почудилось на миг, что и меж нами, если понадобится, отыщется не один спартанец...

Но понадобится ли? Не прошло ли время единичных героев?.. Не главенствуют ли массовые движения безликих толп, перекидывающихся слепо, стихийно то на левый, то на правый борт российского государственного корабля, ежеминутно грозя его совсем опрокинуть? Не остановить одиноким героям этих стихийных порывов: они будут беспощадно раздавлены, затоптаны в грязь коваными сапогами, и над трупами их надругаются озверелые хулиганы...

Нет и не будет героев, ибо они сейчас не нужны. А кто и что нужно – не скажет никто.

2. Три течения

2 января. Заседание фракции по аграрному вопросу. Сидим целый день до двух часов ночи. Земельная комиссия сдает результат месячной своей работы – основной закон о земле и мероприятия по его проведению в жизнь.

В начале работ комиссии было решено из трех проектов закона – втородумского, П.А. Вихляева и С.Л. Маслова – взять за основание последний, наиболее деловой, представляющий из себя сводку положений, выработанных единственным в России органом, шесть месяцев работавшим над проблемами земельной реформы, – Главным земельным комитетом. В Главном земельном комитете работали виднейшие специалисты из разных партий, начиная с кадетской: влияние эсеров было доминирующим, но эти эсеры принадлежали к тому течению, которое я называю «государственным». Представители этого течения, понимая, что интересы народа и государства в конце концов тождественны, ставят во главу гармоническое сочетание двух принципов: социальной справедливости и сохранения и подъема производительных сил страны. «Государственники» признают решающее значение объективных условий экономической действительности и допускают неизбежные, в силу существования этих условий, уступки, смягчая и просто даже исключая не соответствующие им более или менее утопические пункты партийной программы.

В «деловом» проекте С.Л. Маслова поэтому отсутствовали пункты о *равном* праве всех граждан на землю, недра, леса и воды, об отчуждении всех этих природных благ без всякого выкупа, об отмене наемного труда и т.д. В земельной комиссии после продолжительного боя, под напором других течений все эти пункты были вставлены, хотя «государственникам» удалось удержать комиссию от внесения в первый пункт об общегражданском праве утопического термина «равное» и отстоять допустимость наемного труда в «исключительных случаях». Но увы, «ортодоксальное» течение во фракции заставило принять и этот термин, а третье

течение – «стихийников» – ввело в «мероприятия» отчуждение без выкупа не только земли, а и помещичьего инвентаря и построек. Слишком слабы оказались числом «государственники», и мало затрагивала членов фракции их аргументация, казавшаяся большинству хотя и весьма веской, но несвоевременной, неприспособленной к моменту, требующему одного: перетянуть на свою сторону массы, соблазненные большевистскими посулами.

Большинство и в комиссии, и во фракции, по-видимому, принадлежит именно к категории тех, кого я называю «стихийниками», или, иначе, «массовиками». Ядро «стихийников» – настоящие крестьяне, преимущественно от центральных, перенаселенных районов, где широкой волной уже во второй половине лета прокатились аграрные волнения, где наиболее сильно крестьянство обнаружило чернопередельческие тенденции – поровнять всех под одно – отобрать землю не только господскую, не только купчую, а и надельную свыше даже потребительской нормы, расхватать инвентарь, и, конечно, даром, не платя ни гроша, ибо, дескать, все это добыто мужицким потом и кровью. И крестьянские депутаты-стихийники не слушали никаких резонов. «Ибо, – говорили они, – нам так наказывали крестьяне, посылая нас сюда, от этих наказов мы отступить не можем». В их речах проявлялись отчетливо все классовые вождедения малоземельного крестьянства, которое стремится воспользоваться революцией, чтобы заполучить без всяких затрат как можно больше земли и прочих средств производства. Но все же надо быть справедливым: голое классовое «шкурничество» умерялось принципом уравнительной дележки «по справедливости», «по-Божьему», откуда и возникала у крестьян тяга к «законности», к установлению одинаковых норм разверстания земли и передачи господского инвентаря не отдельным хозяевам, а в земско-общественные организации.

Хотя стихийников у нас было большинство, но, представляя из себя аморфную, малокультурную массу, они бы не одержали победы без помощи интеллигентов. Но во главе их встал необычайно талантливый, яркий оратор – «честный» представитель политиканства, проводимого искренне и вполне сознательно. Именно он разбивал все доводы государственников, смотревших в «корень» вещей, говоривших о вреде отмеченных выше пунктов для государства, для самого народа в будущем; разбивал легко и просто одним возражением: «Если мы не вставим их в закон – вставят большевики и левые эсеры, за которыми и пойдут массы. Учредительное собрание сможет укрепить свое влияние и авторитет, лишь опираясь на массы. Поэтому мы не смеем их отталкивать, мы должны потворствовать их вождедениям». Словом, он мечтал «переплюнуть» большевиков, как мечтало об этом и бюро [партии эсеров].

Третье течение – «ортодоксов» – так же, как и «государственников», не было многолюдным. «Ортодоксы», иначе «старообрядцы» по моей терминологии, следили лишь за тем, чтобы не только дух, но и все буквы партийной программы были полностью внесены в закон. А программой они считали наспех составленный втородумский проект, в котором множество противоречий и недомолвок. Это они заставили в конце концов ввести в закон равенство прав всех не землю, хотя и сознавали отлично его неосуществимость, ибо для них было важно одно: партия 12 лет вела агитацию и проводила в Учредительное собрание своих депута-

тов, основываясь на этом втородумском проекте, разошедшемся в миллионах экземпляров. Поэтому кто отступит теперь от буквы этого проекта – есть изменник партийному знамени. Они грозили занести имена этих изменников на черную доску, требуя поименного голосования.

И под напором стихийников и ортодоксов шаг за шагом, пункт за пунктом искажался довольно стройный, продуманный и осуществимый при соответствующих политических условиях закон о земле – эта «*декларация прав трудового земледельца*», которую могла бы российская революция добавить к декларациям европейским. Поэтому государственники горюют: «погубили товарищи земельную реформу». А по-моему, она погублена уже давно, погублена неумением народа создать свою народную, единую, крепкую и сильную власть. Лишь через твердый закон, осуществляемый единой всесильной властью, смог бы прийти народ к земле и воле. Но власть, опирающаяся на демагогию, не может быть сильной.

А на демагогию опираются не только большевики – под ее влиянием действовали даже и кадеты, когда были у власти. Менялась стихия – все требовательнее становился народ, подстрекаемый демагогами, – и вот мы докатились до большевиков и в массах начинает приобретать успех проповедь анархистов. Дальше катиться некуда: скоро массы стукнутся лбом об стену роковой действительности – начнется отрезвление. 1918 год будет первым из долгого ряда годов тяжелой расплаты народа за свои и чужие грехи...

3. Пахнет кровью

4 января. Окончательно устанавливаем «диспозицию» завтрашнего дня. Большинство за нами обеспечено. Мучительная проблема «уризации»¹, над которой мы возились больше месяца, разрешилась легко и просто: мы послали в Таврический полный список своих депутатов, а Урицкий прислал без всяких ограничений соответствующий комплект именных красных пропусков. Говорят, Авксентьеву, Сорокину и другим узникам пропуска посланы в тюрьму. Эта присылка парализовала уже состоявшееся решение – не «урицизироваться» самим, за которое высказалось большинство во фракции. Между прочим, решение это было установлено «референдумом» – тайной подачей записок в бюро, которое одно должно было знать его результат, ибо все отчетливее складывалось убеждение, что где бы мы ни собирались, у стен вырастают чуткие уши.

Благодаря «любезности» Урицкого это решение отпадает – нет основания не принять пропуска. В последний раз излагается и обсуждается прекрасно составленная «программа дня». Но бюро не обманывает себя в том, что ее удастся провести полностью. Цель программы – показать народу, что Учредительное собрание может дать «настоящие» законы, которых ждет страна, а не заборные плакаты. Решено в крайнем случае выбросить из программы весь балласт вроде законов о низложении Романовых, иммунитета депутатов, продовольственного вопроса, «манифест» и во что бы то ни стало провести постановление о мире (нота ко всем воюющим державам, продолжение переговоров с центральными [державами]

¹ См. стр. 652.

ми], посылка делегации, Стокгольмская конференция) и основным закон о земле. Над составлением документов потрудились достаточно, написаны они отчетливо и даже величественно, с подчеркиванием всей высоты авторитета созданного «волей народов Российской республики» Учредительного собрания. Но все знают теперь цену высоким словам и предпочли бы, чтобы за Учредительным собранием кроме «воли народа» стояла здесь пара хороших полков и десятков броневиков. Говорят, такие полки есть – семеновцы и преображенцы. Готовы будто бы к выступлению и броневики. И под их защитой демонстрация пройдет благополучно. Не то – расстрел неминуем. Сегодня, когда мне по делу пришлось пройти большое расстояние (трамваи не ходят), всюду видел на стенах наклеенные рядышком две прокламации: одна – от Союза защиты Учредительного собрания, призывающая всех рабочих, солдат, крестьян и интеллигенцию на улицы; другая – грозная, от Петроградского совета, предупреждающая, что демонстрацию устраивают календинцы, корниловцы, продавшиеся буржуям правые эсеры, а потому солдат надо удержать в казармах, рабочие должны работать, а вооруженные силы правительства будут наготове.

Два рядом висящие объявления – это клин, вгоняемый в живое, трепещущее тело единой демократии, раздирающий его пополам. Изю всех преступлений большевиков, на мой взгляд, это – самое страшное, предающее «разделившийся на ся», обессиленный, облитый братской кровью народ в руки озлобленной реакции. Никогда не забуду устроенной большевиками и левыми эсерами гнусной грызни на крестьянском съезде, когда сосед-мужик в солдатской шинели ругал соседа-мужика в поддевке «буржуем», «корниловцем» и готов был вцепиться ему в бороду. Ни один немецкий шпион, ни один провокатор из самодержавной охраны не смог натравить рабочую массу на рабочих, мужиков на мужиков, солдат на солдат, а одна «Маруся», попавшая на каторгу с гимназической скамьи и застывшая на уровне гимназического мирозерцания, с кучкой таких же недоучившихся юнцов превзошла в мастерстве иудиного ремесла самых многоученых и многоопытных мерзавцев всего мира. Но то была лишь словесная «гражданская война»; завтра же задымится на заваленных холмами загаженного снега улицах алая, чистая братская кровь, кровь народа, расстреливаемого народом. И кровь эта забрызгает не одних большевиков, но и нас, и десятками лет самоотверженного труда мы ее не смоем.

Уже носятся слухи, что большевики предпринимают предупредительные меры: оцепили Петергофское шоссе, роздали «шаловливые» «своим» солдатам, а красногвардейцы заперли «опасных» солдат в казармы; прогоняют ораторов-членов фракции [эсеров] с заводов...

Принимаем последние решения: Учредительное собрание должен открыть старший из нас и никоим образом нельзя допустить, чтобы его открыл кто-либо из комиссаров. Очевидно, что большевики, сознавая неизбежность конфликта, решили дать нам бой не на пустяках вроде «урицизации», а на кардинальном вопросе о власти. «И это правильно, – говорит один из наших лидеров, – ибо по существу, по основным целям и устремлениям две столкнувшиеся силы далеко не всегда расходятся, а бывают сплошь и рядом почти тождественны. Но коренное, непримиримое расхождение между нами и большевиками лежит в методе вла-

ствования: наш метод – парламентаризм, их – диктатура. Большевистская партия есть партия революционного насилия, наша – революционной свободы. Вот почему теперь нам предстоит бой на самом остром пункте: нам предложат признать власть Советов, которую мы всегда отрицали, предложат Учредительному собранию стать «штемпельной машиной» при комиссарах, а так как мы на это согласиться не можем, то, очевидно, мы обречены на разгон. Но оттягивать дальше открытие Учредительного собрания нельзя, ибо, как говорят многие, оно «гибнет на корню». «Жребий брошен».

В первом заседании не сделаем ни одной попытки нападения на советскую власть. Мы должны сперва «окопаться» в Таврическом, а потом уже пойдем в атаку.

Бюро предупреждает и категорически требует во-первых, чтобы никто не брал с собой никакого оружия. Пусть народ нас защищает, если у него станет решимости, а для нас одна лишь защита – неприкосновенность депутатского звания; во-вторых, чтобы мы сидели все время молча, не отвечая ни на какие выкрики и неистовства левого сектора и публики. Тут, кстати, вспомнили о тех римских сенаторах, которые сидели неподвижно, завернувшись в свои тоги, когда варвары ворвались в Рим, так что дикари приняли их за статуи. В-третьих, чтобы мы беспрекословно повиновались всем распоряжениям членов бюро, составившего план поведения на все случаи, наметившего ораторов и назначившего «махальных», которые знаками и примером должны указывать нам – когда и как действовать. «Мы, эсеры, всегда гордились своей партийной дисциплиной. Вот лучший случай, который дает нам история, продемонстрировать свою дисциплинированность».

Депутат-втородумец вспоминает, как им хотелось кричать в истошный голос, когда на трибуне появился Столыпин. «Но мы, – говорит он, – сковали свое сердце железными обручами долга перед родиной и народом, нас пославшим. Пусть и теперь, если на трибуне появится Ленин, что весьма вероятно, будем молчать, стиснув зубы, хотя между Лениным и Столыпиным, по-моему, разница очень невелика. Итак, завтра в лице Смольного и Таврического столкнутся две идеи – идея тиранической диктатуры и вольного народоправства. Столкновение поведет к крови. В повседневной суতোлке мы позабыли, что социалисты-революционеры в борьбе добивались прав народу. Не настало еще время свободной творческой работы. Быть может, нам придется испить чашу до дна, но нас должны поддержать нас пославшие, и если мы умрем, то идея Учредительного собрания возродится из нашей крови».

Так говорил старик-втородумец, выдержавший каторгу и ссылку, и слезы блестели в его очах, как алмазы. Но не было у нас подъема: не то суতোлка нас заела и «викжеляние» бюро нас запутало, не то не верилось в нужность и плодотворность такого героизма. А скорее всего, уж очень чудной многим казалась мысль – неужто вот этот самый Иван Иванович, мой земляк из Нижегородской губернии, которого я прекрасно знаю, только потому, что он стал «левым», «без пяти минут большевиком», подведет меня, два месяца назад его ближайшего товарища, под расстрел? Не может этого быть, как не может день превратиться в ночь. И не могу я так, с бацу, глядеть на него как на злейшего врага, как глядел на губернско-

го жандарма и полицейского пристава.

Да, клин, всаженный в тело демократии, еще не перерезал до конца ее сердце и не погасил в честных душах остатка веры в людей. Завтрашний день либо доконает эту веру, либо ее воскресит.

А может быть, завтра не будет и крови и начнется нудная межпартийная грызня, подобная той, которая погубила революцию 1905 года, а в нынешнем году искалечила, обесмыслила и обессилила демократический совет.

Но что бы завтра ни произошло – ясно одно: той творческой работы, которая нужна стране сейчас, как хлеб голодным, нам все равно не творить – расстреляют ли нас, разгонят ли или предоставят гибнуть в водопадах словоизвержений. И, право, лучше уж погибнуть со славой на штыке красногвардейца, чем изнывать в «словотопе»...

4. В становище хамоидолов

5 января. В 10 часов утра назначен сбор в одной из «столовок» недалеко от Таврического. Вчера поздно лег: ковыляю поспешно, опоздавши на полчаса, но публика российская неизлечима – даже и сейчас собирается к 11-ти без четверти. В «столовке» тесно и душно. Галдеж и хаос. Последние напоминания о строжайшей дисциплине. Поспешно в программу дня вставляется вопрос о продовольствии. Узнали, что в адрес Учредительного собрания направляется довольно много грузов, и, таким образом, если мы возьмем в руки власть, мы гарантированы от голодных бунтов.

Выбираем старейшего; бабушки¹, увы, нет, Чайковского тоже. Из двух наличных старейших народовольцев – Е.Е. Лазарева и С.П. Швецова – останавливаемся на последнем: он будет покрепче. Кто-то пускает слух, что большевики нам в пику хотят предложить открыть Собрание не старейшему, а юнейшему. Вот юмор палачей.

Разносится сообщение, что Аргунов, Авксентьев, Сорокин освобождены. Комиссия «связи с улицей» приносит благоприятные новости: собирается выступить ряд заводов, и как будто решились и солдаты.

11 часов 20 минут. Высказывается опасение, что большевики, решившие открыть Собрание в 12 часов, откроют без нас. Общий крик: «Так идемте скорее». Высыпаем на улицу, строимся по шесть в ряд, получается внушительная по размерам колонна, тем более импозантная, что в ней около половины – заправские крестьяне. Да, слияние интеллигенции с народом в нашей среде безусловно произошло: тем-то она мне и дорога. Но вопрос – надолго ли и крепка ли эта связь?..

Идем; ноги вязнут в сугробах, как на деревенских улицах. Вдали уже постреливают. По дороге публики нет; лишь повсюду отряды и караулы солдат, матросов и красноармейцев с ружьями, а то и с ручными гранатами. Один такой франт встал поперек нашей колонны, поигрывает бомбочкой, спрашивает нахально: «Это кто» – «Члены Учредительного собрания» – «А, можете идти». Стискивая зубы, опуская глаза вниз, молча проходим мимо грубых ухарских парней в матросских

¹Т.е. Е.К. Брешко-Брешковской, см. прим. на стр. 71.

фуражках, вооруженных до зубов. Вот он, народ, приветствующий своих избранников.

У решетки Таврического, впрочем, жметя кучка как-то пробравшихся «вольных» мужчин и женщин под дулами пушек, выкаченных впереди дворцового фасада. Одна женщина говорит: «Надо бы священника, да молебен отслужить, а они пушки навели...». Публика ищет меж нами курян, тамбовцев, сибиряков. Отыскиваются и те, и другие, и третьи. Все ж таки мы – вся Россия.

Проходим во дворец не через главный вход – там, меж пушками, будут шествовать господа комиссары, как при открытии Думы шествовали господа царские министры. Мы, как и думские депутаты, пробираемся через боковые входы, мимо одного, другого, третьего, десятого караула, каждый из которых требует у нас пропуск. Вглядываюсь в лица караульных: это «отборная» гвардия Смольного – все молодежь – двадцатилетние юнцы с прическами à la saroule¹ или с взбитыми «челками» кудерьяками на лбу. Говорят, что в парикмахерских они не стесняясь платят по пятерке за пахучие помады, которыми превращают в модные прически торчащие белобрысые вихры бывших сапожных подмастеров и лавочных мальчишек-«попихачей». Эти «отборные» – несомненно, деклассированные отбросы рабочих кварталов, которые имеют вид альфонсов или лакеев в подозрительных притонах, дали все подписку в беспрекословном подчинении совету комиссаров, также как прежде жандармы давали такую же подписку, в которой отрекались и от отца, и от матери, и от родины. И, также, как эти последние, они готовы посадить на штык всякого, на кого их науськают за жирную еду, за 10 кусков сахару в день, за 25 рублей поденной платы.

Глядят они на нас с нахальной усмешкой, с папироской в углу рта, небрежно поигрывая винтовками. У иных за поясом, а у других за голенищами сапог торчат ручные гранаты. Говорят (я сам не видел), в разных залах и комнатах имеется наготове «чертова шарманка» современной войны – новенькие пулеметы, полученные от союзников, так и не отправленные на фронт.

Среди «публики», толпящейся в зале, преобладают солдатские шинели; те же ухарские, сдвинутые набекрень фуражки и искусно подвитые челки. Наоборот, у девиц – растрепанные прически и наружность истеричек. Начинаешь соображать, что и публика, допущенная большевиками, тоже «отборная»...

Узнаем, что напрасно поторопились: в зал заседаний не пускают – с первых же шагов какие-то недоразумения.

Заседание, по требованию большевиков, будет открыто только в четыре часа. Так как бюро постановило в мелочную борьбу не ввязываться, идем во фракционную комнату.

Читаю газету. В одной статье цитата из постановления ЦИК: «Всякая попытка со стороны какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет подавляться вплоть до применения вооруженной силы»... Уже известно, что две демонстрации расстреляны: погиб Логвинов, убита Горбачевская. Преображенцы и семеновцы не вышли. С броневиками будто бы случился конфуз: не оказалось бензина. 12 тысяч обуховцев дошли

¹По имени знаменитого французского артиста.

до Марсова поля. Большая манифестация рабочих прорвала первый кордон; второй расстрелял ее из пулеметов. Логвинов убит разрывной пулей; женщины раскрывали шубы, кричали: «Стреляйте в грудь». «Солдаты» не принимали участия в бойне, стреляли одни красноармейцы. На улицах реквизируют санитарные автомобили и отвозят в Смольный.

В три часа отправляемся в зал заседаний; пропускают беспрепятственно. Оглядываю зал, который уже видел 28 ноября. Отделка довольно эффектная, но мрачная – в темных тонах. Особенно неприятное впечатление на меня произвели большие щиты из черной материи с желтыми разводами и девизом в середине – «У. С.». Положительно, какие-то погребальные хорутви. Учредительное собрание еще не родилось, а обстановка такова, как будто мы собираемся на его отпевание.

Вглядываюсь в постепенно наполняющийся левый сектор большевиков и левых эсеров. В передних креслах уселись лидеры – у большевиков постарше, у левых эсеров – помоложе, а сзади «шпанка» – безусая молодежь в хаки. У нас состав гораздо солиднее по возрасту и разнообразнее по нарядам: вперемежку сидят крестьяне в поддевах и тулупах, интеллигенты в пиджаках; в военной форме сравнительно мало.

То же самое я наблюдал и на крестьянских съездах: в нашей части гораздо больше «вольных», в левой – сплошь военные; так наглядно, что большевизм базируется на солдатчине. Теперь «похабный» ли, «демократический» ли мир неизбежен для нас, ибо армии нет (оказывается, ее нет только для врага внешнего). Но оставшиеся «деклассированные» элементы в казармах, которые не могут устроиться ни в деревнях, ни на городских фабриках, заполняют собой «советы», торгуют всем, начиная с папирос и кончая частями военных судов, представляют опору для советской власти. Это – не народная армия, а наемники-преторианцы, которым нет дела до того, кто и для чего их кормит и ублажает, лишь бы им жилось вольготно и сытно. Оттого наши бесконечные попытки распропагандировать их при всем внешнем успехе никогда не сдвинут солдатские массы с мертвой точки для активного выступления. Им не для чего выступать и бороться, ибо лучше того положения, в котором они находятся, у них не будет. И нечего тешить себя бесполезными иллюзиями и лить потоки речей и струи драгоценной человеческой крови.

Скоро у нас солдат не будет совсем, а Советы солдатских депутатов образуются и в волостях.

Спокойное течение моих мыслей оборвалось, ибо из наших рядов выскакивает товарищ и говорит: «Уже ровно четыре часа. Больше ждать мы не должны. Предлагаю открыть заседание старейшему». Старейший – грузный Сергей Порфирьевич Швецов, быстро переваливаясь «маститым» корпусом, спешит на кафедру. Секунда оторопи в левом секторе... Но вот сзади председательской кафедры поднимается Крыленко и начинает орать, исступленно стуча кулаками по пюпитру и поглядывая на левый сектор. Левый сектор повторяет тот же маневр, и открывается «шабаш ведьм». Юнцы, матросы и солдаты в верхних рядах бешено скачут на месте, работают одновременно руками и ногами, машут шапками. К ним присоединяется публика на хорах, солдатня, набившаяся в проходах и сви-

стящая при помощи пальцев, засунутых в рот. Старик Швецов изо всех сил размахивает довольно внушительным звонком, но звон теряется в дьявольской какофонии. Мы сидим как мраморные статуи, подражая римским сенаторам.

Так проходит, вероятно, минут пять. Затем на трибуне рядом с Швецовым оказывается Свердлов, выхвативший у Швецова звонок, и моментально вой и свист сменяются ровным дождиком частых и дружных «наигранных» аплодисментов. Швецов успевает выкрикнуть: «Объявляю заседание открытым» и, махнув рукой, покидает кафедру. Свердлов начинает читать напечатанное накануне, бедное мыслью, уродливое по форме, бестолковое по содержанию и крикливое по фразеологии произведение большевиков, составленное, к вящему моему удивлению, не совсем безграмотным экономистом Ю. Лариным, под заглавием «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». После каждого абзаца – казенные аплодисменты внизу и на хорах. Когда Свердлов читает абзац о социализации земли, левые эсеры встают и провоцируют нас на аплодисменты. Мы по-прежнему сидим истуканами. Тогда они начинают вопить: «Позор, позор», а с хор им в ответ: «калединцы», «корниловцы», «керенцы», «продались буржуям». Все яснее и яснее становится подстроенность той комедии, разыгрываемой в ставище «хамойдолов», в которое превратили большевики сию священную храмину русской свободы.

Декларация кончена. В полупустом зале аплодисменты звучат жидковато. Левый сектор встает и начинает нескладно петь «Интернационал». Поднимаемся нехотя и мы, и, – кто в лес, кто по дрова, перевирая незнакомые слова, бубним мотив, чуждый уху и сердцу родимых лесовиков и степняков в дубленых полушубках. Видимо, многие думают: «Ей-Богу, дубинушку затянуть – веселее бы было, а главное – понятнее». Ко мне подходит товарищ и шепчет: «Про Россию-то и забыли...».

Кое-как dokonчили пение. Наш эсер предлагает избрать председателя. Намечаем Чернова. Несколько речей. Московский большевик И.И. Скворцов, между прочим, заявляет: «Между нами все кончено: вы в одном лагере с кадетами и буржуазией, мы в другом – с рабочими и крестьянами». Единение с крестьянами большевики демонстрируют тем, что выставляют Марусю Спиридонову: это опять несомненная провокация. Очевидно, им все-таки очень хочется завоевать большинство в Учредительном собрании, перетянуть на свою сторону часть нашего «перекати-поля» – крестьянскую массу левого устремления, на которую ихние соглядатаи давали им некоторую надежду. Поэтому они и не сорвали «учредилку» с первого абзуга, а решили проверить свои сведения тайными выборами председателя. У нас бюро ожидало, что на выборы *только одного* председателя они не пойдут, а потребуют выборов президиума; поэтому был заготовлен целый арсенал аргументов за наше предложение, который оказался излишним.

Тактика большевиков кажется подозрительной. Однако мы покорно соглашаемся на их предложение: вместо записок баллотировать председателями шарами. Начинается нудная процедура баллотировки. Некоторые баллотируют впервые, путаются: один раз пришлось начать сначала. Наши опасения растут: нет ли действительно между нами группы тайных «переметчиков», которые вдруг перевернут вверх дном все комбинации? Другие боятся, что просто напутают, по-

ложив шарик не в ту дырочку. Устройство ящиков – сложное и неудобное.

Пока идет процедура баллотировки, обмениваемся новостями: манифестации все разогнаны. Убитых, говорят, 25, раненых 200. Очень много поранений разрывными пулями. Манифестанты расстреливались красногвардейцами в упор, без предупреждения. И гвоздит меня неотвязная мысль: «ведь из-за нас гибли несчастные... Чем мы отплатим им?»

Украинские эсеры собираются уехать к себе, где они рассчитывают скovyрнуть «буржуазную» раду, произвести переворот при помощи своих членов Учредительного собрания, из которых в Петроград прибыло девять, а на месте осталось не то восемьдесят, не то даже сто. Подавляющее большинство их – эсеры, частью левого устремления.

Один из наших крестьян – Близнюк – удрал-таки к левым эсерам.

Еле покончили с баллотировкой: стучат подсчитываемые шарики о тарелки, внимание напряжено, сердце колотится в груди... Результат: за Чернова – 244, за Спиридонову – 153, воздержалось восемь украинцев. Никто из наших не выдал...

Всходит на кафедру Чернов, начинает речь, содержание которой всем теперь известно, но, увы, не было известно никому из нас до заседания. Ответственнойшую из ответственных – первую речь председателя первого в России Учредительного собрания, которого лучшие русские умы добивались сотню лет, где каждое слово будет взвешиваться на весах истории, ту речь, которую мы должны были прорепетировать с Черновым раз десять, – он произнес почти экспромтом. Много раз бюро требовало от него, чтобы он написал ее целиком; потом, чтобы хоть тезисы представил. Вместо этого он явился вчера около одиннадцати часов, вымотанный на пяти или шести митингах, пробормотал нечто невнятное, в общем как будто приемлемое для всех и принятое без прений.

И вот теперь вместо истинно государственной декларации, которая должна была распутать невообразимо запутанный клубок мировых и российских событий, поставить их в причинную связь, очертить широкими, но точными и выпуклыми штрихами главнейшие задачи полномочного всенародного органа власти и дать их возможные решения – он дал какие-то акробатические упражнения на лозунгах большевиков. Тупым ножом по сердцу резали восхваления Циммервальда, подчеркивания интернационалистических устремлений «учредилки», игра на референдуме и т.д. Что речь была неудачна, что «викжеляние» слишком отчетливо проступало сквозь кудреватую фразировку – видно из того, что большевистская публика сначала вела себя довольно тихо и старалась внимательно вслушиваться. Затем она стала выкрикивать: «Знаем, слышали уже, принято, комиссары и Советы все это уже дали...». А Ленин, говорят, даже в ложе лег, хотя я этого не видал.

И все громче и громче становились крики, насмешливые возгласы, кабацкий галдеж и гам, от которых Чернов, вопреки обыкновению, терялся и путался. Пафос не удавался, фразировка линяла, он стал торопиться, уже не пробовал парировать восклицаний с мест, благодаря чему гвалт все разрастался. Кончил он под посвистывание, улюлюканье и намозоливший нам уши неотвязный припев: «калединцы», «корниловцы», «керенцы». Не очень усердно хлопала и наша братия: чувствовали, что председатель своей речью посадил нас в такие глубокие кало-

ши, из которых, пожалуй, уж никогда не выбраться...

Выбираем секретаря. Слева кричат: «Керенского». Мы выставляем Вишняка. Проходит, конечно, он...

Бухарин вносит *от имени пролетарско-коммунистической рабочей партии большевиков* предложение о порядке дня. Иронически приветствуем первое официальное провозглашение нового партийного звания. «Коммунистическая» партия ясно и точно ставит нам ультиматум: принять декларацию и в первую голову решить вопрос о власти. Оратор, повторяет тезис Скворцова: «На два непримиримых лагеря делимся мы. На нас – большевиков – ополчился весь мир – власти-тели так называемых цивилизованных, а по существу варварских стран. Чернов болтал очень долго о социализме, который осуществится через сто лет. Мы отбрасываем с презрением эту сладкоречивую маниловщину и твердо и прямо ставим требование о проведении в жизнь сегодня, сейчас лозунгов социализма. Чернов заигрывает с Доном, с буржуазной радой; мы же не боимся никого и бросаем вызов всему миру».

Выхожу в проход, куда набились посторонние. Солдат с тупым и самодовольным лицом дует, сложивши рот трубой, между ладонями, как в турецкий барабан. Думаю: «Вот он, социалист».

Возвращаюсь: на кафедре Церетелли. Левый сектор и хоры бесятся как никогда; он не может говорить. Чернов беспомощно разводит руками, встает и кричит: «Угодно ли, чтобы председатель принял меры к восстановлению спокойствия?». В ответ – торжествующее гоготание: «Что, не любо? Ну-ка, попробуйте». Церетелли молча стоит. Хрюкающие, урчащие голоса, выкричавшись, затихают на миг. Начинает говорить: первые фразы пересыпаются замечаниями с мест. Быстро, остроумно, едко, но вежливо парирует он эти замечания и – о, чудо! – чем дальше, тем больше заставляет себя слушать. Благородный, истинный народный трибун показывает себя во всей красоте, и эта внутренняя и внешняя красота жертвенного народолюбца на время завораживает всех. Конец его полуторачасовой речи выслушивается внимательно при громе наших аплодисментов.

Но что значат самые яркие, проникновенные слова, бессильные здесь, в стане хамоидолов, облепивших, как злые осенние мухи, умирающую родину? Они слышали всякие слова, и слух их, и чувства отупели. Какие слова теперь, когда на улицах еще не остыла пролитая ими кровь братьев-крестьян, рабочих, студентов? Пулемет, пушка – только их язык они услышат и поймут теперь. Но таким языком мы говорить не можем, и потому мы – обреченные...

Час за часом текут в бесплодных речах и парламентарных обрядностях. Три часа мы выбирали председателя, четыре часа говорили о порядке, а между тем мы отлично знали, как скупо отмерила нам судьба часы и минуты, в которые должны мы во что бы то ни стало провозгласить права всех народов, российскую республику населяющих, права трудящихся земледельцев, сделать ряд практических шагов к ускорению справедливого мира, которого жаждет пострадавший народ, заложить фундамент нового государственного строя и прочая, и прочая... Все то, что так хорошо было обдуманно нами в течение месяца, так «гладко писано в бумаге», что даст хоть частичное удовлетворение миллионам, вверившим нам свою судьбу, за которую мы отвечаем перед историей...

Но бегут часы, а мы здесь изворачиваемся в борьбе с хамоидами, борьбе словесной, изошренной, слишком хитроумной и абсолютно безнадежной, которая наскучивает наконец большевикам, и они после принятия нашей программы дня требуют перерыва.

В 11 часов 10 минут объявляется перерыв на полчаса. Мы узнаем скоро, что большевики после перерыва уйдут. Нас интересует, что будут делать левые эсеры. Перед самым перерывом они выпустили почтенного пожилого крестьянина на костылях – Сорокина, который неожиданно для них заявил: «У нас, крестьян, нет разницы между партиями. Партии борются за власть, а наше мужицкое дело одно – земля». Для левых эта выходка была совершенно неожиданной, они растерялись, а наши крестьяне воспрянули, завели с ними переговоры и будто бы выяснили, что многие из левых крестьян говорят: «Всю ночь будем сидеть, а закон о земле примем».

Это – наш последний шанс.

В общем же мы ждем после ухода большевиков либо разгона с расстрелом и арестом, либо объявления о сложении полномочий, либо простого и мирного исхода – выключения электрического тока. На последний конец припасаем свечи.

В кулуарах ведется яростная агитация против нас: какая-то истеричка бегает и внушает матросам: «Бить, вешать, душить их, изменников, продавшихся буржуйам».

К двенадцати возвращаемся в зал. Ждем еще 45 минут. Левый сектор пуст. Пытаемся открыть, но украинцы просят еще подождать: они выносят внеочередное заявление, которое хотят, чтобы выслушали и левые. Это значит, что левые эсеры решили вернуться. Ждем их еще четверть часа, в 1 час ночи открываем заседание. До их прихода Скобелев во внеочередном заявлении читает документы о сегодняшних расстрелах на улицах и говорит: «За 10 месяцев революции сегодня впервые пролилась кровь рабочих».

Это, положим, неверно, но все-таки это не повод публике на хорах, состоящей уже почти сплошь, поголовно из вооруженных матросов и солдат, вопить пьяными голосами всяческую мерзость.

В 1 час 30 минут пришли левые эсеры. Свистки на хорах притихли. Только слышен женский истерический вопль: «калединцы». Начинаются речи по первому вопросу порядка дня – о мире. Левые эсеры требуют буквального принятия первого пункта большевистской декларации. Наши ораторы изошряются в доказательствах, что в этом пункте, по существу, мы проводим то же, что и большевики. Мы заявляем, что в сегодняшнем заседании наш долг решить коренные вопросы о мире и о земле. Крестьянин Мамкин говорит: «Мы не можем явиться в деревню с порватым хомутом. Вам, интеллигентам, хорошо – уложите свои чемоданы и разъедетесь, а нам остается повеситься на осине».

Выступает Раскольников с внеочередным заявлением от большевиков, в котором мотивируется их уход. «Учредительное собрание выражает взгляды населения во вчерашний день революции. Мы – выражаем мнения большинства трудящихся сегодня, а потому вы обязаны нам подчиниться».

Во время речи Раскольникова на скамьях левых эсеров подымается юноша, выхватывает браунинг, бросается на кого-то впереди. С хор наводят на нас вин-

товки, в проходах солдаты торопливо заряжают ружья, слышно бряцание затворов. Один выстрел, и от нас останутся лужи крови да трупы, валяющиеся с размозженными черепами. Но махальные кричат: «Спокойно, спокойно», и мы сидим, как римские сенаторы.

Тем временем Карелин схватывает своего товарища сзади за руки, успокаивает его.., и понемногу устанавливается тишина...

Ультиматум левых эсеров не принят. Мы будем обсуждать вопросы о мире и полный закон о земле (80 параграфов) и примем решение *пошленным* голосованием, т.е., значит, должны сидеть еще *часа четыре* или больше.

Внеочередные заявления представителей украинцев, эстонцев, латышей, евреев, мусульман перемежаются с горделивыми ответами наших крестьян левым: «Умрем, но не сдадимся», «Перешагните через наши трупы», «Кто смеет посягнуть на Учредительное собрание, добытое неисчислимыми муками народными?»

На наших скамьях передают шепотом от бюро: «*Скоро нас арестуют* – приготовьтесь». Это значит – очиститесь. Начинаем чиститься.

От имени фракции левых эсеров, обвиняя нас в «лицемерии и трусости», делают заявление Штейнберг и Карелин о том, что они уходят служить трудовому народу в Советах.

Уходят. Пусто на левом секторе, который являлся, не знаю, вольным или невольным нашим заступником от хамоидолов.

Говорят, автомобили уже приезжают, чтобы забрать нас и отвезти в подвалы Петропавловки. Ну что ж, пусть везут.. Это хорошо...

Чернов начинает читать закон о земле. Прочел 10 декларативных параграфов. Вдруг к нему подскакивает матрос, говорит: «Караул требует, чтобы вы разошлись, он устал». Чернов сначала растерялся, потом отвечает ему: «Мы тоже устали, однако долг перед народом заставляет нас сидеть». Матрос подбегает второй раз. Что говорит – не слышно. Чернов смущенно роется в бумагах и быстро говорит: «Товарищи, принимаем прочитанные 10 параграфов без прений, остальные пункты сдаем в комиссию... назначаем заседание завтра. В котором часу? Поступили предложения в 12 и 5 часов. В 12 не соберемся, итак, в пять. Закрываю заседание», и бегом с кафедры, а за ними мы мимо торжествующих матросов и солдат, через зал, скорее в раздевальню – и на вольный свет, на чистый воздух.

Пробегаем на дворе мимо пресловутых автомобилей: оказывается, их прислали для живущих в «Астории» левых эсеров, которые посматривают на нашу бегущую толпу, не видно в полутьме с выражением каких чувств...

Но чувства наших душ тяжелые, ох, тяжелые. Непоправимый удар нанес, оборвав заседание, председатель и Учредительному собранию, и партии, и земельной реформе, и без того висевшей на волоске...

5. Начало конца

7 января. Вчера и сегодня утром никуда не ходил, ничего не делал – переживал и передумывал историческое сидение в «становище хамоидолов» и его результаты. И первый отчетливый результат – партия наша пропала.

Партия пропала не только из-за неспособного понять всю ответственность той роли, за которую он брался, председателя, мы все – избранники народа, его последняя надежда, заслужили обвинение нас в лицемерии и трусости, и, разбежавшись за своим вождем от угроз зазнавшегося матроса, не dokonчили даже закона о земле, за который клялись лечь костями. Но еще больше потому, что, вознесенные историей на один миг на небывалую и незаслуженную нами высоту, не вспомнили о том священном имени, которое долгие годы будет служить путеводной звездой измученным поколениям: имени несчастной, истерзанной *родины нашей...*

Пошел на улицы потолкаться между народом. На Литейном, где я живу, у ворот Мариинской больницы толпа. В ночь на сегодня в больнице зверски убили Шингарева и Кокошкина.

Длинный хвост тянется к часовне, куда их выставили вместе с другими, убитыми 5 января. У ограды уличные митинги, штатская публика стоит с солдатами. Все те же обвинения и все тот же ответ:

– Хлеба скоро и по четверти фунта не будет, муки тоже нет. А вы обещали хлеб и мир.

– А Керенский.

– Нет ни товара, ни денег, железные дороги того и гляди станут совсем.

– А Керенский.

– Убийцы своих же братьев, каины.

– А Керенский.

Как зловещее карканье «кер-кер-кер» раздается это ужасное бессмысленное слово, этот символ «контрреволюции и саботажа», которым так называемые «коммунисты-пролетарии» в серых шинелях отбиваются от всех проклятий, мучительных, злобных, неразрешенных вопросов, порой больно щиплющих и их закаленное сердце.

Впрочем... взглянул я на этого серого каркающего коммуниста: молодое туповатое, довольно красивое лицо, взбитый по последней моде «тыловиков» вихор, фуражка набекрень – кто и что его может щипнуть за сердце, кроме животного страха? Таковы они все – эти «деклассированные» сыны деревень или фабричных центров, оторвавшиеся за три года от привычной обстановки, традиций, всего прежнего, твердого жизненного уклада, обленившиеся и опустившиеся морально. Они целыми днями валяются в казармах или бродят по улицам, едят, пьют не по-нашему на народные деньги, занимаются торговлишкой, приспособляются к кухаркам – чего им надо больше. Им хорошо, и большевиков они ни на какую «учредилку» не променяют. И за такую жизнь они готовы отправить на тот свет хоть тысячу таких неспособных к сопротивлению, беззащитных «буржуев», как Шингарев и Кокошкин либо наш брат. И никакими доводами их не проймешь.

Отправляюсь в наше фракционное гнездо на Болотной обедать. Когда мы сидели за столом, прибегают из лечебницы Герзони, где находились Коновалов (или Третьяков) и Карташев, с просьбой принять меры к их защите: им показалось там что-то подозрительное. Но чем мы можем им помочь, когда и нам самим угрожает если не убийство, то тюрьма в любой момент. Ходят упорные слухи, что на Церетели было покушение. Обыскали и выпроводили всех бывших на Галерной, 27

(дворец Андрея Владимировича, где Чернов устроил Центральный комитет эсеров, редакцию «Дела народа», «Земли и Воли»). Был обыск и на Литейной в помещениях различных наших организаций. Словом, большевистская охранка заработала вовсю.

Вечером мы уже не рисковали собираться в одном помещении. Разбились на три совещания в трех местах, и разные члены бюро поставили на обсуждение всех трех собраний одни и те же вопросы, главный смысл которых: «что делать дальше?».

Как водится, сначала ругали бюро за 5-е, а бюро сваливало всю вину на председателя, который, мол, не слушал бюро и действовал на свой страх и совесть, благодаря чему все тонко задуманные комбинации проваливались. Некоторые члены бюро, впрочем, ругали самих себя за «викжеляние» и, бия кулаками в грудь, клялись отныне вести твердую линию. Прежде были кающиеся дворяне, а теперь есть кающиеся эсеры.

Настроение – обычное в эпохи внутреннего разложения. С одной стороны – паника: за нами следят, внутри нас есть провокаторы – того и гляди арестуют. С другой стороны – гордые заявления: умрем, а честь свою восстановим. Горячие головы предлагают Учредительному собранию открыться на Обуховском заводе, где рабочие будто бы готовы выставить 1500 вооруженных для нашей охраны. Однако члены бюро находят это авантюрой, которая только подорвет престиж верховного всенародного органа власти и приведет к новым потокам и без того уже пролитой крови. В конце концов принимают решение: отправить делегацию в Киев – выяснить у рады, нельзя ли открыться там, а пока – обязательство не разъезжаться, иначе остракизм – лишение депутатского звания.

Возвращаюсь домой с товарищем, который рассказывает про Смольное развеселое житье. Роскошный обед за 90 коп., жандармские полковники и генералы, обслуживающие советскую власть, получают разными способами не по 500 целковых в месяц – этот «пролетарский» оклад гг. комиссаров, а по 18 тысяч в год.

6. Похороны

9 января. Сегодня хоронили жертвы 5 января. С утра иду в Совет крестьянских депутатов (наших) на Кирилловской. Удивляюсь, почему так мало народа и совсем почти не видно членов Учредительного собрания. В зале, где лежит убитый депутат-сибиряк Логвинов, народу не более 50 человек. Узнаю, что вчера был налет красногвардейцев на Болотную, через полчаса после моего ухода: арестовали 20 человек.

Снимают покойного: убитый – удивительно красивый типично-русской красотой, с окладистой русой бородой, с головой, обвязанной белой повязкой вроде чалмы. Его убила разрывная пуля, попавшая в голову.

Выносят гроб: на улице собирается процессия – человек 500. Идем к Надеждинской. По дороге прибывает народ. На Надеждинской уже стоят шпалерами большие отряды – каждый со своим покойником. Выстраиваемся, двигаемся вперед по Невскому среди десятков тысяч публики. Медленно колыхаются на плечах товарищей гробы с открытыми восковыми лицами мертвецов под красными

и черными знаменами, большею частью молодых, еще четыре дня назад полных жизни и энергии передовых бойцов и работников в среде трудящихся масс. Всех восемь, символически собранных представителей разных элементов триединой ипостаси трудового народа – крестьян, рабочих, интеллигенции. Впереди несут нашего крестьянина Логвинова, за ним курсистку Елену Горбачевскую, после солдата, потом рабочего, студента, опять рабочего, чиновника, еще солдата. Несли их на Преображенское кладбище, где похоронили рядом с жертвами 9 января 1905 года, чтобы отныне и до века всякий проходящий знал, что царский режим и советская власть одинаково гнали, душили и расстреливали трудовой народ.

Но народные тираны при царском самодержавии были, в большинстве, чужими трудовому народу; здесь же не только «стреляющей машиной», но и руководителями являлись каины, берущие на себя смелость говорить и действовать от имени этого самого народа. Солдат против солдата, крестьянин против крестьянина, рабочий против рабочего – вот политика большевиков, более предательская по своим последствиям, чем провокационная работа старой охранки, ибо нет вернее средства уничтожить мощь демократии, как расколоть ее пополам и натравить одну половину на другую.

Не первый уже раз, идя в рядах погребальных процессий, которые появляются все чаще и чаще на улицах столиц как результат разрушительной работы «углубителей социальной революции», стараюсь вдуматься в структуру большевистской власти. Не считая тех, кто просто из своекорыстных расчетов пристраивается к советскому пирогу, у них переплетаются, как тела трех ядовитых змей, душащих стальными кольцами напряженных мускулов несчастный русский народ, – три течения, точнее, три совершенно разнородных группы, идеология которых, несмотря на свое внешнее отличие, логически вытекает одна из другой.

«Идейные» большевики, сидящие у власти, тесно переплетаются с тайными германскими агентами и русскими черносотенными монархистами. Это – не сплетни, это факт, проявления которого мы – очевидцы событий – осязаем на каждом шагу. История подтвердит этот факт бесспорными документами. Но так как для меня этот факт несомненен, я ищу не доказательств, а логических объяснений такого объединения трех, на первый взгляд столь различных и даже противоречивых идеологий. И мне прежде всего приходят на ум некоторые статьи и изречения Ленина и ленинцев, которые в конце концов можно свести к довольно стройной и последовательной теории так называемого «голгофизма». По этой теории Россия – объект для социальных экспериментов, долженствующий зажечь пролетарское восстание по всей Европе, но факел, подобный нероновским факелам, в которых заживо сгорали христиане. Ленин – не дурак и не сумасшедший; он осязает на каждом шагу слишком ощутительную экономическую и культурную отсталость русского народа, который его приближенные в минуту откровенности в интимном кругу не раз величали «шпанкой», «швалью» и тому подобными ласкательными прозвищами. Его, в сущности, нисколько не интересует, выиграет ли или проиграет в конце концов именно *наш народ* от его экспериментов. Вероятнее всего, он наперед убежден, что проиграет и даже жестоко поплатится за все большевистские эксперименты: ибо если он не зажжет своим телом мирового пожара, он обречен снова подпасть под иго русского монархизма, отягченное

страшной тяжестью германского империализма. Но это двойное бремя – германского бронированного кулака и русской черносотенной дубины – по теории голгофизма будет накапливать на нашем народе новые запасы революционной энергии – ведь *чем хуже, тем лучше!* Отсюда и рождается тесное сотрудничество с германскими и нашими черносотенными организациями, действующими, в свою очередь, несомненно, в тесном контакте между собой. И пусть скорее и сильнее немецкий кайзер и его без лести преданный прихвостень, которого он посадит нам на престол, примутся вдвоем тиранить крестьян и рабочих: они не дадут потухнуть искрам революционной энергии в их сердцах и покрыться пеплом сытого равнодушия, а, наоборот, раздуют [их] через несколько лет в еще более могучее пламя восстания, которое, наконец, вместе с восстанием европейского пролетариата опрокинет не только троны всех монархов, оставшихся в Европе, но и еще более могущественный престол – некоронованных королей капитала.

Таково возможное объяснение того странного, необъяснимого на первый взгляд тесного единения шпионов, провокаторов, жандармов и крайних социалистов – изуверов интернационализма, свившихся в тесный клубок в кулуарах Смольного, а ныне и Таврического, превращенных ими в загаженные и заплеванные пещеры... Ибо, раз чем хуже, тем лучше, то и германский шпион, и русский жандарм – наиболее подходящие «толкачи» русского народа к новой социальной революции.

Мерно шагаем в ногу за колыхающимися гробами и знаменами по талому снегу. Поем все те же старые революционные песни: «Вы жертвою пали», «Дружно, товарищи, в ногу», «Вставай, подымайся». Помню, что еще в 1905 году мы вздыхали: «Нет у нас гениальных поэтов революции, не создали мы своей Марсельезы». Но в 1905 году был искренний порыв, хотя не проявилось гениев, но революционная демократия все-таки создала хоть какие-нибудь, [пусть] не яркие, не гениальные, но простые, задушевные песни, от которых загорается сердце и слезы появляются на глазах. Ну а 1917 год, год небывалой у нас революции, почему он не дал ни одной песни, ни одного стихотворения? Неужели – это символ того, что теперешняя революция, которая как снег на голову свалилась к нам, *безддушна* и вызвана лишь шкурными инстинктами уставших измученных масс, которыми воспользовались ловкие политиканы и германские шпионы?..

Старые песни вызывают слезы не только у встречных женщин, но и у многих мужчин, которые не могут спокойно смотреть на открытые, молодые лица жертв подлости одних и безумия других. Все дальше и дальше отходили мы от центра, все больше простого народа попадаетеся нам на пути, все больше рабочих из соседних заводов присоединяется к процессии, и вдруг от неизвестной причины – паника. В голове колонны не то снег упал с крыши, не то кто-то выстрелил, но испуганная толпа, как стадо баранов, шарахнулась в соседние улицы, перепугала стоявших тут ломовых лошадей, те понеслись, перескакивая через детей и взрослых, попавшихся им под ноги. Небольшие группы, сохранившие спокойствие и оставшиеся на месте, скоро навели порядок криками: «Назад, назад, стойте, стойте, ничего нет». Через пять минут все успокоилось, и снова мы тихо и мерно зашагали в стройных рядах, но мне эта паника еще раз доказала, как мало организованности и самодисциплины накоплено в среде даже нашей интелли-

генции и наиболее сознательной части пролетариев. Что же говорить о массах?..

Прошел семь верст; дальше идти не в силах – разболелись ноги. Поворачиваю назад, пропускаю мимо себя растянущуюся версты на две процессию и тихо бреду домой. По дороге прислушиваюсь к собирающимся там и сям на улицах кучкам спорщиков. Все тот же припев серых шинелей: «Керенский, Корнилов, Каледин». Вот загвоздили!.. Но уже чую я, что не так далек тот час, когда многие из нынешних гвоздил почешут затылки и скажут со вздохом: «Эх, ну и дураками мы были, что Керенского не слушали...».

7. Рассказ арестованного

10 января. Один из арестованных восьмого «учредилковцев» рассказывал мне после обеда подробности ареста.

«Только что вы ушли, слышу в соседней комнате говорят: внизу обыск. Взял земельный архив¹, спрятал в укромном месте. Товарищи говорят: «Давайте спасаться по черному ходу, по которому не догадались поставить засады». Но мне стало стыдно вечно изображать из себя трусливого зайца... Я остался; слышу – снизу, из столовой наверх по парадной лестнице поднимаются люди с матерной бранью, стуком винтовок. Выглянул – идет человек 25 матросов, злых-презлых – вроде тех, которые были 5 января... «Ах, вы, калединцы, корниловцы, так вас и так, на штыки вас. Одевайтесь живее». А у нас остались из депутатов одни заправские крестьяне. Прочие – сбежали, либо ушли раньше.

Оделись; повели нас сначала в какой-то комиссариат на Мойке. Сбежал в канцелярию матрос – не принимают: не наше, мол, дело. Снова потащили нас по узким, темным, кривым улицам – не видал раньше таких. Ну, думаем, сейчас «самосуд» начнется. Нет, обошлось. Привели к революционному штабу; там тоже не приняли, но направили на верный путь – на Гороховую, в пресловутый комитет по «борьбе с саботажем, спекуляцией, контрреволюцией и проституцией», как острили у нас. Выбрали мы двух делегатов, которые и вступили в переговоры с тамошними «генералами». Их было двое: один – юноша, довольно интеллигентный, видимо стеснявшийся своей роли, другой – простой солдат, грубый и хитрый. Мы говорим ему: «Необходимо составить протокол». А он отвечает: «Разве здесь собрание, чтобы протоколы составлять»? Наивная душа, не подозревает, что протоколы составляют не только на собраниях.

Так поругались мы с ним с полчаса, потом отвели нас в какую-то большую комнату, говорят: «Ложись на пол». Легли, поспали. В 5 часов утра разбудили, повезли на грузовике в «Кресты». Трамвайные бабы, очищавшие путь от снега, принимая нас за большевиков, чествуют вдогонку весьма нелестными именами.

Привезли, посадили в одиночки. Ну и грязь, вам доложу. Таких сальных и вшивых постелей при царе не было и на этапах, не то что в «Крестах», где я гащивал в те времена и где была образцовая [чистота].

В одиночках пробыли до вечера. В 8 часов вечера стали вызывать на допрос.

¹Рассказчик – секретарь земельной комиссии, хранивший у себя все ее протоколы и постановления. Ужасно, что при всякого рода переворотах драгоценный исторический материал (особенно важный для характеристики крестьянского революционного движения) гибнет безвозвратно (прим. Н. Огановского).

Оказывается, все знают: и что 6-го было собрание межфракционное и решили выпустить декларацию, а 7-го вы, дескать, собирались по общежитиям, обсуждали, где открыть Учредительное собрание и решили послать делегацию в Киев. Явное дело – в нашей среде есть провокаторы. Задавали нам об этих собраниях дополнительные вопросы. Одни из нас говорили: «Не хотим отвечать»; другие, что были больны и из общежития не выходили, вообще старались увильнуть от ответа под хорошо или плохо придуманными предложениями. Допрашивающие были такого же типа, как и в «Комитете по борьбе с саботажем и проституцией». Смесь застенчивых юнцов с демагогами, нахалами, грубыми и простыми. Подозрительный случай: один из наших крестьян заявил, что хочет дать показание отдельно. Его повели в отдельную комнату, там он пробыл минут десять.

После допроса надзиратель позвонил: «Отведи их». Отвели назад в камеры, но через полчаса вошли матросы и заявили: «Ну, собирайте пожитки и убирайтесь на все четыре стороны...».

После обеда пошел я на минуту на крестьянский съезд. наших крестьян собралось порядочно – до трехсот человек. Отсюда отправился на Забалканский [проспект] на заседание Главного земельного комитета.

Грустное заседание в задней комнате, где собралась горсточка оставшихся на своем посту «последних мотикан», еще не вполне отчаявшихся в спасении земельной реформы, которая, как углый челнок, заливается бурными, свирепыми, хаотическими волнами народной стихии. 14-го назначен комиссаром земледелия – Коллегаевым – первый всероссийский съезд земельных комитетов. Собственно, этот съезд назначался Главным земельным комитетом, а Коллегаев перехватил у него инициативу и разослал телеграммы от своего имени. Этот съезд – последняя наша надежда направить земельную реформу по правильному курсу. Надежда, надо сознаться, весьма эфемерная; тем не менее собравшиеся решили участвовать в нем, ибо это наш гражданский долг. Сколько таких «гражданских» долгов накопилось за нами: давно пора каждому гражданину «свободнейшей в мире республики» сознаться, что он безнадежный банкрот. Нет, все еще хорохоримся.

Прибежал товарищ в крестьянский съезд, рассказывает, что съезд окружен 600 матросами и красногвардейцами. Молодцы большевики – чисто работают, самодержавной полиции за ними не угнаться. У меня мелькнула догадка, что они гонятся за членами бюро и вообще за лидерами партии и, как рыбаки, закидывают невод с крупными ячеями. Мелкую рыбешку, попавшую в невод, выбрасывают, крупную оставляют себе. Но, должно быть, и на сей раз, как и позавчера, до крупной не доберутся: та юрка, слишком юрка; пока что, кроме юркости, от нее для дела нет никакого толка.

Возвращаясь, полетел под трамвай; сзади толкнули меня с обледенелого сугроба, когда хотел вспрыгнуть на ходу. Как ни заставляю всех саботажников колоть лед на улицах, они по-прежнему напоминают Швейцарию в миниатюре. Каким-то чудом спасся: только голову и ногу поцарапало. Только встал, отряхнулся, слышу крики: «Держи, держи». Стремглав мимо меня промчался парень в солдатской одежде, за ним толпа. Кричат: «Вор, кошелек украл». Поймали, притиснули его к стене дома, галдят что-то. Боюсь подойти, жду, вот-вот «самосуд» начнется. Слышу, однако, солдатня промеж себя говорит: «Комитеты запретили самосу-

ды, потому что много невинных убивают». Чудасия! Оказывается, у солдат сохранились какие-то поскребыши дисциплины. По этой ли причине или потому, что у парня, заподозренного в краже, не оказалось уворованного кошелька, дали ему раз по шее и отпустили с миром. И я избавился от лицемерия красот самосуада.

Читаю «вечерки». Союзники будто бы готовы признать Советы. На Украине большевистское разложение, которое толкает раду на сепаратный мир. Вспоминаю: завтра в 12 собираются чиновники земледелия, готовы сдать на капитуляцию. Победа большевиков по всему фронту: но это – Пиррова победа.

8. Саморазложение

11 января. Утренние газеты подтверждают слухи о заключении мира украинской радой. Позор и гибель России! Это – тогда, когда даже большевики пятаются в ужасе перед германским миром, готовящим вековое иго полякам, литовцам, латышам, Гибралтар из Моонзунда, который будет замком на тюремной двери для России.

Рада продает угнетенных славян Австрии, позорный мир останавливает начавшееся в ней рабочее движение; и хлеб, без которого скоро на улицах Петрограда будут валяться мертвые люди, не только лошади, австро-германцы смогут выжимать из украинских хлеборобов не мануфактурой, не обувью, которых у них самих нет, а дикарскими товарами – разными ножичками, зеркальцами, которыми они торгуют теперь на фронте, да в лучшем случае – железными изделиями. И это – когда французы готовы озолотить Украину. За чечевичную похлебку – три уезда Холмщины, и за свою жалкую власть они продают великую Россию.

Но хороши и наши «углубители» революции, тоже торгующие родиной распивочно и на вынос, стремящиеся поскорее поладить с немцами, чтобы глубже и глубже вколачивать клин в тело российской демократии – не буржуазии, которая имеет возможность забронироваться, а только демократии, самого подлинного демоса, в особенности несчастного крестьянства, за которое яростно принялись прихвостни большевиков – левые эсеры.

Мне рассказывали подробности вчерашнего обыска и разгона крестьянского съезда. Оказалось, что в облаве на полномочных представителей трудового крестьянства участвовали военнопленные, переодетые в солдатскую и матросскую форму.

Осада и приступ съезда происходили во время заседания. Матрос, ворвавшийся в зал во главе вооруженного отряда, кричал: «Именем Балтийского флота мы распустили Учредительное собрание, именем Балтийского флота распускается и крестьянский съезд». Его спросили: «А сколько числится в Балтийском флоте людей?» – «Двадцать три тысячи». Тогда посыпались со всех сторон возгласы: «А я один от 25 000», «А я от 50 000», «А я от 100 000».

В газетах описывалась трагическая встреча матроса, пришедшего с обыском, и крестьянина – его земляка из одной и той же волости. Один – «буржуй, контрреволюционер», другой – «углубитель революции». Углубитель революции не выдержал этой встречи – заплакал. Но что толку в слезах одного, когда десятки других обыскивавших показали себя во всей красоте душевной, забирались в

мужицкие сундучки и корзинки и вместе с пустыми шрапнельными стаканами захватили всю провизию, какую повезли наши мужички из деревень, зная о здешней голодухе.

Но это цветочек. Они забрались и в часовню лазарета, бедную часовенку, где утащили вызолоченную ложку для причастия, еще что-то, а антиминос, отодравши от него крест, пустили в ход в качестве носового платка и при всех стали в него сморкаться. С привычной ловкостью открывали они запертые на ключ шкафы, вставляя в замочные отверстия штык, поворачивая его каким-то особенным способом: «крак, и готово». Замок сломан, дверца раскрывается сама собой.

Люди, бывшие в Смольном и близкие к его делам, рассказали, как быстро развивается там взяточничество после «национализации» банков. Коммерсанты, в общем, чувствуют себя не так плохо, ибо они за известную мзду получают деньги по чекам фабрично-заводских комитетов, якобы для расплаты с рабочими. Такса: 5–8% от суммы чека.

На открытии советского съезда – трубы и фанфары. Торжествующие выкрики матроса Желенякова, его презрительный отзыв об Учредительном собрании, разбежавшемся перед одним матросом. «Мы, Советы, – говорит он, – не побоялись бы лечь костьми». Конечно врет: разбежались бы от одной дисциплинированной роты.

За обедом ходоки, вернувшиеся из Смольного, показали мне проект декрета, который им раздавала своими белыми ручками сама Маруся Спиридонова. Согласно этому проекту во всех волостях учреждаются Советы «рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Так и сказано: «рабочих и солдатских». Это в волостях-то! При них военно-революционные комиссии. Эти комиссии организуют крестьянскую армию, переписывая все население боеспособного возраста (кажется, от 18 до 45 лет).

В случае нужды мобилизуют его поголовно для охраны территории волости и имущества граждан от внешнего посягательства. Экстренная мобилизация в критические моменты. Сверх того, образуется постоянное войско из добровольцев, согласных в случае нужды двинуться в поход и за пределы волости. Эти войска снабжаются оружием и получают довольно солидное жалованье и обмундирование. Содержатся они за счет волости, которая облагается подесятинно особым налогом¹. Наши мужики говорят: «Раз обложение крестьян – ни в жисть не пройдет».

Вечером узнал, что был обыск и в Центральном комитете Народно-социалистической партии. Энесы говорили: «За нами масс нет, потому к нам не пойдут». Ан и их удостоили. От эсеров массы уже давно стали отходить. Большевики и левые эсеры их переманивают. Вот и от разогнанного крестьянского съезда, который делал судорожные попытки организовать конспиративно, несколько десятков перебежало в Смольный. Но, несомненно, скоро настанет очередь и большевиков.

Понятно, почему массы быстро приходят и еще быстрее отходят от той или

¹Я узнал потом, что кое-где, например в Саратовской губернии, эта идея осуществилась. Образовались волостные советы солдатских депутатов, содержавшие банды хулиганов на счет крестьян. Хулиганы держали всю округу в страхе (прим. Н. Огановского).

иной партии. Каждая из этих партий держится посулами и революционными фразами. Но на посуле не усидишь, как [на] стуле. Посулы – опора скользкая. Вот и соскользают одна партия за другой с той высоты, на которую взбираются по головам масс и шлепаются в грязную лужу.

Почему большевиков ожидает скорое окончание?¹ Они опираются больше всего на деклассированную солдатчину. Поглядишь на их съезды: как бы они ни назывались – рабочими ли, крестьянскими ли или иными, – всегда представляют эти съезды однородную партию, серое сплошное море солдатских шинелей. Армия в последнем градусе разложения; вместе с ней скоро сгинут и солдатские шинели. Настоящий рабочий класс слабеет с каждым днем от растущей безработицы. Вместе с тем он отрезвляется, очищается от большевистской заразы. Наконец, крестьяне – о тех нечего и говорить. Зараза их коснулась одним боком и выветривается в несколько дней из каждого солдата, возвращающегося с фронта в деревню так называемым большевиком. Следовательно, пройдет не более месяца, и большевики будут опираться лишь на содержимое на казенные, сиречь народные деньги, красногвардейское отрепье, на которое уже теперь народ смотрит, стиснув зубы и сжавши кулаки. Ну, а когда и это отрепье не на что будет содержать? Тогда... тогда, должно быть, придет некто в каске и скажет свое – *quos ego*².

12 января. По всем признакам саморазложение захватило и последнюю надежду – съезд земельных комитетов³. Нечего больше валандаться в Петрограде. Пора домой. Погуляли, и будет. Сегодня я уезжаю...

Не время еще подводить итоги «историческим» дням. Да и «истории» наши не носят на себе отпечатка величия, трагизма, подобающего значению переживаемого момента. Это какие-то трагифарсы. А момент ведь, действительно, колоссальный по последствиям: гибнет родина, гибнет недавно еще огромное, могущественное государство, гибнет демократия и все завоевания революции, т.е. земля и воля народная. Теперь можно уже довольно отчетливо разобратся в многогранных причинах этой гибели. Но остановить ее у отдельных людей нет сил и средств. Остается нам, зрячим, пока молча глядеть, сложа руки на груди. И это бездействие в тот момент, когда камни вопиют от боли и ужаса – мучительнее всего!

Но да будет! Непреодолимое должно свершиться. Народ, стоявший у границ земли обетованной, за грехи и преступления (не сколько свои собственные, сколько слепых безумцев и неумелых вождей своих) на десятки лет обречен снова блуждать в пустыне бесправия, горя, нищеты и позора. В горниле не испытанных им еще страданий очистится его душа от наносной грязи и муки, просветле-

¹Теперь, когда этот дневник должен появиться в свет, через три месяца по его написании, большевики не только живут, но будто бы укрепляются благодаря полной беспринципности в выборе средств, чтобы удержаться у власти. Когда я пишу эти строки, они готовы снюхаться с настоящей буржуазией, но народ – и крестьяне, и рабочие – в массе уже разбольшевичился в большинстве районов России. Однако несомненно, при помощи насилия и буржуазной поддержки они еще могут проскрипеть несколько месяцев. Но кто знал, что они способны даже на блок с буржуазией? (прим. Н. Огановского).

²Я вас! (лат.).

³Так и случилось вскоре. Рассказывают, что съехавшиеся члены земельных комитетов были увлечены в Смольный соблазном получить сапоги и калоши (прим. Н. Огановского).

ет разум его, отыщет он себе новых достойных вождей, которые поведут его прямой дорогой к непотухающему солнцу истинной свободы и разумного человеческого бытия.

Если даже Россия обречена на гибель, народ с ней погибнуть не может, ибо он бессмертен.

*Публикуется по изданию:
Огановский Н.П. Дневник члена Учредительного собрания
// Голос минувшего. 1918. № 4–6. С. 143–172.*

БОРИС ФЕДОРОВИЧ СОКОЛОВ

ЗАЩИТА ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Фронт и Учредительное собрание

Из всех политических партий с идеей Учредительного собрания узами особенно тесными, я бы сказал, кровными, была связана Партия социалистов-революционеров. Учредительное собрание, воплощающее в себе главные требования революционного народа, концентрирующее вокруг себя основные положения демократизма, притом демократизма, являющегося не средством, как это исповедует либерализм, а самоцелью, – таковы те тезисы, которые заставляли социалистов-революционеров, да заставляют и теперь, отстаивать идею Всероссийского Учредительного собрания.

Им казалось, да и не им одним, впрочем, что все дело состоит только в том, чтобы «*довести страну до Учредительного собрания*».

Теоретически, быть может, даже наверное, в этом была величайшая истина, но практически этот своеобразный идеализм был чреват последствиями, неудобствами величайшими и осложнениями досаднейшими.

Тем более, что народ далеко не был так проникнут этой верой в спасительность Учредительного собрания. Быть может, это печальный факт, быть может, горькая правда, – но я предпочитаю сказать об этом, чем умолчать.

Вначале, в первые месяцы после революции, Учредительное собрание было для фронтовых солдатских масс чем-то абсолютно неизвестным, неясным, безусловной terra incognita¹.

Их симпатии тяготели вполне определенно и нескрываяемо к Советам. Эти последние были для них институциями, близкими им и родными, напоминающими им их деревенские сходы. Заседания прифронтовых Советов привлекали с первых же дней большое количество посторонних слушателей, которые вмешивались в дела советские, влияя нередко на их решения. Как армейский комитет, который солдаты называли «нашим Советом», так и столичные Советы казались им близкими, а деятельность их им понятной.

Не раз в первые месяцы мне приходилось слышать от солдат, и притом наиболее интеллигентных, возражения против Учредительного собрания. Для большинства из них это последнее ассоциировалось с Государственной думой, учреж-

¹ Неизвестная земля (лат.).

дением, им далеким.

«К чему какое-то Учредительное собрание, когда есть наши Советы, где заседают наши депутаты, которые могут все разрешить, во всем разобраться».

И в той борьбе, которая велась сначала между думским комитетом и Советами, а впоследствии – между правительственными кругами и советской левой оппозицией, солдатская масса всей своей душой была на стороне этой последней – интуитивно, плохо разбираясь, только потому, что «Советы-де наши». Постепенно, путем продолжительной пропаганды и частых разъяснений, причем немалую роль сыграли в этом речи общественных деятелей и литература, посвященная этому вопросу, постепенно в сознание солдатских масс начала проникать мысль о правде, заключенной в идее Всероссийского Учредительного собрания. Уже в июне–июле пропаганда идеи Учредительного собрания принесла свои плоды, и нередко первым пунктом резолюций, выносимых воинскими частями, бывало требование о немедленном созыве этого последнего.

И та надежда, та вера, которою была проникнута русская интеллигенция в спасительность Учредительного собрания, передалась и солдатским массам. И чем дальше, тем все больше и больше росла уверенность, что именно Учредительное собрание должно принести им мир, ликвидировав войну и распустив их по домам.

Резолюции этого периода пестрят постановлениями, что «мы, мол, согласны стоять на позициях, но не позже ноября месяца, когда соберутся депутаты». Когда же ставился вопрос: а что если Учредительное собрание решит воевать? – то это вызывало некоторое смущение, и чувствовалось, что вера в Учредительное собрание имеет свои границы, довольно резко очерченные и связанные, в сущности, с вопросом весьма животрепещущим, с вопросом о войне. Идея же народоправства все же казалась им более родной и понятной в приложении к Советам.

Как же отнесся русский народ к выборам в Учредительное собрание? Противники последнего, – а кто не принадлежит в настоящее время к числу их? – весьма склонны утверждать, что выборы эти были сплошным недоразумением, что народ не знал, за кого и почему голосует.

Это утверждение в значительной мере неверно. Именно простой народ, особенно крестьянство, отнеслось к этим выборам с большей честностью и серьезностью, чем многие другие слои населения государства Российского.

Разве не секрет полишинеля, что круги, монархически и реакционно настроенные, не только голосовали за большевистские списки, но и под сурдинку агитировали за них. А тактика так называемых левых социалистов-революционеров? Или поведение особенно усердствовавших украинских националистов? Или, наконец, агитационные приемы большевиков? Разве это не делалось все для всяческого посярмления, дискредитирования Учредительного собрания?

Именно фронтовые выборы показали, сколь серьезно было отношение солдатско-крестьянской массы к тому самому Учредительному собранию, идеи которого оно восприняло с некоторым трудом и, пожалуй, раздумьем.

Выборы происходили в ноябре месяце, когда центральная власть была в руках большевиков. Следовательно, все благоприятствовало тому, чтобы выборная

кампания прошла в пользу коммунистической партии. Мало того, ведь именно фронт больше, чем кто-либо другой, хотел мира, ибо этот вопрос касался его непосредственно, касался его шкурно. Вместе с тем, как это общеизвестно, большевистские предвыборные лозунги били именно в эту точку солдатской психологии. Их плакаты, предназначенные для фронта, говорили прежде всего об этом, больше всего.

«Мы вам дадим немедленный мир».

«Мир всему миру».

«Братство народов» и т.д., без конца, все в том же духе.

Наряду с этим конкурировавшие с ними на фронте политические партии занимали позиции оборонческие, более того, резко оборонческие.

Итак, теоретически казалось, что успех заранее обеспечен за большевиками; ведь они овладели властью в стране, они обещают немедленный мир усталым солдатским массам. И однако народ – солдатская масса – высказалась далеко не за них. Почему? Происшедшее кажется мне величайшим признаком того, что солдатская масса в большей своей массе отнеслась сознательно к выборам.

Армия в боевой своей части голосовала не только против большевиков, но за определенно оборонческие списки. Иначе говоря, она голосовала не за тех, кто отвечал ее инстинктивным, шкурным вождениям, но за тех, кто по ее разуму мог наилучшим образом представлять народные интересы в Учредительном собрании. И разве правы те, кто упрекает фронтовые армии в неразумном отношении к выборам в Учредительное собрание! Но, предложат, и вполне правильно, некоторые вопрос: почему же солдатская масса, та часть массы, которая сумела воздержаться от заманчивых лозунгов большевизма, почему она голосовала за список № 1, т.е. за социалистов-революционеров?

Я не принадлежу к числу тех, которые утверждают, что народ хорошо разбирался, да и разбирается и теперь, в программах наших политических партий, и что голосование за список социалистов-революционеров было актом продуманной и осознанной народной мудрости. Наоборот, я убеждался неоднократно, что не только народ, но и интеллигенция весьма поверхностно знакома с платформами политических партий и что голосование при выборах в Учредительное собрание было в значительной мере неразумным и непродуманным. И были, однако, серьезные причины, почему победа осталась именно за эсерами. Победа не только на фронте, но и почти по всей стране. Две причины...

Первая – это то, что крестьянско-солдатская масса – я говорю о выборах в армии – считала Партию социалистов-революционеров своей, крестьянской. Ее убеждало в этом то обстоятельство, что список № 1 был общим от Совета крестьянских депутатов и от армейских социалистов-революционеров. А то, что эсеры больше всего и любивнее всего беседовали о земельном вопросе и о крестьянских делах, говорило солдатам о правильности их мнения.

Голосуя за Партию социалистов-революционеров, солдаты-крестьяне считали, что голосуют за свою партию.

Вторая причина стояла в непосредственной связи с предыдущей. Благоприятная почва позволила весьма широко и полно развить партийную работу

в армии. Уже с апреля месяца мы начали готовиться к выборам, поставив себе неотложной задачей организацию непременно во всех, даже в самых малых, воинских частях партийных ячеек. Эта организационная работа дала чрезвычайно продуктивные результаты во время выборной кампании.

Юго-Западный фронтовой съезд

Юго-Западный фронтовой съезд происходил в обстановке особенно тревожной и бурной.

Это было время, когда Временное правительство пало, в Петрограде властью завладели большевики, а к Могилеву, не признавшему этих последних, подходили красные войска во главе с Крыленко. В Петрограде должно было в ближайшие дни собраться Учредительное собрание. И учитывая, что большинство депутатов этого последнего будет принадлежать к эсеровской партии, большевики круто изменили недавно выброшенному ими лозунгу «немедленный созыв Учредительного собрания» и снова на все лады начали пропагандировать положение, что «вся власть Советам».

Большинство съезда принадлежало к эсеровской партии, составляя приблизительно две трети его делегатов. Остальная треть примыкала к большевикам и в небольшом количестве к украинцам. Но часть эсеров, присланных главным образом тыловыми частями фронта, стояла на двусмысленной позиции, которую они называли почему-то «черновской» и которая сводилась к тому положению, что так как Временное правительство больше не существует и так как Учредительное собрание еще не успело открыться, то вся власть в стране должна принадлежать Советам.

Прения, которые развернулись по этому вопросу как во фракциях Съезда, так и в пленуме, показали, сколь сбивчиво настроение даже у делегатов.

Обсуждался вопрос о законности Временного правительства, которое упрекали в контрреволюционности, корниловщине и безволии.

Обсуждали преимущества советской системы над парламентаризмом и подчеркивали факт, казавшийся многим неоспоримым, что Советы лучше Временного правительства, так как «Советы, мол, наши».

Мне врезалась в память речь одного беспартийного солдата-делегата, речь, наивная по своему содержанию и примитивная по своему построению, имевшая, тем не менее, может быть именно поэтому, необыкновенный успех в общем заседании съезда. Речь сводилась к тому, что в стране есть только две стороны, две партии – народная и барская. К народной партии принадлежат Советы, большевики, Керенский, Чернов, Брешковская. Вся эта партия хочет немедленного мира, хочет отдать всю землю крестьянам, а фабрики рабочим, но им мешает вторая партия, барская, буржуазная, в которой главную роль играют кадеты, Временное правительство, генералы и евреи... Здесь все спутано, все понятно по своему. И однако это был делегат, т.е. более других интеллигентный солдат.

На второй день съезда прибыл в Бердичев Авксентьев.

Скрывшись из Петрограда, принужденный сбрить бороду, чтобы не быть

узнанным, Авксентьев приехал на съезд создавать обстановку, благоприятную для свергнутого Временного правительства.

И здесь уже во фракции он натолкнулся на указанное мною умонастроение, противопоставляющее Советы и правительство, Советы и Учредительное собрание. Он, который совмещал в одном лице председательство крестьянского Центрального Совета с должностью министра Временного правительства, мог убедить вочую, сколь сложна и запутана обстановка в России и психология рядового гражданина.

Авксентьев говорил о необходимости защищать Временное правительство.

Меньшинство во фракции и большинство на съезде в ответ упрекало его и правительство в контрреволюционности, в продажности, в затягивании войны.

Он убеждал защищать единый лозунг: «Вся власть Учредительному собранию», говорил об историческом значении идеи народоправства, о недопустимости узурпаторских тенденций большевиков, о том, что без Учредительного собрания нельзя разрешить ни одного основного вопроса российской жизни.

Ему отвечали: а кто выбрал Временное правительство? Разве не те же Советы выбрали в свое время Временное правительство, разве не Советы свергли это же правительство и разве не Советам должна принадлежать вся власть в стране? Так отвечали ему большевики и большевистствующие при сочувствии и одобрении беспартийной массы.

И все его резоны, все его стремления выяснить суть большевистского переворота и показать, что этот переворот направлен прежде всего против принципа народоправства и Всероссийского Учредительного собрания, разбивались о каменную стену взаимного непонимания большей части фронтового съезда.

Но если было в порядке вещей враждебное отношение к Авксентьеву со стороны большевистски настроенной половины съезда, то более досадным и неприятным был факт непонимания его тезисов эсеровской фракцией. Сколько энергии пришлось потратить Авксентьеву, чтобы убедить своих единомышленников по фракции, что нельзя совмещать и сливать воедино два лозунга: «Вся власть Советам» и «Вся власть Учредительному собранию».

И когда, наконец, большинство фракции согласилось с положением, защищаемым Авксентьевым, то меньшинство откололось, образовав не существовавшую до тех пор на съезде фракцию левых эсеров.

Наши фронтовые левые эсеры не только были лишены партийных лидеров, но и были чужды интернационалистических тенденций левых эсеров, внутри страны находящихся. Они хотели одного, чтобы вся власть принадлежала Советам до созыва пресловутого Учредительного собрания.

И фронтовой съезд большинством, правда незначительным, высказался за формулировку, предложенную большевиками. Высказался за власть Советов – за власть, по существу, большевистскую.

Голосовала против только эсеровская фракция. Из делегатов особой армии – только 20 из общего их числа больше чем в 200 человек, голосовавших за эту формулировку.

Настроение обывателей и интеллигенции

Я думаю, что не может быть никаких сомнений в том, что петроградский обыватель был настроен резко противобольшевистски.

И тем не менее, этот его антибольшевизм представлял собою сырой материал, который мог бы быть использован политическими партиями.

Я полагаю, что нет необходимости останавливаться подробнее на обывательских настроениях – они известны всякому петрограду. Некоторое недовольство свергнутым уже Временным правительством, недовольство из-за левизны и слабохарактерности последнего, враждебное отношение к Советам за те преимущества, которые предоставлялись пролетариату за счет обывателя, страх перед большевизмом и над всем этим – пассивность, чуть ли не возведенная в принцип.

«Нам, мол, надоела политика, пусть другие борются с большевиками».

«Посмотрим, мол, как они справятся с большевиками!».

«Мы, мол, что... Наша хата с краю!».

Но, несмотря на эту очевидную и всюду проникающую пассивность русского обывателя, потенциально он представлял собой несомненную, значительную антибольшевистскую силу. Только эту силу надо было растолкать, растормозить, объединить вокруг тех лозунгов, которые ему были ценны и дороги.

Обывателю надо было бы сделать известные уступки – его консерватизму, его буржуазности, его косности. Отвлеченные и порой радикальные лозунги социалистических партий ничего или мало что говорили его сердцу.

Были ли эти уступки сделаны? Были ли даже попытки их сделать? Я думаю, что нет. Мы хотели, чтобы тому, чему поклонялись мы, поклонился бы и обыватель, чтобы в нашу веру уверовал и он. Но, право, я не знаю, чему надо более удивляться: пассивности и безразличию обывателя к судьбам Всероссийского Учредительного собрания, или тому, что, несмотря ни на что, все же вышли 5 января на улицу десятки тысяч петроградских обывателей.

Как в дни, предшествовавшие октябрьскому перевороту, так и в дни разгона Учредительного собрания среди петроградской интеллигенции, в частности, среди представителей ее левого крыла, среди так называемой демократической интеллигенции, царил всеподавляющий фатализм. Развертывающиеся события, октябрьский переворот, власть большевиков, – все это казалось точно заранее предначертанным, неизбежным и неумолимым.

Верилось в то, что кто-то должен защитить Учредительное собрание, что иначе быть не может, что народ, великий русский народ, не допустит такой профанации величайшей идеи, порожденной революциями. Верилось в то, что посягательство со стороны большевиков на существование Учредительного собрания – это не больше, чем жалкая шутка, не более, чем кривая усмешка судьбы.

Этот фатализм держал в своих цепких руках центральные органы политических партий, он доминировал при всех решениях и постановлениях, он парализовал всякую активность, всякую организационность, направленную против большевиков работу.

Это была совершенно особая психология, зачастую неосознанная и непризнаваемая нами.

Но последствия этой психологии были очевидны. Это была пассивность, которая в дополнение к основной российской инертности и привела большевизм, большевиков к несомненному и полному торжеству. Но победа большевиков меньше всего проистекала от их силы, меньше всего от того, что за ними пошло большинство страны. Их сила, сама по себе ничтожная и заключающаяся в их необыкновенной активности, вышла победительницей из этой борьбы единственно благодаря пассивности русской интеллигенции, в частности, демократической интеллигенции, благодаря тому, что активному Ничтожеству было противопоставлено пассивное Величие.

На Болотной улице

С середины ноября начался съезд лиц, выбранных в члены Учредительного собрания. Кроме большевиков, которые направлялись в Смольный и которые по приезду своем в Петроград получали всевозможные удобства от советского правительства, положение депутатов остальных фракций было не из приятных. Большая часть из них была провинциалами, мало знакомыми с Петроградом. Прибывали они зачастую без денег, в полной уверенности, что там, в столице, их ожидают, что им там все будет устроено.

С большим трудом для этих провинциалов было организовано общежитие на Болотной улице.

Большой неуютный дом, бывший лазарет Земско-городского Союза. Всюду больничные койки, не успевший еще испариться запах лекарств. Общую унылую картину депутатского общежития дополняла некоторая растерянность, царившая среди членов бюро эсеровской фракции. Справочный отдел функционировал плохо. Денег не было или почти не было. Наконец, питание приезжающих также встречало некоторые затруднения.

С первых же дней существования общежития начались бесконечные заседания. Происходили они большей частью в маленьких комнатах верхнего этажа. Всегда было страшно тесно, невыносимо душно, сидели присутствовавшие на кроватях, подоконниках и т.д. И только впоследствии – это было в конце декабря, когда число съехавшихся депутатов достигло внушительных размеров, – бюро удалось достать для заседаний большую залу.

Надо учесть и хорошо понять психологию обитателей общежития на Болотной улице. В стане врагов, в сущности, в полной власти большевиков, в большей части своей жители глухих провинций, – они приехали на всероссийское торжество, которое волею судеб превратилось во всероссийский позор.

Ощущение незащитности, ощущение, что «мы находимся в руках своих врагов», господствовало с первого до последнего дня на Болотной улице. Для многих казалось, что самая идея организации общежития при существовавших условиях неудачна и неуместна.

«Ведь нас всех смогут забрать голыми руками».

Но не только то обстоятельство, что большевики легко могут арестовать большую часть оппозиционных депутатов, делало психологически неудобным существование общежития, но главным образом то, что благодаря последнему вся деятельность противобольшевистских фракций была совершенно на виду у большевистского правительства. Последнее было в курсе всех фракционных дел, оно знало, что и о чем постановила фракция, каковы настроения депутатов – одним словом, было осведомлено обо всем в совершенстве. Об этой осведомленности большевиков не раз нам сообщали наши доброжелатели, случайно попавшие в Смольный.

Нелишне, впрочем, отметить, что этому весьма способствовало отсутствие контроля для лиц, посещавших общежитие. Приходили самые разнообразные лица, бог весть зачем, бродили по всему зданию, заходили в комнаты депутатов, иногда даже на коммиссионные заседания, и никто их не останавливал, никто не опрашивал. Не раз можно было заметить блуждающие по лестнице весьма подозрительные личности. О том, что телефон фракции был взят под наблюдение, стало известным лишь значительно позже. А сколько разговоров, важных и отнюдь не предназначенных для большевистских ушей, говорилось в эти дни по телефону!

Впрочем, очень трудно поставить в вину бюро фракции или ее руководителям это отсутствие конспиративности. Ибо вся обстановка этому способствовала. В продолжение всего 1917 года все антибольшевистские партии и в особенности эсеры вели столь легальную и открытую деятельность, все их представители и руководители были так на виду и так далеки от конспирации, что после большевистского переворота им было трудно, почти невозможно уйти обратно в подполье.

Вся эта обстановка способствовала усилению ощущения незащитности. И, понимая это, понимая невозможность законспирироваться от большевиков, от этих врагов, с которыми предстояла борьба не на жизнь, а на смерть, обитатели общежития на Болотной улице говорили:

«Мы не скрываемся, мы не хотим скрываться...».

«Мы, народные избранники, приехали отстаивать свои права и борьбу с узурпаторами будем вести открыто, с высоко поднятым забралом».

Конечно, это было сказано красиво, но в самой этой красоте таилась беспомощность, слабость людей, не учитывающих всех сил своего противника.

И большевики смеялись и говорили – это было еще в декабре:

«Достаточно десяти красных матросов, чтобы ликвидировать всю эсеровскую фракцию. Мы ее можем взять голыми руками... Мы этого не делаем, потому что не хотим. Не к чему».

И действительно, в январе месяце, когда большевики захотели, они пришли на Болотную и арестовали добрых две трети всей эсеровской партии.

И прошел этот арест гладко, ровно, без всяких инцидентов.

После этого ареста общежитие существовало еще несколько дней и потом закрылось, не вписав в историю ни ярких страниц, ни красивых воспоминаний, оставив у нас впечатление серости, скуки и неопределенности.

Парламентаризм или авантюризм

«Как же мы будем защищать Учредительное собрание? Как будем само-защищаться?».

С таким вопросом я обратился чуть ли не в первый день к ответственному руководителю фракции Х. Он сделал недоумевающее лицо.

«Защищать? Самозащищаться? Что за нелепость? Понимаете ли вы, что вы говорите?.. Ведь мы – народные избранники... Мы должны дать народу новую жизнь, новые законы, а защищать Учредительное собрание, это – дело народа, нас избравшего».

И это мнение, мною услышанное и весьма меня поразившее, отвечало настроению большинства фракции.

Между эсерами до 1917 года и эсерами конца 1917 года – целая пропасть. Так мне казалось, так кажется мне и теперь. Снова повторяю, что это касается лишь известной части партии, главным образом ее верхушки, главным образом группы, которая в 1917 году была у власти и которую в повседневности называют правыми эсерами.

Именно эта группа и имела преобладающее значение в Учредительном собрании. Но даже и те эсеры, которые причисляли себя к левому крылу, так называемые черновцы, психологически также претерпели в продолжение 1917 года весьма крупную метаморфозу, утратили свою революционную психологию, приобщились к «государственности» и к «власти». Результатом этой эволюции, далеко не осознанной и не признаваемой нами, эсерами, явилось и совершенно особое отношение к Учредительному собранию.

Как бюро фракции, так и большинство съезжавшихся депутатов стояли на позиции «чистого парламентаризма». Они полагали, что спор между большевиками и остальными партиями должен быть разрешен чисто парламентским путем, в стенах Учредительного собрания, что именно здесь, где соберутся представители всей России, должен быть решен в ту или иную сторону вопрос.

С Учредительным собранием связывались надежды, которые ни в какой мере не оправдались. Имела место идеализация этого учреждения, идеализация безмерная и недопустимая для политиков.

В эти дни, в эти недели я неоднократно имел случай разговаривать с приехавшими депутатами и выяснять их точку зрения на тактику, которой должны мы придерживаться. Как общее правило, позиция большинства депутатов сводилась к следующему.

«Мы должны всеми мерами избегать авантюризма. Если большевики допустили преступление против русского народа, свергнув Временное правительство и самовольно захватив власть в свои руки, если они прибегают к приемам некорректным и некрасивым, это еще не значит, что и мы должны следовать их примеру. Отнюдь нет. Мы должны идти путем исключительной законности, мы должны защищать *право путем, единственно допустимым для народных избранников, путем парламентарским.* Довольно крови, довольно авантюр. Спор должен быть перенесен на разрешение Всероссийского Учредительного собра-

ния, и здесь, перед лицом всего народа, всей страны, он получит свое справедливое разрешение».

Этой позиции, этой тактики, которую я затрудняюсь назвать иначе как «сугубо парламентарской», придерживались отнюдь не только правые эсеры и центровики, но и черновцы. И черновцы, быть может, даже более остальных.

Ибо именно В. Чернов был одним из самых ярких противников гражданской войны и одним из тех, кто надеялся на мирную ликвидацию конфликта с большевиками, веря в то, что «большевики спасуют перед Всероссийским Учредительным собранием».

Именно он, – об этом будет речь впереди, – возражал против вооруженной демонстрации по мотивам:

«Нельзя проливать народную кровь. Народ сам рассудит. С оружием в руках не докажешь правды... Тем более, что большевики, это – тот же народ. Это надо помнить».

«Сугубый парламентаризм» отстаивало огромное большинство фракции эсеров Учредительного собрания. Лиц, которые не соглашались с этой тактикой и которые призывали к активным действиям, было ничтожное меньшинство. Удельный вес этого меньшинства во фракции был весьма невелик. На них смотрели как на людей, зараженных авантюризмом, недостаточно проникнутых государственностью, недостаточно зрелых политически.

Эту группу оппозиционеров составляли главным образом депутаты фронта или лица, так или иначе причастные к великой войне. Среди них можно назвать Д. Сургучева (впоследствии расстрелянного большевиками), Фортунатова, лейтенанта Х., Сергея Маслова, члена ЦК п[артии], ныне расстрелянного, Оникко. К этой группе примыкал и я.

Говоря об эволюции эсеровской психологии, весьма необходимо отметить, что эта эволюция коснулась главным образом верхних слоев партии. Низы партии, так называемые рядовые работники ее, в значительной мере сохранили свою активность и стремление к революционным действиям. Это замечалось и в конце 1917 года, замечалось и позднее, в годы борьбы с большевиками. Более того, эсеровская масса до известной степени сохранила прежние навыки и традиции и в дни, в годы большевизма довольно охотно уходила в подполье. Мне думается, именно разностью психологии можно объяснить то обстоятельство, что за последние годы немалое число рядовых членов партии отошло от последней.

Весь быт и уклад жизни эсеровской фракции в декабрьские дни семнадцатого года прекрасно иллюстрируют сказанное. Интенсивно, по различным многочисленным комиссиям шла подготовительная законодательная работа. Готовились всевозможные проекты законов. Обсуждались вопросы, имевшие огромное государственное значение.

Комиссия земельная, народного образования, иностранных дел, комиссия первого дня открытия Учредительного собрания... каких только там комиссий не было!

Марк Вишняк, молодой, но весьма ярый парламентарий, особенно позаботился о том, чтобы ни одна сторона государственного строительства не

была позабыта.

Все эти комиссии весьма энергично работали, заседания их были многослюдны и по-своему интересны. Вызывались эксперты, которые читали доклады, предназначавшиеся, как базис, как канва для новых законопроектов. Случайно мне пришлось посетить заседание военно-иностранной комиссии, посвященной докладу Верховского. Доклад трактовал, если мне не изменяет память, о возможности сепаратного мира с точки зрения военного специалиста.

Прения в этих комиссиях нередко были весьма оживленные и продолжительные.

Иногда казалось, что все идет прекрасно, что нет никакого большевистского правительства, что нелепы слухи о возможном разгоне Учредительного собрания и что тихая парламентарская жизнь потечет после 5 января. Ведь столько заготовлено законопроектов... Все их надо провести через пленум. В мою память особенно врезалась деятельность комиссии, посвященной первому дню, так называемой комиссии открытия. Здесь было все учтено. Кто должен открыть собрание, какие ораторы должны выступать и как, кто должен руководить фракцией; было учтено все, кроме матросов, заполнивших галереи Таврического дворца, и непарламентарского цинизма большевиков.

Иногда мы, оппозиционеры, спрашивали наших коллег по фракции:

«К чему вы строите эти иллюзии? К чему эти законопроекты, которые вы так старательно обсуждаете, когда неизвестно даже, состоится ли Учредительное собрание. Мы не понимаем, как можно в таких кошмарных условиях заниматься мирной законодательной работой».

Ответ бывал неизменен и по-своему логичен:

«Мы не знаем точных намерений большевиков, но мы убеждены, что они не осмелятся посягнуть на прерогативы высокого учреждения, выбранного всем народом. А если так, если есть шансы, что сессия Учредительного собрания состоится, то мы должны прийти в нее во всеоружии нашего политического опыта, с полным сознанием важности задачи, возложенной на наши плечи русским народом. Мы должны дать в законном порядке народу землю и все основные права».

В то время как на Болотной улице посвящали все дни и часто ночи выработке законопроектов, в это время большевистские депутаты, съехавшиеся также к этому времени в Петроград, были распределены властной рукой своего Центрального комитета по заводам и казармам Петрограда. Они вели энергичную агитацию против того учреждения, в члены которого они были избраны. Они, вероятно, очень мало думали о парламентаризме, еще менее – о государственности и о законности. Перед ними была поставлена конкретная и ясная задача: добиться того, чтобы власть в стране осталась в руках их партии. И они этого добивались всеми дозволенными и недопозволенными средствами. Добивались и добились.

Принятие парламентарской тактики влекло за собою вполне определенные логические последствия. Борьба с большевиками представлялась не иначе, как в стенах Таврического дворца, а сама защита Учредительного собрания – руками тех, кто послал своих избранников устанавливать новые формы жизни. И, по существу, было вполне логично, когда депутаты возражали против вовлечения их в

ту или иную форму активной борьбы с советским правительством.

«Если народ за нас, он должен нас защитить, ибо он нас сюда послал».

Между тем жизнь предъявляла свои права, и вопрос о защите Учредительного собрания, вопрос о самозащите неоднократно поднимался во фракции. Поднимали его оппозиционеры, в том числе раза два и я. Поднимали его и те многочисленные депутации, которые посещали в эти дни фракцию. Но неизменно как бюро фракции, так и пленум его оставались при том убеждении, что фракция в ее целом должна стоять вне той борьбы, которая ведется и будет вестись во имя существования Учредительного собрания, что фракция должна ограничить арену своей борьбы стенами Таврического дворца.

И с этой позиции невозможно было сдвинуть фракцию.

Один из энергичнейших и наиболее реалистически настроенных – В.В. Руднев, обычно председательствовавший в пленуме, вполне разделял точку зрения большинства. Ему также казалась авантюрой, вредной по своим последствиям, внепарламентская борьба фракции с большевиками.

И вполне понятно, что такая позиция влекла за собой пассивность. Когда – это было в последних числах декабря – во фракции Биркенгейм и Н.В. Чайковский, пришедшие в качестве делегации Всероссийского союза служащих, заявили, что они уполномочены десятками тысяч интеллигентных тружеников предоставить все силы последних на защиту Учредительного собрания и что они думают, что всеобщая забастовка вполне реализуема, – ответ фракции, после прений, бурных и продолжительных, был весьма уклончив:

«Мы, мол, не возражаем против всеобщей забастовки, но руководить ею мы не будем и даже непосредственное отношение к ней считаем нежелательным».

Аналогичные ответы давались и другим депутациям, разочарованно покидавшим скромные стены общежития на Болотной улице. И в той борьбе, незримой, но весьма энергичной, которая велась большевиками во всех углах Петрограда, лишь небольшое число депутатов принимало персональное участие. Неоднократно раздавались жалобы из районных партийных комитетов, что нельзя заполучить никого с Болотной улицы. Депутаты выступали неохотно и редко. Чаще других отзывались на эти призывы Брушвит, Гуревич, Утгоф. И разве не характерно, не показательно, что на митингах, организованных 6 января большевиками во имя санкции разгона Учредительного собрания, только два эсеровских депутата сочли нужным выступить!..

Такова общая картина жизни эсеровской фракции. Между тем, ввиду немногочисленности кадетской и эсдековской партий, в Учредительном собрании роль эсеровской фракции была преобладающей. И фактически антибольшевистская коалиция ею не только возглавлялась, но почти что ею олицетворялась.

Как бы то ни было, но факт был непреложным. Фракция или, вернее, антибольшевистские фракции не принимали участия во внепарламентской борьбе за Учредительное собрание. Эта борьба шла без них, даже иногда вне их непосредственного влияния. И только благодаря персональному вмешательству отдельных депутатов, принимавших активное участие в этой защите, поддерживалась живая связь и с Болотной улицей, и с фракцией.

Комитет защиты Учредительного собрания. Его роль

Таким образом, защиту Учредительного собрания взял на себя ряд партийных и межпартийных организаций. Среди последних видное место занимал так называемый Комитет защиты. Детали и подробности о деятельности последнего я дать не в состоянии, так как не входил в означенный комитет. Но общий характер его деятельности, приблизительный состав его участников достаточно был мне известен.

Несомненно, этот комитет был преобладающе интеллигентский. Объединял он вокруг себя большую часть демократической интеллигенции и некоторые круги из либеральной буржуазии. Персонально входили в него эсеры (крайне правого толка), меньшевики-оборонцы, большую роль в нем играли народные социалисты во главе с Н.В. Чайковским, имели касательство кооператоры, союзы служащих и кое-кто из кадетов. Нужно отдать справедливость, что деятельность этого комитета была весьма энергичной. Помимо множества листовок и обращений, помимо пропаганды, порою недурно поставленной, со стороны его были попытки проникнуть в рабочую и солдатскую массу.

Я думаю, немало петроградцев помнят об организованных комитетом рабочих конференциях, имевших место в одном из домов на Забалканском проспекте. Если не ошибаюсь, всего было три конференции, из которых последняя, происходившая уже в январе месяце, была заарестована большевиками. Я присутствовал на одной из этих конференций в качестве представителя от военной комиссии и, признаюсь, был поражен ее многолюдством и темпераментом ее участников. Несмотря на всю свою энергию, комитету все же удалось очень мало проникнуть внутрь рабочих масс, и пропаганда его в этом направлении была ничтожна и, боюсь сказать, почти бесследна.

Еще менее удалась работа в Петроградском гарнизоне. Может быть, потому, что было приступлено к этой работе чуть ли не перед самым разгоном Учредительного собрания. Во всяком случае, хотя в отчетах комитетских и фигурировала «военная работа», но, как мне пришлось в этом впоследствии убедиться, трудно было относиться к этой работе всерьез.

Среда, в которой семена, посеянные комитетом, дали богатую жатву, была обывательская. Потому ли, что это была наиболее благодарная почва для противобольшевистской агитации, потому ли, что эта среда была наиболее близка и родственна комитету, во всяком случае, работа, сделанная последним в этом направлении, была весьма значительна и реальна. И мне кажется, в факте, что десятки тысяч обывателей вышли 5 января на улицы Петрограда, известную и немалую роль сыграла и деятельность комитета. И я не сомневаюсь, что если бы комитет имел возможность и право немного более конкретизировать антибольшевистские лозунги, если бы он мог говорить более смело, чувствуя за собой менее идеалистически настроенное Учредительное собрание, возможно, – кто знает, – что его пропаганда вылилась бы во что-нибудь более крупное и серьезное.

Надо ли говорить, что и большая часть деятельности комитета протекала на виду у большевиков? Двери комитета, заседавшего на Литейном проспекте,

были настежь открыты. В приемной постоянно толпилось несколько подозрительных субъектов, и наблюдение, как тайное, так и явное, со стороны большевиков было несомненным. У входных дверей торчали более или менее постоянно филеры. Телефонные разговоры внимательно подслушивались, как об этом сообщали нам антибольшевистски настроенные телефонистки. Но думать о конспирации, о нелегальной работе было невозможно. Все попытки в этом направлении не удавались. Даже с трудом удавалось наиболее скомпрометированным членам комитета жить полулегально. И при аресте, имевшем место вскоре после разгрома Учредительного собрания, большая часть членов комитета была захвачена большевиками.

Среди попыток, заслуживающих быть отмеченными по своей курьезности и неудачливой анекдотичности и сделанных комитетом ради успешной защиты Учредительного собрания, было предпринято им «собрание военных дружин национальных меньшинств». Инициатором этого любопытного предприятия был член комитета Петр Шаскольский, ныне погибший в Совдепии. По его почину было созвано совещание, на котором я присутствовал представителем от эсеров и на которое были приглашены ответственные лидеры национальных партий. Кто только там не присутствовал! Грузины, армяне, эстонцы, литовцы; были представители различных еврейских партий... Лишь отказались прийти поляки и финны. «Мы, мол, уже самоопределились и к российским делам никакого отношения не хотим иметь».

Шаскольский поставил вопрос весьма конкретно, ребром:

«Сколько вооруженных солдат может выставить каждая отдельная национальность для защиты Всероссийского Учредительного собрания?».

Но такой простой подход к данному вопросу встретил решительную оппозицию со стороны большинства присутствующих. Потребовали, чтобы сначала были разрешены так называемые программные вопросы.

«Как отнесется Учредительное собрание к самоопределению народностей?».

«Стоит ли оно за федерацию или за полную независимость окраин?» – и так без конца, целый ряд вопросов, которые требовали немедленного ответа, немедленного разрешения, и без коих ни один солдат, как гордо выразился литовский представитель Булат, «не поднимет штыка на защиту этого Учредительного собрания».

После долгих и бесплодных споров это совещание было закрыто. Было назначено новое, на которое представители национальностей приглашались прийти с конкретными данными о том, сколько солдат они могут вывести 5 января на защиту Учредительного собрания.

Второе совещание было гораздо менее многолюдно и менее оживленно, чем первое. Отсутствовали самые ярые сепаратисты. Не было ни литовцев, ни латышей, кажется, не пришли и украинцы.

Подсчеты дали весьма печальные результаты. У грузин было несколько вооруженных людей, у эстонцев была довольно многолюдная дружина, которую эстонские лидеры отказывались впутывать в российские дела, и, наконец, весьма охотно предоставляли в распоряжение Учредительного собрания свои фор-

мирования армяне и евреи. Армяне были хорошо вооружены и, как с гордостью заявил их представитель, имели даже два пулемета. Что же касается евреев, то вновь сформированная их дружина насчитывала до двухсот человек, но... у них был только наряд на ружья, а самые ружья не были им выданы «из-за медлительности Временного правительства». К тому же большинство дружинников были штатские люди, непричастные к военному делу.

После заседания мы возвращались вместе с П. Шаскольским. Он был грустен и молчалив.

«Все надежды мною возлагались на инородцев. Теперь эти надежды рухнули».

Военная комиссия

Война породила революцию, и та же война была одним из главнейших факторов октябрьской революции, падения Временного правительства и прихода большевиков к власти.

Детищем войны была армия, и эта же армия была тем орудием, при помощи которого совершилась революция. Можно придерживаться того мнения, что в основе своей российской революция была крестьянской, можно говорить о том, что монархия и бюрократия российские насквозь прогнили и что именно они привели страну к революции и к анархии.

Это все первопричины. Их было множество. Но единая, видимая и вполне конкретная второпричина была все же война. И следствия логические, которые вытекают из этой предпосылки, по-видимому, неоспоримые, весьма существенны.

Все ли они были учтены нами, российскими интеллигентами, в частности Временным правительством? Думается мне, что *нет*.

Было ли что-либо сделано, чтобы завоевать эту силу – Петроградский гарнизон? А если нельзя было завоевать, если пути и вкусы интеллигенции и петроградских солдат слишком расходились друг с другом, то было ли что-либо предпринято, чтобы уничтожить, раздавить эту силу, чтобы противопоставить ей нечто более реальное, чем женский ударный батальон?

Увы, в этом надо честно признаться, *что ничего не было в этом направлении сделано*. Не было сделано ни Временным правительством, ни теми демократическими и социалистическими партиями, которые были у власти. И в то время как большевики, крича о пролетариате, о своих симпатиях к рабочему классу, беспрестанно и неутомимо, чуть ли не с первых дней появления своего на петроградском горизонте работали среди полков Петрограда и Москвы, в это время мы более интересовались мирной организационной работой, весьма рьяно уйдя в административный аппарат. И деятельность военной комиссии при эсеровском Центральном комитете являет собой наилучшее доказательство величайшего безразличия со стороны революционной демократии к весьма реальной силе, каковой являлся в то время Петроградский гарнизон.

До самого ноября 1917 года эсеровская военная комиссия была в стадии анабиоза. Была она пасынком партии: денег ей не давали, внимания на нее не обращали, и нередко бывала она предметом иронических шуток и замечаний.

Представлял эту комиссию Утгоф, который издавал по преимуществу военные сборники полубеллетристического характера, рассчитанные на ограниченный круг военной интеллигенции. Связи с фронтами почти не было, так, например, наша армия и не подозревала о существовании этой комиссии. Петроградским гарнизоном интересовались весьма мало, и, кроме нескольких листовок, и то, впрочем, кажется, изданных Петроградским комитетом, ничего сделано не было. Избирательная кампания немного встряхнула их от этой спячки. Но даже в самые ответственные дни октября–ноября 1917 года деятельность военной комиссии была весьма скромна по своим размерам и еще более незначительна по своим результатам.

В сущности говоря, Центральная военная комиссия до конца ноября почти не существовала.

В конце ноября с приездом в Петроград членов Учредительного собрания, когда выяснилась сугубо парламентская позиция эсеровской фракции, именно в эти дни, по настоянию, главным образом, фронтовых депутатов, была реорганизована означенная выше военная комиссия. Расширенная в своем объеме, она получила известную автономию от ЦК. В нее вошли представители военных депутатов фракции Учредительного собрания, между ними я, два члена ЦК, а также ряд энергичных военных эсеров. В президиум ее вошли Сургучев, член ЦК, и я (на правах председателя). Деньги на ее деятельность были даны фронтовыми организациями. Работа комиссии, как это совершенно правильно указал в своей брошюрке Семенов, велась по отдельным секциям, друг от друга независимым и до известной степени законспирированным.

Конечно, ни в какой мере нельзя назвать работу вновь организованной комиссии сколь-нибудь совершенной или мало-мальски удовлетворительной, в ее распоряжении было слишком мало времени, и деятельность ее протекала в обстановке очень тяжелой. Тем не менее кое-что было достигнуто.

Собственно, говорить можно только о двух сторонах деятельности этой комиссии: ее работе в Петроградском гарнизоне и ее боевых начинаниях и предприятиях.

Семеновский и Преображенский полки. Газета «Серая шинель»

Состояние Петроградского гарнизона к дням, предшествовавшим и последовавшим за октябрьским переворотом, представляется в следующем виде. Огромное большинство полков и воинских частей было совершенно деморализовано, и воинская дисциплина в них отсутствовала. Офицерство, после Корниловского дела взятое под особое подозрение солдатскими массами, было настроено пассивно-оппозиционно и к свергнутому Временному правительству, и к демократии, и к Учредительному собранию. В полках все партийные организации, кроме большевистских, распались, и условия отнюдь не благоприятствовали организации новых. Настроение солдат было достаточно определено большевистствующее, но большевизм их был пассивный, и они были лишены каких-либо

тенденций к активным вооруженным выступлениям. Вообще, как это подтверждали многие военные специалисты – реальная боевая величина Петроградского гарнизона была ничтожна, и одного-двух полков, вполне преданных и боеспособных, было бы достаточно, чтобы держать в своем повиновении весь гарнизон. И тем не менее, на фоне общей пассивности, растерянности и распыленности все же солдатская масса Петрограда представляла определенную силу. *Это была сила, протекающая из бессилия противника, – сила толпы вооруженной, разнужданной и уверенной в своей безнаказанности.*

Задачей военной комиссии было выделить из Петроградского гарнизона те части, которые были наиболее боеспособны и в то же время наиболее антибольшевистски настроены. В первые же дни нашего пребывания в Петрограде мои товарищи и я посетили большую часть воинских частей, расположенных в Петрограде. Кое-где мы устроили небольшие собрания с целью выяснить настроения солдат, но в большинстве случаев ограничивались беседами с комитетами и с группами солдат. Положение совершенно безнадежное было в Егерском полку, также как и в Павловском, и в других. Более благоприятная ситуация намечалась в Измайловском полку, а также в ряде технических и артиллерийских частей. И лишь в трех частях мы нашли то, что искали, – сохранившуюся боеспособность, наличие известной дисциплины и не поддающийся сомнению антибольшевизм.

Это были полки Семеновский и Преображенский и броневой дивизион, расположенный в ротах Измайловского полка. Как полковой, так и ротные комитеты первых двух полков в большинстве своем состояли из лиц беспартийных, но настроенных резко и сознательно против большевиков. В полках было немалое число георгиевских кавалеров, раненных в Германскую войну, а также недовольных большевистской разрухой. Отношение между командным составом, полковыми комитетами и солдатской массой было вполне дружелюбным.

Мы решили именно эти три части избрать как центр боевого антибольшевизма. Через наши как эсеровские, так и родственные фронтовые организации мы вызвали в экстренном порядке наиболее энергичный и боевой элемент. В продолжение декабря прибыло с фронта свыше 600 офицеров и солдат, которые были распределены между отдельными ротами Преображенского и Семеновского полков, причем большинство прибывших было направлено в Семеновский полк, а меньшинство, приблизительно $\frac{1}{2}$, – в Преображенский. Некоторых из вызванных нам удалось провести в члены как ротных, так и полковых комитетов. Несколько человек специалистов, по преимуществу бывших студентов, мы пристроили в броневой дивизион.

Таким образом, в конце декабря мы в значительной мере увеличили как боеспособность, так и антибольшевизм вышеупомянутых частей.

Чтобы поднять настроение «наших» частей, а также и для того, чтобы создать в Петроградском гарнизоне недоброжелательное к большевикам настроение, было решено издавать ежедневную солдатскую газету. История ее весьма любопытна и мало кому известна, кроме небольшого ряда заинтересованных лиц.

Газета была названа «Серая шинель».

Издателем был коллектив солдат Преображенского и Семеновского полков.

Точнее сказать, эти полки в их полном составе отвечали за издание этой газеты. Большую часть денег дали солдаты-семеновцы. В редакционный коллектив вошли: вольноопределяющийся семеновец Б. Петров (расстрелянный большевиками при наступлении Юденича), вольноопределяющийся того же полка К. (по слухам, тоже расстрелянный большевиками), преображенец Г-ский и, наконец, я.

Первый номер газеты был составлен в тонах боевых, резко противобольшевистских, были помещены карикатуры на Ленина и красногвардейцев. Напечатанный в количестве 10 000 экземпляров, этот номер был распродан в два-три часа. Это были последние дни декабря, время, когда вся оппозиционная печать была задушена большевиками. Появление газеты «Серая шинель» вызвало переполох в Смольном и весьма резкую статью в «Петроградской правде», в которой говорилось о подставных семеновцах, о том, что деньги даны буржуазией и т.д. Второй номер, вышедший на другой день, имел не меньший успех в Петроградском гарнизоне. Издать третьего номера не удалось. В два часа ночи, когда газета была только что сверстана, явился отряд красногвардейцев – дело происходило в типографии на Чернышевой площади – с ордером, подписанным Лениным, о приостановке «Серой шинели» и об аресте за контрреволюцию Б. Петрова и Б. Соколова.

Мы не сдались.

Собрали полковые комитеты обоих полков и решили защищать газету вооруженной силой.

2 января мы выпустили «Простреленную серую шинель». Газета была составлена в прежних резких тонах. В типографии с 10 часов вечера и до выхода газеты в свет дежурил вооруженный отряд преображенцев и семеновцев с двумя пулеметами.

В ту ночь большевики не явились. Видимо, Смольный боялся обострения конфликта с оппозиционно к нему настроенными полками. Но 2 января вечером Преображенский и Семеновский полки посетил Крыленко. Он потребовал созыва общего собрания.

В продолжение часа он убеждал семеновцев отказаться от их симпатий к «буржуазии» и от издания столь вредной для дела «социальной революции» газеты «Серая шинель».

Солдаты встретили и проводили весьма сухо главверха. Полковой комитет дипломатически ему обещал выполнить распоряжение Смольного. Несмотря на это обещание, и 3 и 4 января «Простреленная серая шинель» выходила беспрепятственно при все увеличивающемся тираже. Успеху газеты способствовал юмористический тон и насмешки, допущенные над лидерами большевизма и над красногвардейцами. 4 января ночью помещение типографии вновь было окружено небольшим отрядом красногвардейцев, но последние, узнав, что выход газеты защищают семеновцы, не решились приступить к решительным мерам и, потолкавшись у входных дверей, ушли, не выполнив поручения Смольного об аресте редакции.

Последний номер нашей газеты вышел 5 января. Он был посвящен всецело Учредительному собранию и выяснял замыслы большевистского правительства.

Это был последний номер, ибо 6 января произошло два события. Усиленный отряд матросов занял перед рассветом типографию, в которой печаталась газета, а накануне вечером полковые комитеты Семеновского и Преображенского полков отказались от дальнейшей поддержки газеты. О мотивах этого решения мне придется сказать немного дальше.

Подводя итоги нашей деятельности в Петроградском гарнизоне, я должен отметить, что нам удалось, правда, в незначительной степени, провести работу по защите Учредительного собрания. Вместе с тем, ко дню открытия Учредительного собрания, т.е. к 5 января, в распоряжении народных избранников было два полка, относительно боеспособных и безусловно готовых, решившихся с оружием в руках выступить на защиту. Почему же этого вооруженного выступления не произошло 5 января? Почему? Этот вопрос более чем своевременно теперь поставить и не менее своевременно на него ответить. Тем более, что он всецело принадлежит истории.

Организация боевых дружин. Лужский гарнизон. Попытка ареста Ленина

Большевики не только вели энергичную пропаганду среди Петроградского гарнизона, но, пользуясь имевшимися в их распоряжении богатыми боевыми запасами, формировали всевозможные боевые, так называемые красногвардейские части. Примеру их пробовали последовать и мы. Увы! Наши начинания в этом направлении были далеко не блестящи. В то время как весь Петроград был в полном смысле слова переполнен всякого рода оружием, в нашем распоряжении последнее было в весьма ограниченном количестве. И потому получалось, что наши дружинники были безоружны или снабжены столь примитивным оружием, что оно не могло идти в счет. Да, впрочем, рабочие, – ибо именно среди них велась вербовка наших дружинников, – относились без особого энтузиазма к поступлению в боевые дружины. Как раз мне пришлось работать в этом направлении в Нарвском и Коломенском районах.

Собрание рабочих Франко-русского завода и Нового адмиралтейства... Конечно, собрание рабочих, сочувствующих нам, вписанных в партии противобольшевистские.

Объясняю положение и общую необходимость, с моей точки зрения, защищать вооруженной рукой Учредительное собрание.

В ответ ряд вопросов, сомнений.

«Не довольно ли было пролито братской крови?».

«Четыре года была война, все кровь и кровь...».

«Большевики действительно подлецы, да только вряд ли они посягнут на Учредительное собрание».

«А по-моему, – заявил один из молодых рабочих, – надо, товарищи, подумать не о том, чтобы ссориться с большевиками, а как с ними сговориться. Все же, вишь, они защищают интересы пролетариата. Кто сейчас в комиссариате Коломны? Все наши франко-русцы, большевики. Вот Смирнов, Шмахов и др.».

В результате в дружинники записалось около пятнадцати человек. У большевиков на том же заводе было дружинников раза в три больше.

Итоги нашей деятельности в этом направлении свелись к тому, что на бумаге у нас числилось до двух тысяч рабочих дружинников.

Но именно только на бумаге. Ибо большинство из них не было вооружено, весьма многие из них не являлись на явки и вообще были проникнуты духом безразличия и уныния. И при учете сил, которые бы могли защищать Учредительное собрание с оружием в руках, эти боевые дружины мы не принимали в счет.

Помимо вербовки дружинников среди петроградских рабочих, были попытки с нашей стороны к организации дружин из фронтовиков, из фронтовых солдат и офицеров.

Как было мною отмечено в первых главах настоящей статьи, некоторые из наших фронтовых организаций были достаточно сильны и деятельны. Особенно можно было это сказать про комитеты Юго-Западного и Румынского фронтов. Еще в ноябре месяце военная комиссия прибегла к помощи этих комитетов, и те начали направлять в Петроград фронтовиков, наиболее надежных, хорошо вооруженных, посланных как бы в командировку по служебным делам.

Часть из этих фронтовиков, как это было сказано, была направлена в «укрепление» Семеновского и Преображенского полков. Но часть из прибывающих солдат мы хотели оставить в непосредственном нашем распоряжении, сформировав из них боевые летучие отряды. С этой целью нами были предприняты шаги, чтобы по возможности конспиративно разместить их в самом Петрограде, не вызвав до поры до времени подозрений большевиков. После некоторых колебаний мы остановились на мысли открыть солдатский народный университет. В середине декабря таковой и был открыт в стенах одного из высших учебных заведений. Самое открытие состоялось с ведома и санкции большевистских властей, ибо программа, в нем указанная, была и вполне невинная, общекультурно-просветительная, и среди руководителей и лекторов университета были указаны лица, заведомо лояльные по отношению к большевистскому правительству.

В наших интересах было держать этих курсантов-боевиков вместе, дабы в случае неожиданного ареста они могли бы оказать противодействие и дабы легче их было использовать в случае выступления против большевиков. После долгих поисков мне удалось, благодаря содействию известного общественного деятеля К., устроить таковое общежитие, рассчитанное на двести человек, в помещении Красного Креста на Фонтанке.

Прибывающие фронтовики являлись на курсы и отсюда шли в общежитие. Как правило, приезжали они с ружьями, снабженные несколькими ручными гранатами. К концу декабря таких курсантов набралось уже несколько десятков человек. И так как были это все люди боевые и решительные, то они представляли собой несомненную силу.

Это дело не было развернуто в полном масштабе, так как Центральный комитет эсеров усмотрел в нем слишком рискованную авантюру. Нам было предложено приостановить это начинание. Мы это и сделали.

Вскоре после разгона Учредительного собрания большой отряд красноар-

мейцев явился как в здание университета, так и в общежитие. Большинство курсантов было арестовано, обезоружено и посажено в тюрьму.

В одном из заседаний военной комиссии деятельнейший член последней Д. Сургучев сообщил нам некоторые важные данные о лужском гарнизоне. По его словам, большинство этого гарнизона, особенно артиллерийские части, были настроены весьма противобольшевистски. Целые группы солдат этого гарнизона обратились в местный партийный комитет с просьбой привлечь их к участию в защите Учредительного собрания. Эти солдатские группы выражали желание прибыть в том или ином виде в Петроград к 5 января. Посланные наши представители выяснили правильность в значительной мере сообщенных Сургучевым сведений. С состоянием лужского гарнизона ознакомился лично член нашего ЦК Г-ч.

Военная комиссия после всестороннего и детального обсуждения склонилась к тому, чтобы использовать настроения лужан. Но на пути этого постановления встало два препятствия. Во-первых, мы никак не могли сговориться с Викжелем, иначе центральным органом железнодорожников. Это учреждение было хуже, чем большевистское. Ибо, будь оно большевистское, было бы оно для нас определенным врагом, с которым можно и должно бороться. Викжеллисты же на словах выражали симпатии демократии и интеллигенции, а на деле оказывали всякое противодействие малейшим попыткам использовать железнодорожный аппарат для борьбы с советской властью. При этом их лояльность ограничивалась лишь одной стороной. Большевики превосходно и беспрепятственно имели возможность использовать для своих нужд тот же железнодорожный аппарат.

Второе препятствие было более значительным и непреодолимым, ибо с первым мы могли надеяться так или иначе справиться. Второе препятствие – это было отношение членов ЦК к нашему предприятию, или, как они называли, к нашей «очередной авантюре». Мне неизвестны точно мотивы постановления ЦК и те прения, которые развернулись вокруг него, но во всяком случае Г-ч сообщил нам, что нам придется отказаться от желания использовать лужский гарнизон. Поскольку известно, что это решение было продиктовано боязнью кровопролития, нежеланием вмешивать в политическую борьбу армию и, что самое главное, неуверенностью в успехе предложенной Д. Сургучевым экспедиции.

Как бы то ни было, но *мы оставили лужский гарнизон в покое.*

Помимо чисто «военной работы», т.е. работы в воинских частях, наша военная комиссия не была чужда и боевой деятельности. Только последняя была тщательно законспирирована от большинства членов комиссии и протекала до известной степени автономно от нас, под руководством весьма энергичного и смелого Оникко.

В одном из заседаний – это было в середине декабря – Оникко сделал следующий доклад, чрезвычайно интересный и требовавший санкции военной комиссии.

Еще в конце ноября Оникко подобрал небольшую группу лиц, в большинстве своем военных. Это все были, по его словам, бесстрашные и честные люди, принципиальные противники большевиков и стоявшие на той точке зрения, что в отношении большевиков все позволено. По своим убеждениям они примыкали к

эсерам, но были беспартийными. После некоторого обсуждения форм возможной боевой работы Онипко и они пришли к тому заключению, что наиболее целесообразным представляется срезать «большевицкую головку». Они мало дебатировали вопрос, каким способом надо ее срезать. Им представлялось ясным, что наиболее зловредными и важными большевиками являются Ленин и Троцкий. Надо начать именно с них. Весьма быстро они выработали план практичный и вполне реальный. В те дни в Смольном происходила немалая сумятица, и они этим воспользовались. Двое из них поступили на службу в Смольный, двое попали в шоферы.

Скоро ими было выяснено, что почти ежедневно Ленин ездит к своей сестре, которая проживала на Васильевском острове. Здесь он остается некоторое время, иногда ужинает и возвращается обратно в Смольный или к себе на квартиру. Одному из боевиков удалось поступить дворником в тот дом, где проживала сестра Ленина. Наконец, другому боевику посчастливилось: за свою примерную службу и распорядительность его назначили шофером на автомобиль, в котором ездил Ленин.

Одновременно другой ячейкой была сплетена не менее прочная паутина вокруг Троцкого.

Онипко предполагал не убивать Ленина и Троцкого, но изъять их «из употребления» в качестве заложников. Но, как он нам признавался, «мы не задумаемся и перед более решительным изъятием этих вредных лиц».

Боевики хорошо понимали, что изъятие двух лиц вряд ли принесет большие результаты. Но они смотрели на этот акт, как на проявление активности, для того, чтобы поднять настроение населения, запуганного большевиками, чтобы показать, «что есть еще люди, способные дать отпор зазнавшимся большевикам».

Они смотрели на это изъятие, как на первое звено, первый шаг своей деятельности. Ими был подготовлен и практически детально разработан план изъятия «действительно всей большевицкой головки». Для этого в разные отделения Смольного ими были поставлены сотрудники, сумевшие проникнуть в самые затаенные уголки большевицкого центра. Дело оставалось за небольшим.

Нужна была санкция этого, по существу террористического акта, военной комиссией и Центральным комитетом эсеров.

Предполагалось изъять Ленина в первый день Рождества.

Если не ошибаюсь, на другой же день наше постановление было доложено ЦК. Там оно вызвало резкую оппозицию. Кроме двух-трех членов, склонявшихся в нашу сторону, большинство в форме категорической и непререкаемой высказалось против боевой деятельности, против плана, предложенного Онипко.

Это был голос благоразумия.

«Такое выступление с нашей стороны вызовет, не может не вызвать, обратную волну террора со стороны большевиков».

Но не только это. «Важно и то обстоятельство..., что арест или убийство Ленина вызовет такое возмущение среди рабочих и солдат, что это может окончиться всеобщим погромом интеллигенции. Ведь для многих и многих Ленин и Троцкий – популярные вожди. Ведь за ними идут народные массы».

«Разве это не показали последние выборы по Петрограду, когда за Ленина голосовали тысячи человек!!!».

«Террористические акты, – заявил виднейший лидер партии эсеров, с мнением которого особенно считался Центральный комитет, – террористические акты при нынешней обстановке абсурдны и нелепы. Их допустить могут только безумцы. Ведь сейчас в России нет самодержавия и самодержавного полицейского гнета. Если мы допустим террор в отношении большевиков, то это будет преступление, которое нам не простят наши потомки... Это безумие».

Почти единогласно, как это было нам передано в военной комиссии, было решено Центральным комитетом не допускать реализации плана, одобренного нами. Было решено предложить Оникко ликвидировать свою организацию. Правда, последнее решение осложнялось тем обстоятельством, что организация Оникко была, в сущности, беспартийной, но сам Оникко был эсер, входил во фракцию Учредительного собрания и тем самым был подчинен партийной дисциплине.

Конечно, после этого изъятие большевистских лидеров стало невозможным. Но, поскольку мне известно, отголоском этого дела, этого плана было неудачное покушение на Ленина, имевшее место в последних числах декабря. Несколько револьверных пуль, пронизавших автомобильный кузов. Впрочем, точное и детальное описание всего этого эпизода принадлежит будущему. Сейчас это было бы несвоевременным. Участники этого покушения живы, и притом в России.

Решительные дни. Экспедиция заготовления государственных бумаг. По фабрикам и казармам

Эти дни я вспоминаю с удовольствием.

Это были последние дни перед темными годами беспросветного и безнадежного существования, – дни, когда верилось, что, может быть, удастся преодолеть большевизм и остановить его разрушающую силу.

В эти дни, когда все готовилось к борьбе с большевиками, для меня, по крайней мере, не было вопроса о том, кто победит, безнадежна ли предпринятая нами борьба, разумно или нет проливать большевистскую кровь?

В эти дни я был вполне уверен, что мы должны победить, что мы не можем не победить. Ибо самый холодный и спокойный анализ наших и противника сил говорил мне об этом. Да и плох тот борец, что вступает в борьбу неуверенный в своей победе. Было только одно сомнение, одно место, которое мне казалось слабым в нашей позиции, это – те внутренние противоречия, которые существовали в демократии, в частности, в нашей фракции. Противоречия меньше всего политические или программные, противоречия психологические. Ибо столь велика была разность психологии между отдельными членами последней: одни – преисполненные государственности, прошедшие через год работы у государственного аппарата, другие – сохраняющие почему-либо свою прежнюю психологию, к тому же испытывавшие войну.

Разве психологически могло быть что-либо общее между Марком Вишняком,

который в эти дни с таким упоением мог целые часы посвящать докладам о конституции Российской республики, той конституции, которую должно будет утвердить Учредительное собрание, и Онипко, который тщательно избегал Болотной улицы, скрывался по конспиративным квартирам, преисполненный одной только мыслью об активной борьбе с большевиками.

Последние дни перед 5 января проходили как к военной комиссии, так и в комитете защиты в лихорадочной работе. Масса народа постоянно толпилась в приемной комитета на Литейном проспекте. Одни приходили за листовками и т.д., другие – за справками, наконец, немало лиц являлось с весьма конспиративным видом и о чем-то шепталось с ответственными руководителями комитета.

Аналогичная картина наблюдалась и в помещении военной комиссии на Галерной улице. Жизнь начиналась здесь очень рано, и чуть ли не в 7–8 часов утра приходили к нам из разных полков и частей солдаты за газетой, за воззваниями, наконец, со всякого рода конспиративными поручениями. Несколько комнат, занимаемых нами, были постоянно заняты конспираторами, с видом величайших заговорщиков шепотом друг с другом разговаривавшими.

Между военной комиссией и комитетом защиты было установлено единство действия и разработан общий план выступления 5 января. Этот план, детализированный до мельчайших подробностей, сводился к следующему:

Рабочие экспедиции заготовления гос[ударственных] бумаг, настроенные особенно противобольшевиcтски, должны были собраться к определенному часу, если не ошибаюсь, к 8 часам утра на Фонтанке, против здания своей фабрики. Сюда же должны были быть направлены мобилизованные комитетом защиты в Нарвском и Коломенском районах силы. Всю эту группу лиц, которая по самому скромному расчету должна была достигнуть 8–10 тысяч, предполагалось двинуть к помещению, занимаемому броневым дивизионом в одной из рот Измайловского полка. Броневой дивизион был вполне в наших руках, среди офицеров и солдат был произведен тщательный отбор, негодный элемент заранее был отпущен местным комитетом в отпуск. Состав комитета был пополнен некоторыми верными фронтовиками. Число броневых машин, годных к употреблению и способных принять участие в вооруженном выступлении, было восемь или девять.

Демонстрация рабочих экспедиции, пополненная столь внушительной силой, как девять броневых машин, должна была двинуться по Первой роте к Технологическому институту. Против последнего был назначен другой сборный пункт, куда должны были собраться окрестные обыватели, студенты технологи и рабочие Московской части.

Центральным пунктом, особенно важным для всего выступления 5 января, был Семеновский полк. Здесь, в его казармах, рядом с Царскосельским вокзалом, должна была разыгаться одна из главнейших историй этого дня. Предполагалось, что вся демонстрация подойдет к 10 часам утра к Семеновским казармам. Здесь к этому времени должны были быть я, Б. Петров и ряд других членов комиссии. С помощью полкового комитета полк должен был быть построен на площади. Он должен был присоединиться к демонстрации и ее возглавить. В те дни число солдат Семеновского запасного батальона считалось, если не изменяет мне па-

мать, до четырех тысяч человек. По мнению полкового комитета, в вооруженной демонстрации приняло бы участие не менее трех тысяч человек, вооруженных и снабженных пулеметами. Все руководство этой части выступления возлагалось на военную комиссию.

С другой стороны, василеостровские группы демонстрантов, соединившись с выборгскими рабочими, которые частично предполагали принять участие в демонстрации, должны были подойти к казармам Преображенского полка. Если почему-либо им был бы прегражден доступ на Литейном проспекте и они не могли бы выйти к преображенцам, то считалось рациональным направить их по Владимирскому проспекту навстречу первой демонстрации.

Таким образом, даже при самых неблагоприятных условиях выступление должно было быть внушительным по своей силе и многолюдности. Весьма сомнительно, чтобы большевики решились бы преградить путь вооруженным демонстрантам. По частным сведениям, полученным военным комитетом, в случае устрашающих размеров демонстрации большевики склонялись к тому, чтобы 5 января прошло «прилично и мирно». И только впоследствии они предполагали вернуть утраченную позицию.

Конечно, трудно сказать с полной уверенностью, чем бы окончилось это вооруженное выступление, если бы оно состоялось.

Среди нас было немало сомневающихся, как это и вообще характерно для русских, в частности, для русских интеллигентов: сомневаться во всем, а прежде всего в своих силах. Но несомненно, что эти сомневающиеся имели известные основания для своего колебания, ибо они еще были всецело под своеобразным гипнозом октябрьских дней, когда с такой легкостью, точно карточный домик, рассыпалось Временное правительство. Эти сомневающиеся говорили:

«Вот увидите, что ни семеновцы, ни преображенцы, да и вообще никто не выступит на защиту Учредительного собрания. Почему в октябре, кроме женского батальона, юнкеров да гласных городской думы, никто даже не пошевельнулся? Что с тех пор переменялось? И чем Учредительное собрание лучше Временного правительства? Лучше и не стоит затевать это вооруженное выступление, раз нельзя быть вполне уверенным в успехе».

А другие добавляли:

«Сейчас большевизм, точно зараза, захватил народные массы. С этим надо считаться, это надо учесть. Все эти ваши семеновцы и преображенцы – чепуха, авантюра, из которой кроме беды ничего выйти не может. Надо подождать...».

Чего подождать – об этом умалчивалось или говорилось общими фразами.

Конечно, спокойное беспристрастие заставляет нас признать, что за сомневающимися была известная доля правды. Это были дни, когда люди, говорившие утром «да», вечером говорили «нет». Самые, казалось, твердые люди находились в состоянии депрессии и бесконечных сомнений. И, разумеется, безусловной уверенности не могло быть ни в успешности вооруженного выступления, ни в том, что действительно семеновцы и преображенцы выступят 5 января, что они не изменят своему решению в последнюю минуту.

Это я считаю необходимым отметить, дабы избежать упреков, вполне спра-

ведливых, в излишнем оптимизме.

Мои посещения в эти дни заводов и казарм дают немало данных для характеристики этого времени, непосредственно предшествовавшего пятому января.

Экспедиция заготовления государственных бумаг. В большом театральном зале полным-полно. Настолько полно, что многие принуждены стоять в коридоре. По приблизительному подсчету на собрании свыше 4000 человек. Это очень много, это есть показатель, что рабочие экспедиции интересуются этим собранием. Вопросом основным, который дискусируется рабочими, является вопрос о большевизме, об Учредительном собрании и о защите последнего.

Настроение единодушно антибольшевистское. Большевистским ораторам не дают говорить, их прерывают, угрожают расправиться.

Раздаются возгласы:

«Вам мало того, что свергли Временное правительство. Теперь хотите расправиться с Учредительным собранием. Сколько лет его ждали, наконец-то дождались. Дорвались, небось, до власти – понравилось. Да здравствует Учредительное собрание!».

И тут же рядом в воздухе: «Да здравствуют Советы!».

Но Советы не большевистские, а «свои», «собственные».

И это единодушное настроение кажется искренним. И не только кажется, оно и было в действительности таковым, так как издавна экспедиция славится у большевиков как гнездо мелкой буржуазии и контрреволюции.

И в той же экспедиции происходит митинг 6 января. Уже в верхнем зале, столь же многоядный, еще более бурный. Но прежнего настроения уже нет. Большевистские ораторы выслушиваются внимательно, хотя утрово и молча. Ведь большевики победители, а демократия побежденная. Притом побежденная в условиях, которые кажутся рабочим непонятными и дикими. Сдача позиций почти без боя.

И в психологии рядового рабочего невольно возникает мысль: если так легко досталась победа большевикам, то не значит ли это, что за ними есть известная доля правды?

И теперь среди рабочих экспедиции я уже не мог заметить ни возмущения большевиками, столь резко и ярко выраженного до 5 января, ни того поклонения перед демократией и идеей Учредительного собрания, которое было характерно для этого фабричного центра.

Франко-русский завод был еще до войны местом, в котором гнездились большевики. После октябрьской революции немало франко-русцев заняло ответственные, хотя и второстепенные посты. И общее настроение рабочих франко-русцев было далеко не благоприятным для Временного правительства. Несмотря на это, даже они были перед пятым января в некоторой нерешительности.

Митинг незадолго перед пятым января. Почти все рабочие присутствуют. Председательствует большевик Смирнов. Весьма ярый, энергичный и смелый.

«Товарищи, мы стоим перед необходимостью, перед возможностью разогнать это Учредительное собрание, ибо – это уже видно – оно насквозь пропитано буржуазными предрассудками и тяготеет к контрреволюции».

«Нет, товарищи-большевики. Вы это сделать не сможете. Это неправильно. Ибо вы нарушаете прерогативы всего народа, который избрал это Всероссийское собрание. Если вы так поступите, то помните, вам этого насилия никогда не простит русский народ, русский пролетариат», – отвечает Смирнову небезызвестный максималист, рабочий Шмаков.

И видно, что большинство, несомненное и подавляющее, на стороне этого последнего. Не сочувствуя Временному правительству, не тяготея особенно к демократии, франко-руссы, тем не менее, против незаконных поступков большевиков.

И на том же Франко-русском заводе митинг шестого января.

Говорит Зиновьев. Говорит о том, почему «пролетарская власть» была принуждена разогнать «мелкобуржуазную Учредилку».

И сам Зиновьев встречается рабочими как победитель. А его речи, демагогически-грубые, принимаются с энтузиазмом. И рабочие, самые умеренные, между собой толкуют:

«Ведь никто, собственно, не разогнал Учредилку, она разошлась сама собой. Не много понадобилось большевикам, чтобы с нею справиться».

Измайловский полк принадлежал к числу тех воинских частей, которые долго не могли решить, за кем они пойдут: за большевиками или против них. И агитаторы большевики постоянно и в большом количестве посещали этот полк, в котором они принимались то сочувственно, то безразлично. За несколько дней до пятого января имел место в кинематографе полка грандиозный полковой митинг. Со стороны большевиков выступали Крыленко, Пятаков, с нашей стороны – Фортунатов, кажется, Вольский и я. Большевистских ораторов солдаты встречали весьма сочувственно и одобряли их выкрики, направленные по адресу «империалистической войны», «Антанты», «Клемансо», «буржуазного Временного правительства» и т.д. Но лишь оратор касался вопроса об Учредительном собрании (нужно отметить, что по директивам сверху в эти дни большевистскими агитаторами повсюду и весьма энергично подготовлялась почва для разгона Учредительного собрания), сейчас же толпа его прерывала бурными и всегда единодушными возгласами.

«Не смей, не тронь, пушай будут и Советы и Учредительное собрание. Зря что ли избирали депутатов?..».

Видимо, идея о необходимости Учредительного собрания запала до известной степени в душу солдатскую, солдатам казалось, – так логически вытекало, – что только Учредительное собрание может им дать и настоящий мир, и настоящую землю. И само Учредительное собрание представлялось им своего рода сфинксом, значение и силу которого они преувеличивали. И когда пятого января этот сфинкс так легко и грубо, а главное безнаказанно, был разрушен большевиками, то солдатскую душу постигло жестокое разочарование. И можно ли их – солдат – обвинять за то, что шестого января на повсеместных митингах, устроенных большевиками, они аплодировали победителям, которые так легко вышли из борьбы с этим сфинксом. Ведь все происходившее преломлялось в солдатской душе по-своему, весьма примитивно и наивно... Да и помимо прочего, бо-

лее всего им было близко положение: «победителя не судят».

И шестого января на митинге в Измайловском полку я был очевидцем торжества большевиков. Их встречали с энтузиазмом, провожали долгими и продолжительными аплодисментами каждого из ораторов. Со стороны оппозиции никто не выступал. Да, впрочем, если бы и захотел выступить, ему не дали бы говорить.

Того же шестого января мне удалось быть на митинге в Преображенском полку. О симпатиях и настроениях преображенцев я уже говорил. Среди солдат этого полка у меня было много друзей, много учеников. В этот вечер они смущенно меня окружили и с недоумением меня спрашивали:

«Как же быть? Что теперь делать? Кто даст теперь народу мир? Кто ему даст землю? Почему никто не защищал Учредительное собрание?».

И те же самые преображенцы, которые 2 января не дали произнести ни одного слова большевику Пятакову, теперь с растерянной молчаливостью выслушивали длинные и дипломатические рассуждения большевиков.

Преображенцы были выбиты из колеи. Они ничего не понимали, не могли понять. За кем им теперь идти, кому поклоняться? Более других были смущены члены полкового комитета. Они растерянно меня все спрашивали: «Посоветуйте, что теперь говорить солдатам? Как им объяснить столь легкую победу большевиков?».

Третьего января приехал в Семеновский полк сам Крыленко. Приехал он, чтобы подготовить почву для предстоящего разгона Учредительного собрания, чтобы рассеять ту, как он выражался, «тяжелую атмосферу контрреволюции, которая заполняет эти казармы». Но вместо триумфа, к которому он так привык, его ожидало поражение.

И в том же полку после 5 января.

Смущенные, раздосадованные, злые на всю интеллигенцию, а больше всего на нас, которые им столько говорили о необходимости для России и для русского народа Учредительного собрания и которые дальше слов не пошли. В глазах семеновцев мы «струсили», «пошли на попятный». И когда мне пришлось раза два после 5 января посетить казармы Семеновского полка, столь мне знакомые, то встречали меня молча, еле роняя слова, словно я был предателем или изменником.

То, что казалось там, «на верху партии», величайшей целесообразностью и необходимостью, то на самых низах народных простыми и серыми солдатами было учтено как величайшая слабость, как неумение и нежелание бороться. И мне думается, что в разладе между интеллигенцией и народными массами день 5 января сыграл еще худшую роль, чем октябрьская революция.

Наконец, еще одно воспоминание, по-своему яркое и интересное.

Нам было сообщено, что большевики хотят обязательно вывести на улицу для демонстрации против Учредительного собрания моряков I и II балтийских экипажей. Среди матросов II экипажа была у нас небольшая организация, и даже председатель экипажного комитета Сафронов, интеллигентный матрос, стоял горой за нас.

Мы решили устроить 3 января экипажное собрание. Было оно многолюдным.

После речей, весьма проникновенных, Слонима, Сафронова и других какой-то матрос-энтузиаст вскочил на эстраду и закричал:

«Братцы, товарищи, поклянемтесь, что не пойдём против народного собрания...».

«Клянемся...».

«На колени, товарищи, на колени!».

И вся эта многотысячная толпа матросов становится на колени и кричит:

«Клянемся не идти против Учредительного собрания».

Именно – «не идти против». О том, чтобы идти за Учредительное собрание, они даже не думали. Их энтузиазма, их волеизъявления хватило только на то, чтобы быть пассивными.

Мы, впрочем, были довольны и этим, ибо балтийцы не только сдержали свою клятву и не вышли 5 января на улицу, но и склонили I балтийский экипаж последовать их примеру.

Матросы не избежали общей участи. Разгон Учредительного собрания на них подействовал тягостно. И вместо того, чтобы негодовать на тех, кто посягнул на народных избранников, вместо возмущения поведением большевиков, матросы, как и прочие солдаты, аплодировали победителям и осуждали побежденных.

Жизнь фракции. Законным путем. Разочарования и сомнения. Левые эсеры

В то время, как в военной комиссии и в комитете защиты шла интенсивная работа, участие в которой принимало не более 8–10 членов Учредительного собрания, в это время жизнь фракции текла своим, довольно мирным чередом.

Ежедневно, как это уже было мною сказано, происходили заседания комиссии или пленума, совещания с другими оппозиционными фракциями, приемы делегаций и депутатий. Все шло так же, как и в первые дни декабря, лишь больше было съехавшихся депутатов, продолжительней и бурнее шли заседания и сложнее и темнее казалась общая политическая обстановка.

Фракция по-прежнему стояла за неучастие свое во внепарламентской борьбе за Учредительное собрание. В конце декабря пленуму был доложен план военной комиссии и комитета защиты – выступить вооруженно против большевиков. К этому проекту большинство фракции, особенно ее руководящие персонажи, отнеслось недоверчиво и отрицательно.

В итоге и к первым числам января позиция фракции осталась прежней: если хотят нас защищать – пусть защищают, это не только право, но и долг наших избирателей. Долг народный. И в отношении проекта вооруженного выступления установилась идентичная точка зрения: мы не возражаем против такого выступления, но непосредственного участия в нем принимать не будем. Не будем и не можем.

Мною было уже указано, что большинство фракции было преисполнено сугубым парламентаризмом. Но, помимо того, отношение этого большинства к большевикам, к советской власти, наконец, к Учредительному собранию базиро-

валось на своеобразной идеологии. Глубоко веря в правильность исповедуемых ими демократических принципов и видя в Учредительном собрании необходимое и обязательнейшее учреждение, при посредстве которого эти принципы могут быть реализованы наилучшим образом, они невольно придавали идеалистический оттенок всему тому, что было связано с Учредительным собранием и с идеей его. Подобно тому как монархисты считали особу государя священной, так и демократы, в частности депутаты, видели в Учредительном собрании нечто священное, посягательство на которое они не могли иначе расценивать, как преступление недопустимое, чуть ли не кошмарное. И вполне логически отсюда вытекало, что их психология не хотела, не могла допустить, не могла даже предположить о возможности такого преступления, о том, что мог кто-нибудь наложить свою дерзновенную руку на дорогое им Всероссийское народное собрание.

Сколько раз и из уст самых различных по темпераменту товарищей своих по фракции, как впрочем и от представителей других фракций, мне приходилось слышать:

«Вы говорите, что большевики хотят разогнать Учредительное собрание... С трудом в это верится. Ведь это логическая несообразность. Разве не сами же большевики все эти последние месяцы кричали о том, что необходимо созвать как можно скорее Учредительное собрание...».

«С трудом верится, – говорил как-то Церетели, – чтобы большевики осмелились разогнать Учредительное собрание. Им ни народ, ни история этого не простили бы. Десятилетия вся передовая российская интеллигенция стремилась к осуществлению своей идеи. Это было лозунгом не только наших либералов, но прежде всего революционеров. Я убежден, что большевики только пугают, чтобы сделать оппозицию более уступчивой...».

И это говорил один из наиболее реалистически настроенных депутатов.

Правда, что чем ближе к пятому января, тем более зловещими казались сведения, получаемые во фракции из большевистских сфер. Это были уже не слухи. Более, чем слухи, – это были факты. Во фракции стало известно, что большевики решили не стесняться с Учредительным собранием, если только последнее не подчинится окончательно и безоговорочно большевистскому правительству, большевистской программе. Несмотря на всю достоверность этих сведений, оппозиционные фракции, в частности эсеровская, не сочли нужным, не сочли возможным сойти с занятой ими позиции, которую я охарактеризовал как сугубо-парламентарскую.

Быть может, было уже и поздно.

Несколько штрихов, которые врезались в мою память и которые лучше всего иллюстрируют настроения, царившие в эти дни во фракции:

С первых же дней существования фракции обрисовалось совершенно ясное отношение к большевистской власти, обрисовалось как безусловно отрицательное. Был выдвинут лозунг:

«Ни в какие переговоры, ни в какие сношения не вступать с большевиками. Ибо они узурпаторы. Ибо они предатели.»

Но вскоре – это было в середине декабря – жизнь поставила фракцию лицом

перед печальной действительностью: ведь как-никак реальная власть была в руках у большевиков, а последние в лице Урицкого заявили в официальном порядке: лишь те депутаты будут признаны таковыми и будут допущены в Таврический дворец, которые зарегистрируются у него, у Урицкого, и получат соответственный (если не ошибаюсь – красный) билет, билет за подписью самого Урицкого, со штампом большевистской комендатуры. Это объявление вызвало длинные дискуссии во фракции. Вопрос был поставлен на принципиальную точку зрения. «Допустимо ли, чтобы мы, народные избранники, подчинились этой, по существу, самовольной регистрации? И не будет ли это полупризнанием с нашей стороны того, что большевики все-таки какая ни на есть власть?».

Как бы то ни было, все мы получили билеты за подписью комиссара Урицкого...

Встреча Нового года.

Душные комнаты в гимназии Гуревича. Скверно освещенные и пропитанные табачным дымом. Говорятся речи, соответствующие моменту... Говорят Чернов, Пумпянский и многие другие, имена которых стерлись в моей памяти. И хотя речи красивые, проникнутые верой в светлое будущее, в победу идеалов, хотя все они не лишены оптимизма, но в них нет одного – того, что особенно было необходимо в эти дни: *дерзости, подлинного революционного активизма, бодрости*, которой ничего не страшно.

Я не знаю, с каким чувством уходили из гимназии Гуревича мои товарищи. Вероятно, – во всяком случае большинство из них – чувствовало так же, как и я.

Мне же было очень тяжело, тяжелее, чем в каком-либо другом из собраний этого времени.

Я говорил уже, что одной из важнейших комиссий во фракции была комиссия первого дня. По существу эта комиссия должна была все предусмотреть, обо всем подумать. Что делать, если большевики не пойдут на смешанный президиум? Как поступить, если большевики не будут давать говорить оппозиционным ораторам? Что, наконец, делать, если они будут разгонять непослушных депутатов? Эти и им подобные вопросы становились перед комиссией, и она должна была их разрешить. По-своему это она и попыталась сделать.

В том, как обсуждался порядок дня первого Всероссийского Учредительного собрания, в его схеме, начертанной комиссией, в проектах речей было одно общее, что больше всего бросалось в глаза, – это желание удержать Учредительное собрание на елико возможной высоте. Не дать его уронить в глазах народных. Не позволить втоптать великую идею, великое учреждение в грязь.

Что же предполагалось для этого сделать? Что хотели противопоставить большевистским посягательствам на священность Учредительного собрания?

Большинство мер, предложенных и принятых комиссией, по-своему рациональны, но... если бы дело шло о парламентском заседании в какой-нибудь культурной стране и если бы противником был кто-нибудь другой, а не большевистское, ничего не стесняющееся правительство.

Были выбраны особые старосты-руководители, по знаку которых должно было идти голосование. Предусматривалась шумная оппозиция, и знаки соглас-

но этому были особые, немые.

Прошли слухи, не вполне достоверные, что большевики хотят в самом начале заседания перерезать провода и потушить свет в зале заседания. И на этот случай предусмотрительно комиссия распорядилась, чтобы мы запаслись свечами.

Было предусмотрено долгое ночное заседание, возможность оставления большевиками нас без еды. И на этот случай было поручено Слетовой приготовить несколько сотен (быть может, тысяч) бутербродов.

«А если большевистские наймиты по приказу своих лидеров решатся на насилие? Что если будут нас избивать или, быть может, убивать?» – предлагался вопрос многими из нас нашим лидерам, нашим старостам-руководителям.

И на этот вопрос был нами получен ответ определенный и ясный, лучше всего характеризовавший фракционную идеологию:

«Мы должны помнить, что мы – народные избранники. Мы должны высоко держать знамя Учредительного собрания. И если большевики решатся на насилие, мы должны быть готовы на то, чтобы пожертвовать нашей жизнью».

«Товарищи, только держитесь в этом случае все вместе. Все-таки будет легче».

Почему-то, – признаюсь откровенно, мне это не вполне понятно, – считалось чрезвычайно важным провести непременно до разгона Учредительного собрания, в случае, если последнее будет иметь место, через пленум все те основные законы, которые были выработаны во всех многочисленных комиссиях фракции. Закон о конституции, закон о земле и т.д. Мы, иначе говоря фракция, были под гипнозом, – я не могу этого определить другим словом, – того, что проведение основных законов через Учредительное собрание разрешает запутанное общее положение и что это для блага российского народа более, чем существенно. И благодаря этому гипнозу, внушенному нам нашими законниками, мы совершенно забывали действительность.

Забывали, что власть принадлежит большевикам. Забывали о том, кто такие большевики. Забывали о том, что в этом спешном проведении основных законов есть источник для оспаривания законности этих последних. Как бы то ни было, но разработанный комиссией план был и импозантным, и не лишенным красоты. Ибо кристаллизация его должна была происходить вокруг великой идеи народоправства и подчеркнуть «священность Учредительного собрания».

Увы, большевики противопоставили плану комиссии и стройной защите Учредительного собрания злую гримасу над последним, беззастенчиво проведенную ими.

В предыдущих главах мною была обрисована деятельность тех организаций, которые приняли на себя защиту Учредительного собрания. Мною было отмечено, что эти организации пришли к необходимости вооруженной демонстрации в день созыва Учредительного собрания и проявлению наибольшей активности в этом направлении. Я указывал также и на то, что к первым числам января эти приготовления были до известной степени закончены, что план выступления был детально разработан и что дело стояло лишь за немногим: за санкцией этого выступления Центральным комитетом.

Мы, – я говорю о военной комиссии, – нисколько не сомневались в положительном отношении к нашему плану действия со стороны ЦК. И тем больше было разочарование... Третьего января на заседании воен[ной] к[омиссии] нам было сообщено о состоявшемся постановлении нашего Центрального комитета. *Этим постановлением категорически запрещалось вооруженное выступление как несвоевременное и ненадежное деяние.* Рекомендовалась мирная демонстрация, причем предлагалось, чтобы солдаты и прочие воинские чины приняли участие в демонстрации невооруженными, «во избежание ненужного кровопролития».

Мотивы этого постановления, видимо, были довольно разнообразны. Нам, непосвященным, сообщили о них в значительно сокращенном виде. Во всяком случае, это постановление было продиктовано самым лучшим намерением.

Во-первых, боязнь гражданской войны или, точнее, братоубийства. Именно Чернову принадлежит знаменитое изречение, «что мы не должны пролить ни одной капли народной крови».

«А большевики? – его спросили – можно ли проливать кровь большевиков?».

«Большевики – тот же народ».

Вооруженная борьба с большевиками в это время рассматривалась как действительное братоубийство, как борьба нежелательная.

Во-вторых, на памяти у многих были неудачи московского и петроградского вооруженных выступлений на защиту Временного правительства. Эти выступления показали бессилие и неорганизованность демократии. Отсюда происходила своего рода боязнь перед новыми вооруженными выступлениями, неуверенность в своих силах, более того, убежденность в заведомом неуспехе такого рода выступления.

В-третьих, безусловно господствовало то настроение, о котором я говорил в начале этой статьи. Пропитанное фатализмом убеждение о всеисильности большевизма, о том, что большевизм – это есть явление народное, которое захватывает все более и более широкие круги народных масс.

«Надо дать *изжить большевизм*».

«Дайте большевизму изжить самого себя».

Вот лозунг, выдвинутый именно в это время, и, думается мне, он сыграл довольно печальную роль в истории противобольшевистской борьбы. Ибо лозунг этот знаменует собой пассивную политику.

Наконец, *в-четвертых*, был все тот же идеализм, основанный на вере в торжество демократических принципов, на вере в волю народа.

Итак, мы стояли перед запрещением вооруженного выступления. Это запрещение застало нас врасплох. Сообщенное же в пленуме военной комиссии, оно породило немало недоразумений и недовольства. Кажется, удалось в самую последнюю минуту предупредить о нашем перерешении комитет защиты. Им, в свою очередь, были приняты спешные шаги и изменены сборные пункты. Больше всего волнения пришлось испытать семеновцам.

Борис Петров и я посетили полк, чтобы доложить его руководителям о том, что вооруженная демонстрация отменяется и что их просят «прийти на манифестацию безоружными, дабы не пролилась кровь».

Вторая половина предложения вызвала у них бурю негодования.

«Что вы, смеетесь, что ли, над нами, товарищи? Вы приглашаете нас на демонстрацию, но велите не брать с собой оружия. А большевики? Разве они малые дети? Ведь будут, небось, непременно стрелять в безоружных людей. Что же мы, разинув рты, должны будем им подставлять наши головы, или же прикажете нам улепетывать тогда, как зайцам?».

Мы их успокаивали.

«Товарищи... Боязнь пролить народную кровь... Мы не имеем права вас втягивать в гражданскую войну... Наши вожди говорят...».

Но их было нелегко успокоить.

«Да что вы, товарищи, в самом деле, смеетесь, что ли, над нами? Или шутки шутите?.. Мы не малые дети и, если бы пошли сражаться с большевиками, то делали бы это вполне сознательно... А кровь... Крови, может быть, и не пролилось бы, если бы мы вышли целым полком вооруженные».

Долго мы говорили с семеновцами, и чем больше мы говорили, тем становилось яснее, что отказ наш от вооруженного выступления воздвиг между ними и нами глухую стену взаимного непонимания.

«Интеллигенты... Мудрят, сами не зная что. Сейчас видно, что между ними нет людей военных».

И несмотря на продолжительные увещания, в этот вечер семеновцы отказались отстаивать издававшуюся нами газету «Серая шинель».

«Не к чему. Все равно ее прикроют. Одна только канитель».

В заключение этой главы мне хочется сказать несколько слов о той весьма некрасивой роли, которую играла так называемая партия левых эсеров в защите Учредительного собрания.

Их позиция была, как известно, противобольшевистствующая, а по существу они в этот период довольно энергично поддерживали большевиков, пользуясь за то от последних всякого рода привилегиями и почетом. Но в то же время они поддерживали отношения и с оппозиционными партиями, в частности, с правыми эсерами. Делали они это под благовидным предлогом своих антипатий к воинствующему коммунизму.

В действительности же оказывались они передатчиками и соглядатаями большевистской партии.

Так, например, несколько раз мне пришлось встретить на Болотной улице одного молодого и весьма шустрого левого эсера, небезызвестного своими неудачными философствованиями, который довольно внимательно прислушивался ко всему тому, что говорилось во фракции.

Не менее незавидной их роль была в рабочих районах Петрограда. Здесь они, с одной стороны, разлагали противобольшевистские элементы, внушая рабочим необходимость покончить с буржуазными социалистами, а с другой, они не порывали связи с последними, посещали кое-где их районные комитеты и добросовестным образом обо всем передавали большевикам.

Да, своеобразна, весьма своеобразна была роль левых эсеров в защите Учредительного собрания.

Пятое января

С утра на улицах Петрограда собирались группы народа.

Были эти группы неопределенны по своему составу: чиновники, рабочие, студенты и просто обыватели и интеллигенты.

Собирались вяло. Немного робко. Без энтузиазма, сколь-нибудь заметного. Не чувствовалось, во всяком случае, гнева народного. Недовольство было пассивное и злое.

На Рижском проспекте я встретил демонстрацию рабочих экспедиции. Много мужчин. Немало женщин. Даже несколько детей. Растянулись они тонкой цепью и с пением нескладным революционных песен шли по направлению к Технологическому институту. Впереди несли несколько флагов. Флаги были красные, с надписями известными:

«Да здравствует Всероссийское Учредительное собрание!».

«Да здравствует народоправство!».

«Земля и воля».

Я присоединился к манифестации, вмешавшись в их среду.

Разговоры манифестантов были невеселые, ибо знали они, что вооруженная демонстрация отменена.

«Идем, точно бараны. Все равно разгонят эти подлецы большевики».

По пути к манифестации присоединялись небольшие группы рабочих и обывателей. Некоторые из них были со значками: организованные манифестанты. Другие – просто обыватели, нерешительно жались по бокам манифестации, словно оставляя себе пути отступления открытыми.

Кое-где нам встречались одиночные красные солдаты, с ног до головы вооруженные. Манифестанты провожали их гневными возгласами, криками: «Предатели».

На Первой роте против казарм Петроградского полка стояла большая группа солдат. Видимо ждали, предупрежденные о проходе здесь «контрреволюционной» демонстрации. Ругань самая площадная, российская, обрушилась на наши головы.

«Буржуи проклятые, куда собралась идти?».

«Вот задаст вам Ленин, будете знать».

«Контрреволюционеры. Прислужники Антанты...».

И многое другое из лексикона, столь известного в то время.

Кое-кто из солдат угрожал ружьями, но своими же сотоварищами был останавливаем.

Встреча с большевиками-солдатами была единственной в этом районе, которая на некоторое время нарушила мирное шествие манифестантов.

Далее, до самого Невского проспекта, мы шли беспрепятственно. Два-три красногвардейских патруля прошли мимо нас, не обратив на нас внимания.

Когда манифестация поравнялась с казармами Семеновского полка, оттуда высыпало несколько сот солдат, большинство не одетых и без шапок и шинелей. Они провожали нас сочувственными напутствиями и ироническими добродуш-

ными пожеланиями:

«Подай вам Бог удачи. Разбейте большевиков».

«Берите в плен самого Ленина».

«Смотрите, защищайте хорошо Учредительное собрание».

Рабочие-манифестанты зовут идти за собой семеновцев. Те отмахиваются, пожимают плечами, смеются.

«Не велено! Запрещено!».

Впрочем, несколько десятков солдат присоединилось к демонстрации, затеявшись в ней.

В это время на Невском проспекте было уже полно. Десятки тысяч демонстрантов и просто любопытных непроходимой массой заполнили часть Невского и начало Литейного проспекта.

Но все попытки толпы пройти по Литейному проспекту были неудачны. Они разбивались о вооруженное сопротивление красных патрулей.

Громче и сильнее раздавался рокот толпы.

Постепенно, медленно, минута за минутой, рождался гнев народный. Тот самый гнев, который разрушает троны, свергает правительства, создает новые формы.

Сильнее и громче раздавались возгласы.

«Долой большевиков».

«Долой советское правительство».

«Да здравствует Учредительное собрание!».

Все сильнее и сильнее напирал задний ряд. Все смущеннее чувствуют себя красные матросы, постепенно отодвигаясь под натиском толпы вглубь по Литейному проспекту.

На Пантелеймоновской улице, прорвав тонкую цепь красноармейцев, демонстранты, – в числе их было немало выборщев-рабочих, – густо лавиной заполнили проспект.

Раздались выстрелы. Недружные и немногочисленные. Испуганная, взволнованная толпа побежала обратно, оставив на панели и на мостовой несколько раненых и убитых.

Снова качнулась толпа. Закричала. Застонала возмущенная. И люди точками различными кинулись вперед, точно покатались, перегоняя друг друга, выкрикивая слова незнакомые, близкие:

«Дол...ой... Боль...шевиков... Бей... Да здра...».

Где-то затрещал пулемет. Быть может, и не пулемет... Снова схлынула толпа.

Бегут люди. Останавливаются. Спорят друг с другом. Слова бессильного гнева.

«Их много. Пулеметы. Ружья. Мы... нет даже револьвера. Где бы достать? Где бы достать?».

Смешно, нелепо. Хотят невозможного.

Я пробираюсь с трудом сквозь толпу. Подхожу к красному патрулю. Разношерстные солдаты, обвитые пулеметными лентами, в серых, небрежно одетых шинелях, штатские с красными повязками и изящные, точно разодетые крон-

штадтские матросы. Все это сбилось в один клубок, оцетинившийся, как разъяренный еж.

У крыльца на тротуаре лежит студент. Лица не видно. Сбоку, точно всеми забытое, брошено знамя, нескладно свернутое и изорванное. Остались отдельные буквы, все те же, знакомые:

«Да... з...ву... Уч... е...».

Старушка, старенькая-престаренькая, шамкая и забывая слова, грозитя красногвардейцам:

«Креста на вас нет, проклятые. Душегубы».

Я подхожу к большевистскому патрулю. Прошу меня пропустить в сторону Таврического дворца.

«С какой стати, гражданин?».

«Я – член Учредительного собрания».

Спросили билет. Пропустили беспрепятственно.

Чем ближе к Таврическому дворцу, тем меньше народа. Попадают группы красногвардейцев, многолюдные, вооруженные с ног до головы.

У ворот Таврического дворца – толпа обывателей и зевак. Большой отряд красногвардейцев, который контролирует лиц, проходящих внутрь дворца.

Снова показал билет, подписанный Урицким. Тяжелые двери отворились, и я, народный избранник, наконец здесь, где будут решаться судьбы русского народа, судьбы, уже предрешенные и предначертанные злой историей.

Общее впечатление, которое у меня осталось от этого утра, проведенного в среде демонстрантов, создало во мне уверенность, что, будь выступление вооруженным, демонстрантам, несомненно, удалось бы проникнуть до самого Таврического дворца. В этом меня убеждает не только растерянность, царившая среди красных отрядов, но и те сведения, которые мне впоследствии в кулуарах Таврического дворца удалось почерпнуть из большевистских источников. Безусловно, большевики боялись серьезного вооруженного столкновения, связанного с именем Учредительного собрания. В это время они не чувствовали себя достаточно сильными, учитывая ту пассивность сочувствовавших им рабочих и солдатских масс, о которой я говорил выше.

Качество и количество вооруженной массы, стоявшей на их стороне, было лишь достаточным, чтобы сдержать и разогнать мирную демонстрацию. Но не более. Таково было и мнение большевика Пятакова, стоявшего довольно близко к Смольному. Таково было впечатление и некоторых моих коллег по фракции.

Из кого состояла манифестация? Достаточно ли был в ней велик подъем и как согласовать последний с той пассивностью и индифферентизмом, которые проявлялись интеллигенцией и обывателем в отношении Учредительного собрания? Несомненно, что подъем и настроение, оппозиционные манифестации, были довольно значительны, особенно после расстрелов, произведенных красногвардейцами. Рядовой обыватель, который утром колебался еще – примкнуть ему или нет к демонстрантам, теперь составил наиболее активное ядро последних.

Конечно, трудно предполагать, что большинство демонстрантов было на стороне Учредительного собрания. Более чем вероятно, что только незначитель-

ная часть демонстрировавших была подлинными сторонниками последнего. Но другое чувство, кроме любви к демократическому Учредительному собранию, владело толпой: *это была ненависть к большевикам*. Ненависть, вскормленная за двухмесячное их управление страной. Обыватель петроградец, в широком смысле этого слова, готов был всколыхнуться от своей пассивности и пойти даже за Учредительное собрание, если последнее найдет в себе достаточно сил, чтобы свергнуть большевистское правительство. В эти дни петроградец возлагал еще надежды на демократию, готов был пойти за ней – «постольку-поскольку» – и строил некоторые иллюзии насчет силы и мощи правого сектора Учредительного собрания.

Мы не сумели использовать настроение петроградцев. Мы не сумели возглавить это противобольшевистское движение.

Пятое января, принесся нам поражение в стенах Таврического дворца, вместе с тем вызвало в рядах петроградцев новое разочарование в российской демократии.

Побежденные редко внушают симпатии. Тем более, когда пораженные оказываются в смешном положении.

Неуютно и мрачно в кулуарах дворца.

Бродит несколько иностранных корреспондентов. Бродим мы, депутаты большинства, бродят многочисленные красногвардейцы и матросы, зевающие и скучающие.

Открытие Учредительного собрания все откладывается и откладывается.

Большевики заседают. Говорят, ждут результатов демонстрации. Победят манифестанты – придется говорить одним языком. Победят красные – тогда будет язык другой. Язык твердый, решительный, тогда не придется стесняться с «контрреволюционными» социалистами.

Заседают и левые эсеры. Их депутаты беспрестанно информируются в большевистской фракции.

Заседаем и мы. Но что же мы можем сделать? Мы, которые составляем большинство народных избранников и которые не имеем даже достаточно силы, чтобы проникнуть в большой зал заседаний без разрешения большевиков. Ведь у дверей белого зала стоят вооруженные матросы.

Мы обсуждаем положение.

«Мы должны открыть заседание без большевистской фракции... Но больше ждать невозможно. Мы их должны предупредить».

Бесполезные попытки. Не слушаются, смеются. «Начнем заседание тогда, – говорят, – когда Ленин прикажет. Пока сидите смирно».

«Безобразия. Позор. Надо предпринять решительные меры».

Но что мы можем сделать?

Вся галерея полна «приглашенных». Гости это особенные, пришедшие по пригласительным билетам большевистского коменданта.

Все большевистское дно здесь налицо. Рабочие, вооруженные кронштадтцы, вооруженные солдаты различных полков, с красными звездами и также вооруженные красногвардейцы. Вся эта пестрая толпа шумит, грохочет, слоняясь из

буфета в буфет.

Только к вечеру большевики окончили свое фракционное заседание. Сведения к этому времени, ими полученные из города, были для них более, чем утешительные. Демонстрация разогнана. Полки не выступили. Обыватель мирно разошелся по домам. Несколько десятков раненых и убитых это – пустяки, о которых не стоит говорить.

Положение ясное и определенное: можно и должно разговаривать с эсерами языком суровым и крепким. Должно и можно распустить Учредительное собрание.

Мы кончаем тоже заседание. Нами получены сведения, что большевиками решен разгон Учредительного собрания. Мы должны защищать ЕГО! Но как, каким образом? *Что можем мы сделать?*

«Товарищи, в зал заседаний, другая фракция уже там».

«Товарищи, – говорят наши старосты, – только держитесь вместе. Будут избивать-убивать, все же будет легче».

И мы с чувством обреченных, мы – народные избранники, идеализировавшие ЕГО, входим в зал.

Нас встречает хохотом, диким свистом и руганью полупьяная галерка.

Так состоялось открытие Всероссийского Учредительного собрания.

Справа в одной из лож сидит Ленин. Он положил свою голову на руки, и издали кажется, что он спит. Видна только большая, круглая и блестящая лысая голова.

Говорит Церетели... Шум, гам, наведенные винтовки.

Говорит Чернов... Говорят многие другие. И речи всех ораторов текут в безудержном шуме, в хаосе диких звуков, которые рождает галерка. И от этого все речи, даже самые красивые, самые честные и благородные, кажутся ненужными, беспомощно-жалкими.

Хохот, пьяный хохот господствует над всем. И только тогда, когда всходят на кафедру большевистские депутаты, бурными аплодисментами приветствует их галерка.

А мы... молчим. *Что же еще можем мы сделать?*

Далеко за полночь.

На кафедре В.М. Чернов, председатель собрания. Читает декларацию. Читает он ее быстро, спеша, неразборчиво. Поминутно его прерывает возгласами галерка, уже уставшая и полусонная. Большевистская фракция уже давно покинула зал заседания, и за ней последовало и большинство левых эсеров.

Зато многие из гостей, большей частью матросы, спустились из верхних лож вниз в зал заседаний. И бесцеремонно, точно это в порядке вещей, заняли депутатские места. Громко между собою переговариваются, шутят и нещадно курят. И тут же мы – беспомощные свидетели поругания великой идеи – в порядке спешности проводим один законопроект за другим. Голосуем молча. Без возражений.

Только бы успеть.

Ползут зловещие слухи, которые мы передаем друг другу шепотом.

Говорят, сейчас будет потушено электричество и начнут избивать. Пусть...

Мы пострадаем ради народа! Ради наших идей...

Я поднимаюсь наверх. Большинство гостей спит или дремлет, не выпуская из рук своих винтовок.

Кое-кто из них, зевая, ворчит.

«Скоро ли? Пора кончать. Надо разогнать этих буржуев».

«Терпение, товарищи. Ждите распоряжений».

Внизу волнение.

Матрос Железняк подходит к В. Чернову и что-то ему говорит вполголоса.

Нам не слышно. Но видим мы волнение нашего председателя. Встаем с мест. Зал заседания наполняется матросами и солдатами. Шум. Гам.

Наконец, все кончено... Законопроекты все приняты. И под иронические возгласы матросов мы – народные избранники – слитной единой массой покидаем Белый зал.

Позади осталось пятое января. Неудовлетворенная вера в силу нашей правды. Впереди – долгие годы борьбы, неуспешной, во имя той же правды.

На другой день повсеместно в районах, на заводах и в казармах были митинги. Организовало их большевистское правительство, большевистская партия. Митинги были многолюдны и единодушны. Выступали лишь большевистские ораторы. Нигде не было видно оппозиции, не было видно депутатов большинства. С трудом мне удалось говорить на Галерном острове, возражая Зиновьеву.

Меня слушали небрежно. С досадой. Ведь мы были побежденные.

Победителей не судят.

В примитивном уме народа-толпы логика сказала:

«Никто не защищал Учредительного собрания. Почти никто. Значит, правда не на их стороне».

Двери Таврического дворца наглухо закрыты. И красногвардейцы железным кольцом охраняют все подступы к нему.

Мы спорим. Обсуждаем, каким путем продолжить заседания, так дерзко прерванные вооруженной рукой большевистского правительства.

Разные проекты... Неисполнимые, нереализуемые. Собраться в Финляндии. Собраться на Украине. В Сибири...

Но все теснее и теснее сжималось кольцо сыска и охраны вокруг дома на Болотной улице. Бесцеремонно приходили агенты, стояли группами на углах, на перекрестках соседних улиц.

Что же мы могли сделать?

За нами стояла Невооруженная Правда, которой большевики противопоставили Вооруженную Ложь.

Да, на нашей стороне была законность, великие идеалы и вера в торжество демократии.

На их стороне была активность, пулеметы, ружья.

За ними стояла толпа.

Через несколько дней подхожу под вечер к дому на Болотной. Вся улица полна любопытными. Высыпали из-под ворот, толпятся кучками у подъездов. Смеются. Перекликаются.

«В чем дело?» – «Да, вишь, пришли большевики арестовывать депутатов».

И тонкой цепью, окруженные плотным кольцом красных солдат, идут мимо меня мои товарищи по фракции, те, кто собрались со всей России решать ее судьбы. Было снежно и серо и по-будничному скучно.

*Публикуется по изданию:
Соколов Б.Ф. Защита Всероссийского
Учредительного собрания // Архив русской революции,
изданный И.В. Гессеном. Т. XIII. Берлин, 1924. С. 5–70.*

ПАРТИЯ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ (КАДЕТЫ)

ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ ДОЛГОРУКОВ

ВЕЛИКАЯ РАЗРУХА

Преддверие большевизма и октябрьский переворот (Москва и Московская губерния 1917 г.)

Летом 1917 года большею частью я жил в Москве, наезжал в деревню в Рузском уезде, ездил раза три в Петроград на различные совещания, а также на заседания Центрального комитета и на съезд Партии к[онституционалистов]-д[емократов]. В Петрограде митинги уже происходили на улице. Излюбленное место для типичных солдатских митингов было – Конногвардейский бульвар. Никакой должности я не занимал и не стремился к этому, а когда партия наметила меня в Предпарламент, то отказался, так как не придавал ему никакого значения, выставив свою кандидатуру в Учредительное собрание, которое должно было вывести Россию из состояния почти анархического. Министры менялись, власть их постепенно умахлялась, власть Совета солдатских и рабочих депутатов все росла, фронт окончательно разваливался, большевизм креп, становился на ноги, управлял свои корявые члены.

В Московском кадетском клубе в Брюсовском переулке целый день кипела работа. Предвыборная кампания в Учредительное собрание сосредоточивалась здесь на всю Россию. Происходили ежедневно большие и малые заседания. Изготавливались и рассылались плакаты и листовки, посылались лекторы и проч. Работало много молодежи...

Ненадолго уезжал я в деревню. И тут в г. Рузе я участвовал в двух митингах на Городке, на высоком холму, обнесенном старинным валом, над рекой с чудным видом. Здесь я во время моего предводительства устроил от попечительства трезвости музей, читальню, гимнастический зал и прочее и превратил площадку городка в парк, вал – в бульвар. Эти собрания в нашем тихом, нефабричном уезде уже происходили очень бурно, главным образом благодаря солдатам, пришедшим из Клементьевского артиллерийского лагеря, и нескольким московским рабочим. Первое собрание они даже сорвали в начале моей речи галдежом и выкриками и не дали мне говорить, что очень смутило и возмутило горожан, привыкших видеть во мне в течение пяти трехлетий предводителя. Но через две недели я вновь

устроил собрание и провел его до конца.

Уже при большевиках, в 1918 году в Москве на улице остановил меня один человек и сказал, что он эсер и срывал мой митинг в прошлом году в Рузе, а вот теперь оба мы пострадали. И я, и он попали в тюрьму. «Кто бы мог ожидать?». Я ему возразил, что я как раз тогда на митингах предупреждал и остерегал социалистов от поддержки большевиков. В моих же оппонентах в Рузе по приемам и речам нельзя было отличить социалистов от коммунистов. В Москве собрания, иногда бурные, происходили все-таки в лучших условиях.

...Так как партия меня выставила кандидатом в Учредительное собрание по Московской губернии, то с сентября я начал объезд уездных городов и до переворота успел побывать на собраниях в большинстве уездов. В помощь себе я обыкновенно брал одного из выдававшихся ораторов среди нашей студенческой фракции.

В Москве шла отчаянная борьба. Постоянные собрания. Но, насколько помню, уличных митингов еще не было. Был последний месяц перед большевистским переворотом. Большевики при помощи социалистов все более наседали. На Страстной и Арбатской площадях через улицу были протянуты полотнища с призывом голосовать за объединенный список с[оциалистов]-р[еволюционеров], с[оциал]-д[емократов] меньшевиков и с[оциал]-д[емократов] большевиков. Это объединение и помощь социалистов в проведении большевизма не должны быть забыты.

В Подольске на предвыборном собрании я встретил сплоченную оппозицию в лице рабочих фабрики «Зингер» и цементного завода. В одном из фабричных центров – г. Богородске, где морозовская и много других фабрик, на собрании у рабочих имел большой успех приехавший из Москвы анархист. После наших речей он взял слово для возражения, стал меня высмеивать и паясничать, смешал аудиторию. Меня поддерживали всюду торговцы, обыватели и местные кадеты-интеллигенты. Собрания устраивали местные уездные комитеты нашей партии. Как эти два собрания, так и остальные прошли все-таки в общем удачно и по отзывам местных кадетов производили хорошее впечатление. Мне с молодыми моими коллегами нетрудно было возражать, а иногда припираться к стене местных социалистов.

Когда я вечером ехал в Москве на вокзал для поездки в середине октября в Верею и Можайск, то уже слышались отдельные ружейные выстрелы. По слухам, в Петрограде Временное правительство пало. На следующее утро приходит ко мне в Верее (верст 30 от железной дороги) пожилой комиссар города и просит отменить собрание во избежание беспорядков. По его сведениям, в Москве идет бой. А афиши уже были расклеены по городу. Я настаивал на неотмене собрания в маленькой Верее, ссылаясь на свой опыт и на то, что и в фабричных городах собрания прошли благополучно. Он уверял, что с наро-фоминской фабрики в Верею направляется толпа рабочих, чтобы сорвать собрание, и беспорядок может перекинуться на улицу. Как я ни возражал, пришлось подчиниться распоряжению растерявшегося начальства, и я уехал в Можайск. Я уверен, что собрание прошло бы благополучно.

Так как я приехал ночью, то до утра дремал, сидя в буфете вокзала. Из Москвы действительно шли тревожные вести.

В Можайске собрание прошло очень гладко, несмотря на присутствие железнодорожных рабочих и служащих.

В Москву я приехал поздно вечером. Александровский вокзал оказался уже во власти большевиков, которые никого не пропускали ночью в город. Пришлось опять переночевать, сидя в буфете переполненного вокзала. Ночью я выходил несколько раз на площадь. Вокзал был оцеплен редкой цепью большевиков, как мне казалось, из фабричных рабочих. Слышались редкие выстрелы. Виднелось зарево около храма Спасителя, где я живу. Разговаривал с большевиками и с вокзальной публикой. Оказывается, были уже кровопролитные бои, пожары. Кремль и центр города еще не взяты.

На следующее утро, часов в 9, когда обыкновенно уже бывает движение, иду с вокзала, хотя меня уверяют, что пройти в город не удастся. Слышна сильная ружейная стрельба и редкая орудийная. Стараюсь идти переулками, избегаю площадей. Все магазины заперты. На улицах почти никого. У встречных солдат и вооруженных штатских красные банты или повязки. К Никитской площади не мог подойти: там сильная ружейная и пулеметная трескотня. На Кудринской площади тоже. Из приотворенных ворот и дверей боязливо выглядывают любопытные. Переулками пересекаю Никитскую, Поварскую, Арбат. Через большие улицы стараюсь пройти скорее, когда никого не заметно. Хотя выстрелы близко, но не было заметно, где проходит боевая линия. Около Поварской заметил молодых людей уже с белой повязкой. Объясняют мне, что организовалась не то оборона, не то охрана. Оказывается, что я уже в стане белых. Не советуют идти на Арбатскую площадь, где Александровское военное училище и штаб полковника Рябцова, так как она сильно обстреливается из орудий. А мой дом рядом с Александровским училищем. Пошел на Сивцев Вражек, пересек Пречистенский бульвар и попал наконец к себе в дом с наглухо закрытыми воротами¹.

Оказывается, все сидят по домам, на улицу не выходят. Наши запаслись кое-какой провизией. Когда канонада стихает, бегают за подкреплением в дома, где есть лавки, хотя с улицы они заперты. Не помню, действовало ли электричество.

Так как наш дом рядом с Александровским училищем, контрреволюционным штабом, то в него и в обширную при нем усадьбу попадало много снарядов, несколько десятков. Бьют, как говорят, с Воробьевых гор. Но повреждения невелики: пробита крыша в нескольких местах, снесена труба, повреждены каменные ворота. Раз, когда мы сидели у себя внизу, послышался наверху сильный разрыв снаряда, напомнивший мне «Берту» в Тарнове. Оказывается, снаряд влетел в трубу и разорвался в ней. Вся комната во втором этаже, в которой никого не было, была в копоти и усыпана щебнем. Несколько раз, когда я выходил, картечки, утерявшие живую силу (вероятно, от рикошета), обсыпали меня и катились по асфальту двора.

Контрреволюционный район все сужался. Главными цитаделями его были Кремль, который тоже обстреливался, и Александровское училище. Несколько

¹ Москва, Малый Знаменский пер., д. 5.

раз в эти дни ходил днем по совершенно пустынным улицам к знакомым на Моховую и на Арбат. Целые дни и часть ночи проводил в Александровском училище, где царило большое оживление. Приходили части, посылались, формировались. Было в этих частях много офицеров и молодежи, юнкера, кадеты, добровольцы. Наверно не помню, кажется, были и регулярные части. Полковника Рябцова, который был или оказался комендантом Москвы, обвиняли в нерешительности и нераспорядительности. Его защищал и поддерживал оказавшийся в Москве член Временного правительства Прокопович¹. Бедному С.Н. Прокоповичу, который тоже постоянно бывал в Александровском училище, приходилось принимать участие в решениях стратегических вопросов. Мне тоже тогда казалось, что Рябцов был не на высоте положения, но, может быть, он был и прав, не предпринимая решительных действий. Мне было неясно соотношение сил. Когда в конце концов Рябцов сдал Москву большевикам, то он, поддерживаемый Прокоповичем и другими, считал, что не следует зря вести на убой молодые жизни. На стороне большевиков был почти весь гарнизон. Большинство же полагало, что следует биться до конца и под конец сделать попытку пробиться навстречу казакам, прибытия которых ждали с Дона. Недовольство против Рябцова все росло. Иногда казалось, что его низложат и выберут другого командующего. До чего была тяжелая атмосфера, показывает следующий случай. Бывал в Александровском училище и один служащий в правительстве, кажется, товарищ министра. Он при всех говорил, что Рябцов не годится, что он действует лишь в интересах большевиков и т.п. Тогда, наконец, Прокопович сказал ему, что он, как служащий в правительстве, не имеет права так действовать и что если он будет продолжать это, то он, Прокопович, дезавуирует его. Но и дезавуация бедного Прокоповича тогда уже не была страшна. Кроме того, на психику офицеров, несомненно, удручающе действовала мысль: умирать за кого, за Керенского? А его они презирали и ненавидели. В огромных залах-дортуарах верхнего этажа, кое-где поврежденных снарядами, происходили беседы и совещания у отдохавших частей. Произносились зажигательные, воодушевляющие речи, также и скептические, указывающие на малочисленность обороняющихся сравнительно с большевиками. Опасались, и это было вполне возможно, что были в училище и подсланные большевиками. На военных совещаниях у Рябцова в нижнем этаже я не был, но участвовал с ним и с другими в беседах и каких-то совещаниях. Поезда, оказывается, ходили. Молодой Арсеньев (сын С. Арсеньева) взялся и поехал на Дон «торопить казаков» идти на выручку Москвы (!). Тогда все, помню, и в Рузе были уверены в скорой помощи казаков, как потом чехословаков из Сибири. Мне удалось отправить с бумагой Рябцова в Тверь в Кавалерийское училище молодого А. Гутхейля с просьбой прислать юнкеров. Но все это оказалось поздно.

Между тем защитники Москвы проявляли геройские подвиги. Орудий у нас не было и очень мало пулеметов. Большой вопрос – недостаток патронов. Иногда они были совсем на исходе. Тогда было предпринято несколько отчаянных вылазок: вооруженные люди ехали на нескольких грузовиках, прорывались в стан

¹ Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) – политический деятель. С июля 1917 г. министр торговли и промышленности, с сентября – министр продовольствия Временного правительства. В 1922 г. выслан за границу.

неприятеля, подъезжали неожиданно к их казармам или складам, захватывали патроны и привозили в Александровское училище. Раз, проезжая мимо генерал-губернаторского дома, такой бронированный автомобиль обстрелял его с заседавшим там Советом солдатских и рабочих депутатов из пулеметов. Поздно ночью, когда канонада прекращалась, возвращался я из Александровского училища домой.

Ужасная, но порой странная вещь – гражданская война в большом городе. В доме у нас толпилась наша молодежь. Но подчас она развлекалась, играла, пела. Я поощрял это и заставлял племянницу петь цыганские романсы. Помню еще такой случай. Из окон Александровского училища мы наблюдали, как через постоянно обстреливаемую Арбатскую площадь пробегала из церкви обвенчавшаяся парочка, – она в белом, и за ними несколько человек. Жизнь пробивалась и под обстрелом. Очевидно, не хотели упустить время перед Рождественским постом. Конечно, огромная часть жителей, как и всегда, проявляла обывательскую трусость, преувеличивая опасность и ужасно пострадав впоследствии от этой трусости.

Петроград уже пал. В одну непрекрасную ночь защитники должны были покинуть Кремль, а к утру Рябцов сдал большевикам Александровское училище под условием свободного выхода из него всех. Правильно ли он поступил? В военное время его судили бы, как Стесселя¹.

Просыпаюсь поздно, нет обычной канонады. Мир. Можно свободно ходить по улицам. Открываются магазины. На следующий день свежий хлеб. Вместе с испытываемой горечью я понимаю обывательское настроение и... удовлетворение после осадного положения. Ведь каково было сидеть несколько дней со скудным уменьшающимся запасом продовольствия, не выходя на улицу и дрожа за свою драгоценную жизнь. Да, признаюсь, и я с удовольствием шел по ожившим вдруг улицам, вчера еще мертвым, где приходилось жаться к стенам и спешно перебегать улицу. Обывательская поговорка «худой мир лучше доброй ссоры» познается, когда обыватель испытывает войну, да еще не хорошую, на своей шкуре, на своем желудке, и она происходит не где-то там далеко, на фронте, а тут же рядом.

Особенно пострадала Никитская площадь. Два огромных дома на ней совсем разрушены: кн[язя] Гагарина – снарядами. Коробковой – от пожара. Сильно были обстреляны Воскресенская площадь, гостиница «Метрополь». В Кремле – в Чудовом монастыре, на соборах и во многих местах кремлевских стен – повреждения. На большинстве улиц попадают разбитые стекла, обвалившаяся штукатурка, следы пуль. Не знаю, много ли было человеческих жертв, но думаю, что не много. Над Кремлевским дворцом развевается огромный красный флаг. Грустно, отвратительно! Хотя с чисто пейзажной точки зрения это красное пятно, пожалуй, и красиво.

На следующий же день Александровское училище занял штаб красноармейцев и он был окружен патрулями. Под вечер я возвращался домой. Патруль не пропускает. Я объясняю, что живу рядом с училищем в переулке, и меня про-

¹ Стессель Анатолий Михайлович (1848–1915) – военачальник, генерал-лейтенант. В русско-японскую войну начальник Квантунского укрепленного района, сдал Порт-Артур противнику. Приговорен военным судом к смертной казни, но помилован Николаем II.

пустили. Другой патруль, уже на углу моего сада, останавливает, арестовывает и ведет в Александровское училище. В тех же комнатах, где я провел только что несколько дней и которые были заполнены белыми, теперь спуют красные. Приводят в какую-то комнату, спрашивают, кто я и документ. Я отвечаю: «Князь Павел Дмитриевич Долгоруков», подаю свидетельство домового комитета и объясняю, что живу рядом. Через некоторое время они говорят, что дадут мне пропуск, но что теперь князей нет, и я получаю пропуск – гражданину Долгорукову.

В Москве стало спокойно, довольно свободно. Я удивлялся, как в такое короткое время у большевиков оказалось столько исполнителей и столько перешло к ним. Террора еще сильного не было. Например, в Английский клуб, где мало стало бывать народу, как-то пришли красноармейцы, заставили поднять руки вверх игравших в карты, обыскали кассу, в которой почти ничего не было, выпили, забрали несколько бутылок вина и ушли.

Кажется, в начале ноября состоялись выборы в Учредительное собрание. Выборным производством, а потом и подсчетом голосов ведали служившие до этого в губернском присутствии, и все шло правильно. В день выборов я объехал на автомобиле несколько городских выборных пунктов. На улице стояли столики, где раздавались партийные списки, между прочим и наши, кадетские. Но уже на глаз было видно, что гораздо более берут социалистическо-большевистские списки. Оживления, как при выборах в Думы, не заметно. В участковых комиссиях сидят и буржуазные члены (Маклаков, Новгородцев). По Москве, где мы всегда имели такое преобладание, мы провели, кажется, только двоих – Кокошкина и Астрова. По Московской губернии по кадетскому списку был выбран только я, и то при помощи правых. У нас в комитете было из-за партийной вражды много противников соединения списков, и тогда все – и мы, и правые, провалились бы. Но благоразумие и логика арифметики взяли верх. Хотя у нас предвыборного блока и не было и все мы шли с особыми списками, но мы эти списки соединили. Таким образом, я прошел благодаря добавочным голосам правых и клерикальных групп, староверов, каких-то хоругвеносцев из Сергиева Посада и прочих. Они, как получившие менее голосов, чем кадеты, своих не провели, но действовали разумно, так как способствовали проведению к[онституционалиста]-д[емократа] вместо большевика или с[оциалиста]-р[еволюционера].

Этим простым соображением и логикой затуманенные партийностью люди не руководствуются и теперь, даже после урока большевизма. Например, отколовшаяся от нас группа кадетов, назвавшая себя «демократической», и даже другие кадеты, которые за Милоковым стремятся еще дробить партию, образуя каких-то середняков, не сходясь с остальными по некоторым тактическим вопросам. Выборы по Московской губернии показательны.

Если прежде в борьбе против самодержавия за конституцию и правопорядок был естественен и допускался нами крен налево, то как же в борьбе с несравненно более жестоким деспотизмом большевиков не допустить крена направо? Но однобоких, как и горбатых, исправит, очевидно, только могила. Гибкость у них – лишь на одну сторону, а потому они, дробясь, и пребывают теперь в блестящей бездейственной изоляции, в положении оппозиции его величества боль-

шевизма. С самого начала угрозы большевизма, а потом на юге России и в эмиграции я стоял за широкое противобольшевистское единение, не смущаясь его естественной правизной.

Всего кадет в Учредительное собрание прошло человек двадцать. В нем мы были бы крайними правыми. От губерний, не от городов, кроме меня из кадет никто не прошел.

Вся власть Учредительному собранию! (Петропавловская крепость)

С благопожеланиями и с огромными надеждами на Учредительное собрание выехали мы 26 ноября¹ с Астровым, Шингаревым и Кокошкиным, тоже выбранными в Учредительное собрание, из Москвы в Петроград. Так как большевики начали уже проявлять полноту своей власти, то нам некоторые отсоветовали ехать, но мы не сочли возможным этого сделать, раз выбирались и были выбраны, как это мотивировал Шингарев в своем предсмертном дневнике. Некоторые же наши сочлены по партии, будучи тоже выбраны, предпочли даже уехать из Петрограда с чужими паспортами. Шингарев и Кокошкин остановились у графини С.В. Паниной на Сергиевской, а я в Европейской гостинице, которая уже успела быстро опуститься. В передней всегда была толпа, в комнатах постоянно бывали обыски, как говорили, для борьбы со спекуляцией. И мою комнату поверхностно обыскали.

Весь день 27-го до глубокой ночи мы были у С.В. Паниной на заседании Центрального комитета К[онституционно]-д[емократической] партии, обсуждая нашу тактику на завтрашнем открытии Учредительного собрания. Пришли туда только что освобожденные из Смольного, арестованные несколько дней тому назад В.Д. Набоков и Н.Н. Авинов, работавшие в правительственной комиссии по выборам в Учредительное собрание. Они рассказывали про грязь и заплыванность Смольного. Насколько помню, в декларации нашей в Учредительном собрании мы должны были требовать установления норм элементарной свободы, неприкосновенности личности и правового строя, грубо нарушаемых большевиками. На другой день мы, члены Учредительного собрания, условились прийти в 10 часов утра к С.В. Паниной, чтобы вместе идти в Таврический дворец на открытие Учредительного собрания.

Прихожу я к Паниной 28-го утром. В передней несколько человек с винтовками. Швейцар говорит мне, что графиню, Шингарева и Кокошкина рано утром арестовали и отвезли в Смольный. Выхожу и иду по направлению к Литейной. Сейчас же вышли за мной двое и сказали, что меня приказано вернуть. Оказывается, это была засада, которая должна была арестовывать всех, пришедших к Паниной. Когда стало известно об аресте Паниной, Шингарева и Кокошкина и о находящихся в доме красноармейцах, вблизи по Сергиевской были расставлены молодые люди и барышни кадеты, чтобы предупреждать должностующих собираться. Предупрежденный таким образом Астров не вошел к Паниной и успел

¹ Так как у меня записей и никакого материала не имеется, то в сроках и числах могут быть небольшие неточности (прим. П. Долгорукова).

прошмыгнуть в соседнюю парикмахерскую. Меня же как-то проглядели, не предупредили, и я попался в западню. Правда, я несколько запоздал, и потому наши молодые товарищи, может быть, подумали, что никто уже более не придет.

Между тем кто-то телефонирует в Смольный о моем аресте, оттуда приказывают меня задержать и ведут наверх. Вскоре таким же образом арестовывается инженер, товарищ министра путей сообщения, случайно зашедший к Паниной. Просидели мы с ним тут часа три, так как по Сергиевской шли бесконечные деputationи к Учредительному собранию от партийных и профессиональных групп со знаменами и значками, на большинстве которых были надписи: «Вся власть Учредительному собранию!». Хороша власть, когда член этого Собрания сидит тут же под арестом и глядит на процессию. Проходят с зелеными значками и наши кадетские группы, среди которых есть знакомые. Если бы они подозревали, что я тут сижу! Если бы я мог сообщить о моем аресте, то меня, наверно, освободили бы, так как в процессии участвовали тысячи людей. Но из дома никого не выпускали. Бывшие в доме приятельницы Паниной дали нам чаю и закуску, но мои записки не могли переслать.

Когда процессия кончилась, приехал комиссар из Смольного – Гордон, юркий молодой человек. Короткий опрос и протокол. Я требую запись моего протеста против ареста члена Учредительного собрания, лица неприкосновенного. Комиссар везет нас в закрытом автомобиле в Смольный. Встречаем на Кирочной возвращающуюся процессию, которая огибает Таврический сад. Опять – «Вся власть Учредительному собранию!». Гордон подсмеивается над буржуазным составом деputationи.

В Смольном большое оживление. Масса автомобилей. Нас ведут через длинный коридор в большой зал, в одном конце которого сидят арестованные, в том числе Панина, Шингарев и Кокошкин, которые радостно меня приветствуют. В другом конце зала столы, за которыми сидят и присаживаются большевики, постоянно снующие из коридора в боковую дверь. Несколько раз прошла жена Ленина. Несколько матросов; один из них – кудрявый, препротивный матрос целый день здесь околачивается. В дверях красноармеец с винтовкой. По всему залу мы ходим совершенно свободно, и к нам свободно всех пропускают с улицы. С Шингаревым – его сын-гимназист и сестра, с Кокошкиным – его жена. У гр[афини] Паниной, как петербуржанки, за день перебивала масса друзей – аристократов и из интеллигенции. Ей принесли много провизии, которой с избытком хватило на нас всех. Через одну из ее знакомых я выписал управляющего – моего двоюродного брата, члена Думы Дымшу. Его я попросил привезти мне кое-какие вещи из гостиницы на случай, если нас не отпустят, и оплатить в таком случае завтра счет в гостинице и взять мой багаж.

Целый день мы томимся, ходим, разговариваем, делаем предположения. Оказывается, Панину арестовали за ее отказ, как товарища министра народного просвещения Временного правительства, сдать большевикам 70 000 казенных денег. Шингарева и Кокошкина арестовали как остановившихся у нее, а меня и инженера – как пришедших к ней. Других же членов Учредительного собрания, бывших на его открытии, например Родичева, не тронули. А так как мы, кроме

Паниной, к этим деньгам были не причастны и даже ничего не знали до сих пор о них, то мы предполагали, что опасность ареста угрожает только ей, а нас отпустят или что наш арест, как Набокова и других, будет непродолжителен. Я громко, не стесняясь большевиков, ругался по поводу незаконности нашего ареста.

Приводят новых арестованных. Врезался мне в память арестованный за расклейку каких-то политических афиш в рваной шинели, болезненного вида солдат, который в изнеможении садится на пол у стены. Тут же кипа афиш, которые он развешивал за плату. Смотрю афиши: «Вся власть Учредительному собранию!». Шингарев дает солдату хлеб и мясо. Были два мальчика, несколько женщин. В уборную, до невозможности загрязненную и мокрую, нас водили с часовым.

Вскоре стемнело. Пьем чай. Дымша привез мне белье и умывальные принадлежности. Движения нашего дела никакого. Говорят – заседает Совет народных комиссаров – от него зависит. Шагаем, разговариваем. С посетителями в нашем конце зала образовалась довольно большая группа, которая стала все энергичнее возмущаться нашим арестом, началась перебранка с подходившими большевиками. Тогда нас, арестованных, оцепили красноармейцами при офицере, а посетителей отгеснили и через некоторое время удалили.

Разговариваем с офицером, спрашиваем, как это он, сражавшийся на фронте, перешел к большевикам? Тупые ответы – раз власть и командование перешло к ним, как же не подчиниться? Ведь нужно же, чтобы кто-нибудь командовал солдатами и т.п. Особенно горячился Кокошкин: «А совесть, а долг, а ваша присяга? Разве вы не видите, что они разрушают армию, государство, что это на руку немцам и что это измена присяге?». Все те же тупые ответы. Впечатление, что переход к большевикам его был несознательный, механический; это был не солдат, а ремесленник – ландскнехт.

Томимся, не дремлется. Часов в десять начинают нас вызывать поодиночке к следователю Красикову. Допрос не длинный, начинается с выяснения нашего отношения к укрывательству Паниной казенных денег. Так как мы трое только что приехали в Петроград, то алиби и наша полная непричастность выясняются сами собою. Затем идет принадлежность к партии и несколько других незначительных вопросов, из которых никакого обвинения нельзя усмотреть. Настаиваем на включении в протокол нашего протеста против ареста неприкосновенных членов Учредительного собрания. Через полчаса какой-то господин нам объявляет, что инженер, арестованный со мной, освобождается, а мы арестовываемся. По обвинению в чем? Неизвестно. Мы требуем письменного постановления следователя. Проходит в ожидании еще часа два. Оказывается, сам Совнарком обсуждает нашу участь. Как будто у него в этот день не было более важных дел! Около часу ночи приходит тот же господин и приносит декрет, подписанный Лениным, Троцким, Бонч-Бруевичем и др[угими], по которому члены Центрального комитета Партии народной свободы объявляются «врагами народа» и «вне закона»! Вот так законное решение! Придумали! Это было бы комично, если бы не привело впоследствии к убийству Шингарева и Кокошкина. Удивляемся, смеемся, негодуем. На основании этого декрета – постановление следователя об аресте «членов Центрального комитета Партии народной свободы». Юрист Кокошкин

препирается и протестует; неизвестно, какие три члена арестуются: «Я не вижу постановления о моем аресте». Снова господин уходит и возвращается с тем же постановлением со вставкой наших фамилий. Характерно. Теперь все «законно». Прощаемся с Паниной, которую увозят в Кресты, а нас в двух автомобилях везут в Петропавловскую крепость. В переднем – Шингарев и Кокошкин, в заднем я с несколькими конвоирами, исключительно латышами.

Проезжаем мимо Таврического дворца; окна купола и фасада залиты почему-то электрическим светом, несмотря на поздний час. (Учредительное собрание разошлось до января). Латыши лопочут на своем языке. На ухабе один из них выпустил винтовку, которую я еле успел устранить, и штык был уже около моих глаз. А ведь я вижу лишь одним глазом.

Въезжаем в ворота крепости и, миновав собор, останавливаемся у крепости налево. Выходим и идем какими-то закоулками и простенками, заваленными снегом. Зима была очень снежная. В глухом застенке остаемся очень долго, минут 20–30. Я в осеннем пальто, так как ватного почти никогда не ношу. Мороз в 20 градусов, и мы беспокоимся за чахоточного Кокошкина. Просим, чтобы ввели в помещение, и через некоторое время нас вводят в старую мрачную гауптвахту, а еще через некоторое время – к коменданту, где у нас отбираются деньги, ножики, и, наконец, через длинные коридоры Трубецкого бастиона – в одиночные камеры, расположенные рядом. Моя камера № 72 была самой последней в бастионе.

Тяжелая дверь захлопнулась, щелкнул замок, и шаги удалились. Я помню В.Д. Набоков рассказывал, как профессор-криминалист водил их студентами в тюрьму и какое сильное впечатление на него произвело, когда при демонстрации одиночной камеры для наглядности за ним заперли дверь и он остался один в камере. Я был скорее озадачен всем происшедшим в сегодняшний день: неприкосновенность личности, «вся власть Учредительному собранию», «враг народа» и... камера № 72.

Я как-то старался выдавить в себе ужас, но ничего из этого не выходило. Я думаю, что демонстрация ужасов в кинематографах, описание в романах или даже демонстрация тюрьмы студентам производит гораздо более впечатления, чем когда испытываешь их сам в жизни. Тогда все приспособлено и приурочено к восприятию «ужаса», а в жизни внимание отвлекается массой деталей настоящего, соображениями о будущем.

Бегло осмотрев камеру, я завалился не раздеваясь на кровать и, страшно усталый, сейчас же заснул, не подозревая, что пробуду здесь около трех месяцев и выйду уже один из тюрьмы, без моих убитых друзей...

*Извлечения публикуются по изданию:
Долгоруков П.Д. Великая разруха.
Мадрид, 1964. С. 39–40, 42–43, 47–63.*

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ НАБОКОВ

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

В связи с начавшейся избирательной кампанией, недели через две после [октябрьского] переворота, Всероссийская комиссия по выборам решила собраться в полном составе, вместе с канцелярией в Мариинском дворце, откуда внутренняя и внешняя большевистская охрана в то время была уже уведена, чтобы обсудить вопрос о том, возобновить ли ей свою деятельность или нет. Помимо политических сомнений, вопрос этот вызывал и серьезные юридические сомнения. При тех условиях, при которых должна была протекать избирательная кампания и предстояло совершиться выборам, несомненно предвиделось, что целый ряд требований избирательного закона (касающихся сроков, составов комиссий и т.п.) не могли быть соблюдены. Во всех этих случаях, представлявшихся и раньше, до переворота, Всероссийская комиссия вносила соответствующее представление Вр[еменному] правительству с проектом постановления, допускавшим (в законодательном порядке) отступление для отдельного случая от общего требования закона. Большевистский переворот устранял возможность этого пути, так как Вр[еменное] правительство фактически было свергнуто, а вновь образовавшуюся советскую власть Всероссийская комиссия не могла признать. Таким образом, во всех тех случаях, когда, например, оказывалось фактически невозможным соблюсти требуемые законом сроки или образовать избирательную комиссию в составе, требуемом по закону, получалось безвыходное положение. Всероссийская комиссия по самому своему положению могла работать только при наличии правительства. Этими соображениями мы руководствовались, когда тотчас после переворота решили прервать деятельность Комиссии, приняв меры к сохранению ее делопроизводства и документов. Не следует забывать, что в это время все – и мы в том числе – ни минуты не верили в прочность большевистского режима и ожидали его быстрой ликвидации. Независимо от этих соображений, тот повсеместный сумбур и хаос, который наступил вслед за переворотом, прервал деятельность всех учреждений по выборам и – временно, по крайней мере, остановил стоящую с ними в непосредственной органической связи деятельность Всероссийской комиссии.

Однако дни шли за днями, и положение менялось в том смысле, что бездеятельность Всероссийской комиссии могла очень легко быть истолкована в смысле злого намерения тормозить выборы, «саботировать» их. Поступали с мест

телеграммы с запросами, как быть, состоятся ли выборы, какие директивы должны служить руководством для местных учреждений по выборам. С другой стороны, большевистское «правительство», нагло обвинив Вр[еменное] правительство в намерении «затянуть» выборы, само как будто готовилось содействовать созыву Учредительного собрания в назначенный срок, т.е. 28 ноября. Все эти обстоятельства побуждали Комиссию вновь обсудить вопрос о дальнейшей своей деятельности. С этой целью и решено было собраться.

В назначенный день, придя в Мариинский дворец, я застал очень смущенных чинов канцелярии. Оказалось, что председатель комиссии Н.Н. Авинов экстренно и неожиданно выехал в Москву, и председательские обязанности переходили ко мне, и первое, что приходилось мне в качестве председательствующего выполнить, было объяснение с прибывшими по поручению Совета народных комиссаров представителями его – заведующим делами Бонч-Бруевичем и каким-то солдатом. По словам чинов канцелярии, эти два лица, прибыв во дворец, расспросили о местопребывании Всероссийской комиссии и, получив соответствующие указания, отправились в канцелярию и потребовали, чтобы им показали делопроизводство и вообще осведомили их насчет деятельности Комиссии. Им было заявлено, что сейчас должен прийти товарищ председателя Комиссии, заменяющий отсутствующего председателя, и предложено было подождать меня и объясняться со мною.

Бонч-Бруевича я немного знал по встрече с ним в Киеве осенью 1913 года на деле Бейлиса. Тогда он был весь – почтительность. Если я не ошибаюсь, я с ним обедал у С.В. Плинки. Так как мы с ним тогда говорили только о деле Бейлиса, то у меня не могло о самом Бонч-Бруевиче составить никакого представления. Как я впоследствии узнал, он попал в заведующие делами Совета комиссаров по протекции Стеклова-Нахамкеса¹ – был креатурой этого последнего. Брамсон рассказал мне, что он пользовался самой отвратительной репутацией и считался человеком, нечистым на руку. В истории возникновения газеты «Новая жизнь» он сыграл определенно-грязную роль, по словам А.И. Коновалова². Здесь, в Мариинском дворце, он встретился со мною как старый знакомый, подчеркнуто вежливо и заявил, что Совет народных комиссаров живо интересуется вопросом о выборах в Учредительное собрание и желал бы выяснить себе роль Всероссийской комиссии. Я пригласил его и спутника его – солдата в залу, служившую чайной комнатой (рядом с аванзалой), туда же пришел Л.М. Брамсон (второй товарищ председателя), и мы приступили к беседе. Я выяснил Бонч-Бруевичу точку зрения Всероссийской комиссии, в основе которой лежало непризнание вновь возникшей власти «Совнаркома»³. Бонч-Бруевич пытался начать убеждать меня в том, что власть большевиков столь же – если не более – законного происхождения,

¹ Стеклов (Нахамкис) Юрий Михайлович (1873–1941) – политический и государственный деятель, историк, публицист. В 1917–1925 гг. редактор «Известий», член ВЦИК и ЦИК. Расстрелян в 1941 г.

² Коновалов Александр Иванович (1875–1948) – политический деятель, предприниматель. Основатель и лидер партии прогрессистов. Министр торговли и промышленности, заместитель министра-председателя Временного правительства. С 1918 г. – в эмиграции.

³ Тогда еще это подлое выражение не было в употреблении. Называю его «подлым» по ассоциации представлений (прим. В. Набокова).

как и власть Вр[еменного] правительства, но я отклонил этот разговор. К этому я прибавил, что сейчас предстоит совещание Комиссии, на котором будет вновь обсужден вопрос о дальнейшей работе. «Могу ли я надеяться, что вы поставите меня в известность о результатах обсуждения?». Я ответил, что официально ни в какие сношения с Советом Комиссия наверно не вступит, но ему, Бонч-Бруевичу, я готов, в виде частного разговора и если Комиссия не будет против этого возражать, сообщить о последующем решении. Он этим вполне удовольствовался. Солдат, бывший с ним, почти не принимал участия в разговоре и только раз вмешался для того, чтобы «от имени фронта» заявить о том огромном нетерпении, с которым ожидаются выборы, и о необходимости всячески им содействовать. В ответ ему было указано, что именно большевистский переворот, произведенный накануне выборов и за месяц до Учредительного собрания, нанес огромный удар всему делу выборов и поставил под сомнение возможность их осуществления. На этом разговор кончился, и оба наших собеседника удалились. Я открыл заседание Комиссии и после непродолжительных дебатов мы приняли решение – возобновить деятельность Комиссии, совершенно игнорировать большевистское правительство и в случае возникновения таких вопросов, которые требовали бы разрешения в законодательном порядке, предоставлять местным органам выпутываться из затруднения, отнюдь, однако, не санкционируя отступлений от закона. При этом предполагалось, что Учредит[ельное] собрание при проверке полномочий своих членов будет считаться с создавшимся безвыходным положением и признает несущественными те отступления (в отношении, главным образом, сроков и состава комиссий), которые будут допущены местными организациями. На другой день я позвонил утром Бонч-Бруевичу и передал ему следующее: «Прежде всего мне поручено вам сообщить, что Всероссийская комиссия постановила безусловно игнорировать Совет народных комиссаров, не признавать его законной властью и ни в какие отношения с ним не вступать. Этим собственно кончается официальная часть нашей с вами беседы. Частным образом, согласно данному вам мною обещанию, могу сообщить вам, что Комиссия постановила возобновить свои занятия и тотчас же к ним приступила». Бонч-Бруевич горячо меня благодарил...

Тут же я должен отметить, что большевистское правительство не имело, по-видимому, ни малейшего представления ни о составе Комиссии, ни о ее функциях и, по-видимому, полагало, что Комиссия *по существу* руководит выборами и имеет возможность влиять на их ход и исход. Но как бы то ни было, в течение ближайших двух-трех недель Комиссия могла работать беспрепятственно. Мы собирались ежедневно в Мариинском дворце, неоднократно мне приходилось председательствовать ввиду частых поездок Н.Н. Авинова в Москву. У нас были оживленные сношения с местными органами, ежедневно приходили кипы телеграмм, свидетельствовавших об огромных затруднениях, которые испытывались на местах. По большей части эти телеграммы просили у Всероссийской комиссии разрешения допустить те или другие изъятия или отклонения от требований избирательного закона, и Комиссия, бессильная выполнить эти просьбы, вынуждена была оставлять их без ответа... Наряду с этим было, однако, множество случа-

ев, когда приходилось давать разъяснения закона, всякие указания. Затем, само собою разумеется, что из получаемых телеграмм складывалась общая картина выборов, хотя и неполная и отрывочная. Большевистская власть после визита Бонч-Бруевича совершенно перестала интересоваться деятельностью Комиссии. Около 20 ноября решено было перенести делопроизводство и заседания Комиссии в Таврический дворец. Это было выполнено в мое отсутствие. Я 19 ноября уехал в Москву и вернулся 22-го, в среду, к вечеру. Вернувшись, я узнал, что 23-го утром назначено заседание уже в Таврическом дворце. В самый день моего отъезда, час спустя после того, как я уехал на вокзал, в доме моем был произведен обыск, подробности которого мне до сих пор не известны. 23-го, часа два после того, что Комиссия приступила к своим занятиям, явился комендант Таврического дворца – большевистский прапорщик, фамилию которого я позабыл, и потребовал от имени Совета народных комиссаров, чтобы Комиссия разошлась. Председательствовал Н.Н. Авинов, который ответил от имени всей Комиссии категорическим отказом. Офицер удалился, поехал за инструкциями в Смольный и вернулся с бумагой, подписанной Лениным и содержавшей предписание – весьма нелепо отредактированное – арестовать «кадетскую» комиссию по выборам и препроводить ее в Смольный.

Заключение наше в Смольном продолжалось пять дней. Все эти пять дней мы провели в узкой, низенькой, тесной комнатке, в которую приходилось подниматься по лесенке, ведущей из нижнего коридора. Нас было человек 12–15: точно не помню. Человека 4–5 уходили ночевать в другую камеру. Среди «присутствовавших» припоминаю: Авинова, Брамсона, бар[она] Нольде, Вишняка, Гронского, двух членов Госуд[арственной] думы (одного октябриста, другого – мирнообновленца [прогрессиста], фамилии их мною совершенно позабыты), редактора «Известий» Комиссии, Добраницкого и трех солдат – представителей фронта, В.М. Гессена, не арестованного вместе с нами, но явившегося добровольно, севшего под арест, пробывшего с нами сутки (кажется), чуть ли не насильственно удаленного на второй день¹.

В первый день нам было очень неважно. В комнате были деревянные лавки, стулья, две скверных постели, на которых спали наши два старших сочлена – члены Госуд[арственной] думы, больше ничего. Я спал на узенькой деревянной лавке, Вишняк – на столе. Ни белья, ни тюфяков нам не дали. О пище или хотя бы о чае тоже в первый день не было и речи, и если бы жена бар[она] Нольде не принесла провизии (она первая узнала о случившемся и успела кое-что собрать), мы бы остались голодными. Со второго дня все наладилось, мы стали обедать в общей столовой, семьи приносили обильную провизию, появились походные кровати, белье, принесли еще два-три тюфяка, – и мы провели остальные дни очень весело и оживленно. Единственное, что нас смущало, была полная неопределенность нашей судьбы и грозящая нам перспектива быть отправленными в «Кресты». Допрашивали нас в первый уже вечер, допрос производился неким Красиковым – присяжным поверенным последнего разбора – и неизменно заклю-

¹ Добраницкий и другие члены фронтовой комиссии не были арестованы и сидели по собственному настоянию. Их тоже пытались удалить и они употребили военные хитрости (с переодеваниями), чтобы вернуться в наш состав (прим. В. Набокова).

чал в себе вопрос, на который мы неизменно отвечали отрицательно: «Признаете ли вы власть Совета народных комиссаров?». Я в конце допроса категорически поставил вопрос: какая причина нашего ареста? И получил ответ: «Непризнание власти народных комиссаров».

В понедельник, 27 ноября, накануне дня, назначенного для открытия Учредит[ельного] собрания, часа в три, в нашу комнату вошел лохматый матрос – член следственной комиссии – и «именем народной власти» объявил нам, что мы свободны. Не могу сказать, чтобы это известие особенно меня обрадовало. Слишком ясно сознавалось, что наш арест и наше освобождение – простая случайность в надвигающихся стихийных бедствиях, что, освобожденные сегодня, мы завтра же можем снова быть посаженными, и, быть может, в гораздо худших условиях. Прежде чем разойтись, мы в последний раз пили чай и закусывали, хотели составить акт, излагающий процедуру нашего допроса и освобождения, но потом решили отложить его до другого дня и собраться во вторник утром в Таврическом дворце, сойдясь предварительно в квартире Л.М. Брамсона. Однако какие-то обстоятельства помешали мне вовремя прийти к Брамсону, и, когда я добрался до квартиры, оказалось, что мои коллеги уже ушли в Таврический дворец. Я поспешил вслед за ними. Чем ближе я подходил, тем гуще были толпы народа. Я хотел войти во дворец с Таврической, но стоявшие у входа солдаты меня не пустили. На мое заявление, что я член Всероссийской комиссии по выборам и иду в заседание комиссии, мне ответили: «Обратитесь к коменданту». «А где комендант?». «Это другой вход, со Шпалерной». Я отправился на Шпалерную, но там пройти было совершенно невозможно. Густая толпа стеной окружала решетку, слышались крики, была сильная давка. Я вернулся на Таврическую, толкнулся в другой подъезд, там оказался более нерешительный солдат, – я, напротив, обнаружил большую решительность – и прошел. Как только я вошел во дворец, я узнал о произведенных утром, часа за два до того, арестах в доме графини Паниной: самой С[офьи] В[ладимировны], Шингарева, Кокошкина, кн[язя] Павла Дм[итриевича] Долгорукова... Комиссия уже заседала. Оказалось, что комендант уже приходил и требовал, чтобы она разошлась, причем в комнату были введены вооруженные солдаты. Комиссия, однако, отказалась разойтись и продолжала заседать в присутствии солдат. Несколько времени спустя к нам явился Г.И. Шрейдер и еще два-три члена Учредит[ельного] собрания, узнавшие, что Комиссии чинят препятствия. Вызвали коменданта, вступили с ним в бурные объяснения, потребовали увода солдат. Комендант сослался на полученные от Урицкого (комиссара Таврического дворца) распоряжения и пошел к нему за указаниями. Через некоторое время пришел Урицкий. Как сейчас помню эту отвратительную фигуру плюгавого человечка, с шляпой на голове, с наглой еврейской физиономией... Он также потребовал, чтобы мы разошлись, и пригрозил пустить в ход оружие. Шрейдера и других членов Учредит[ельного] собрания в это время уже не было, они пошли в заседание. Мы потребовали, чтобы Урицкий снял шляпу – он поспешил это сделать. Дальнейшие переговоры ни к чему не привели; Урицкий ушел, мы продолжали заседание, ожидая каждую минуту, что нас начнут силой разгонять. Этого, однако, не произошло, мы закончили наши занятия, исчерпав все предметы, и

часа в два разошлись, условившись собраться на другой день опять-таки у Брамсона и поступить сообразно обстоятельствам.

На другой день я вышел из дому часов в десять, далекий от мысли, что я больше не переступлю его порога – ни в 1917 году, ни, вероятно, в 1918 году...

По дороге к Брамсону я прочел декрет, ставящий Партию к[онституционалистов]-д[емократов] вне закона и предписывающий арест ее руководителей. Придя к Брамсону, я был встречен оживленными приветствиями: все думали, что я арестован.

В тот же день под влиянием настойчивых советов близких мне лиц я решил уехать в Крым, где семья моя находилась уже с половины ноября, воспользовавшись гостеприимством графини С.В. Паниной. По невероятной случайности мне удалось без труда получить в конторе спальных вагонов билет I класса и место до Симферополя. Не возвращаясь домой и отдав по телефону все нужные распоряжения, я вечером выехал, взяв только самые необходимые вещи. В воскресенье, 3 декабря, я благополучно добрался до Гаспры. Здесь я провел всю зиму, весну и часть лета безвыездно, – пережил большевистский захват Крыма, потом немецкое нашествие. 7 июня я уехал в Киев, намереваясь пробраться в Петербург. Это, однако, мне не удалось, 22 июля я вернулся в Гаспру, после 5¹/₂ довольно мучительных недель, проведенных в Киеве. Заканчиваю эту часть своих записок 25 сентября (8 октября) [1918 г.], когда только что получены известия о колоссальной важности событиях в Германии и Болгарии...¹

*Извлечение публикуется по изданию:
Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции,
изданный И.В. Гессеном. Т. 1–2: [Репринт. воспр. изд.:
Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Том I.
Берлин, 1922]. М., 1991. С. 91–96.*

¹ В октябре 1918 г. Германия переживала острый политический кризис. Правительство канцлера Гертлинга сменил кабинет во главе с принцем Максом Баденским, объявившим о предстоящей либерализации. Спустя месяц – 9 ноября – в Германии произошла революция. 22 сентября 1918 г. в Болгарии (союзнице Германии в Первой мировой войне) началось вооруженное выступление солдат, завершившееся 27 сентября провозглашением т.н. Радомирской республики. Восстание было подавлено с помощью германских войск.

БОРИС ЭММАНУИЛОВИЧ НОЛЬДЕ

В.Д. НАБОКОВ В 1917 г.¹

Позвольте поделиться с вами воспоминаниями о В.Д. Набокове в 1917 г.

...Набоков чрезвычайно интересовался... вопросами внешней политики. Шла речь по почину М.И. Терещенко² о назначении его послом в Лондон, куда, как известно, Временное правительство всех составов так и не нашло времени назначить своего представителя. Конечно, более блестящего выбора нельзя было сделать среди тогдашних правительственных и общественных верхов, чем Набоков, для поста русского посла в Лондоне. У него были все данные – глубокая умственная культура и светское воспитание, превосходная политическая школа и великолепное знание языков, самообладание и настойчивость, гибкость и находчивость. Но план посольки Набокова в Лондон не осуществился – я не помню уже по какой причине. Он остался в Петербурге бороться за вторую часть своего ответа на вопрос «что же дальше и где выход?».

То была уже область внутренних политических отношений революционной России. Мы видели его понимание задач, которые стояли на очереди. В огромном хаосе, в который превратился весь русский мир, надо было найти и укрепить «великие и подлинные начала русской революции».

Эти начала были Набоковым записаны в акте отречения великого князя Михаила: сильное правительство, ведущее страну к Учредительному собранию... «Посему, – кончался этот акт, – призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созданное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

Была ли ошибочна эта концепция или нет, я подробно судить здесь не буду. Ставка на русское народовластие была, бесспорно, бита. Но следовало ли из этого, что должна была ставиться другая задача и что другая задача могла быть вообще тогда поставлена. Я глубоко убежден, что, отдав все свои силы торжеству этой по-

¹ Прочитано в торжественном заседании Юридического общества в Париже, посвященном памяти В.Д. Набокова, трагически убитого в 1922 г. в Берлине (прим. изд. 1930 г.).

² Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) – предприниматель, сахарозаводчик, был близок к партии прогрессистов. Министр финансов, затем – иностранных дел Временного правительства. С 1918 г. – в эмиграции.

литической концепции, Набоков не ошибся, что унаследованные человечеством от двух французских революций идеи учредительной власти и всеобщей подачи голосов в России, также как бесчисленное множество раз в других странах, могли сослужить огромную организационную роль. Но надобно было, чтобы к Учредительному собранию вела страну сильная власть, способная через народную волю строить, а не разрушать.

Набоков с величайшим интересом и огромным вниманием отдался стоявшей на очереди задаче правовой организации. Если эпоха короткого существования Временного правительства дала рождение ряду совершенно выдающихся по своим внутренним достоинствам законодательных актов – погребенных вместе с собой Временным правительством в его крушении, – то в этом заслуга прежде всего двух людей – Набокова и Кокошкина. В Юридическом совещании при Временном правительстве и в совещании по составлению закона о выборах в Учредительное собрание оба они стояли в первом ряду. Юридическое совещание было маленькой, быстро спешившей коллегией юристов, и работа в ней была легка и приятна. Но комиссия по составлению закона о выборах в Учредительное собрание была многоголовым сборищем, почти парламентом, и тем, кто, как Набоков, принимал в ней деятельное участие, приходилось преодолевать величайшие трудности. Я хорошо помню Набокова в качестве председателя редакционной комиссии Совещания при обсуждении правил о выборах на фронте. Надо думать, что соответствующая часть Положения о выборах навсегда останется единственным в своем роде прецедентом в истории избирательного права. Всеобщие выборы в их самой современной и тончайшей постановке приходилось применить в полевых окопах, лицом к лицу с немецкой тяжелой артиллерией. Сколько настойчивости, выдержки и политики надо было вкладывать в эту работу, чтобы не сделать из выборов на фронте простого предлога для дезертирства. Приходилось с трудом отбиваться от максимализма левых коллег, частью все еще не успевших к тому времени научиться государственному делу.

В конце концов работа была закончена, и выборы назначены. Но обстановка, в которой им надлежало протекать, была окончательно испорчена. Если в мае месяце, когда Набоков писал свой призыв не брать *en bloc*¹ русской революции, можно было еще питать какие-то иллюзии, то в осенние месяцы, когда в Собрании узаконений стали одна за другой появляться отдельные части Положения о выборах в Учредительное собрание, власть оказалась окончательно расшатанной.

Ее всячески чинили и подмазывали за эти месяцы. Набоков, быстро – после ухода с должности управляющего делами Временного правительства – занявший одно из первых мест в составе руководителей кадетской партии, принимал участие во всех бесконечных эпизодах междупартийных переговоров «о конструкции власти», как тогда говорилось. Он приходил в полное отчаяние. Людьями в ту минуту владели в России слова, не воля. Психоз слов порождал безысходное всеобщее безволие. От «полноты власти» остались только бессильные жесты. Набоков вкладывал во все эти попытки столкнуться с левыми и помочь беде самую строгую добросовестность и добрую волю. Даже близким он не сознавался в том, что в

¹ Целиком (франц.).

последние месяцы Временного правительства, было, я убежден, его внутренним смертным приговором февральской революции. Он пользовался, я знаю, доверием левых и всегда защищал публично и в партии так называемый «коалиционный» принцип.

Оставалась последняя надежда и последняя ставка – Учредительное собрание. Набоков баллотировался и был избран. Он деятельно вел предвыборную кампанию, постоянно выступая на митингах в Петербурге и Петербургской губернии. Продолжалась работа и другого рода. После закрытия совещания по выработке закона об Учредительном собрании в качестве его преемницы оставалась действовать для руководства выборами и разъяснения избирательного закона так называемая Всероссийская комиссия по выборам в Учредительное собрание. В.Д. Набоков был ее товарищем председателя. Вы помните, что выборы в Учредительное собрание происходили после большевистского переворота. Комиссия продолжала заседать, следя ежедневно, как рушилась всякая законная почва для выборов. В качестве товарища председателя комиссии Набоков подписал 8 ноября воззвание от имени комиссии, кончавшееся словами: «Тягчайшая ответственность перед родиной падет на всех, кто дерзнет покуситься на правильность избрания Учредительного собрания, с которым вся страна связывает ныне свои надежды». Эти слова были заключительным аккордом всей организационной работы эпохи Временного правительства, кануном последнего поражения организационной формулы февральской революции. Через несколько дней на заседание Всероссийской комиссии вошел взвод солдат, принесший собственноручно написанное распоряжение Ленина об аресте «кадетско-оборонческого состава» комиссии; В.Д. Набоков и все мы были отведены в Смольный.

В спорах последних лет о русской революции я не чувствовал сознания глубокой трагичности всего того, что тогда свершилось. Разбиралось, кто повинен и в чем, одни искали в судьбах ее уроков и предостережений для будущего, другие доказывали, что надо вернуться к ее заветам. Но над всеми этими спорами, по мне, господствует один, стоящий вне всякого спора факт: с попыткой построить русское народовластие связало себя, так или иначе, в той или другой форме, как участники или как оппозиция, с верой или безверием, огромное большинство русского общества, все, что было в нем лучшего. Я старался напомнить вам сегодня, что вложил в эту попытку В.Д. Набоков. Весь его разум и вся его воля, весь его сдержанный и культурный, но глубокий внутренний энтузиазм, все отдано было государственному делу в эту трагическую полосу русского исторического развития. Вместе с другими Набоков потерпел поражение. Но можно ли забыть, что оно было поражением всего, что было в народе истинно ценного? «Роковая, родная страна», – сказано в стихотворении Блока. Да, и то, и другое вместе: роковая и родная. Року ее была принесена жертва Набокова. Но он отдал себя Родине.

*Извлечение публикуется по изданию:
Нольде Б.Э. Далекое и близкое: Исторические очерки.
Париж, 1930. С. 139, 150–155.*

БОЛЬШЕВИКИ

ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ АНТОНОВ-САРАТОВСКИЙ

ПОД СТЯГОМ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ

Выборы в Учредительное собрание

Первое время (как и все партии) мы придавали крупнейшее значение Учредительному собранию. Какую бы мы ни вели агитацию, она всегда заканчивалась апелляцией к будущему «хозяину земли русской». Поэтому немудрено, что наша организация по мере сил готовилась к предстоящим выборам. Намечен был список кандидатов, причем при его составлении мы снесли со всеми своими уездными организациями. Список был составлен так, что в него вошли все те товарищи, которые пользовались широкой популярностью и влиянием в массах губернии. Самым требовательным из уездов был Царицынский. Представители от нашей организации этого уезда приехали чуть ли не с повелительным мандатом требовать от нас включения в список всех намеченных ими кандидатов, и притом «на первых местах». После длительных споров нам удалось их ограничить, поставив на первых местах действительно ценных товарищей (С.К. Минина и Ермана) и разбросав других в конце списка. Я привожу этот случай с Царицынским уездом как типичный для настроений тогдашнего момента. В этом «местничестве» сказывался тот наивный партикуляризм, который был свойственен в то время массам. Каждая волость, рота, часть завода (цех) во что бы то ни стало хотели иметь в командующих органах «своих», «тутошных», «знаемых» людей.

Этот период характерен доверием масс к лицам, а не к организациям. Психика своеобразной революционной атаманщины и батьковщины... Центр[альный] комитет нашей партии, со своей стороны, предложил нам возглавить список двумя тогдашними его членами – Л.Б. Каменевым и В.П. Милютиным, что мы и сделали.

Вооруженные этим списком (он шел под № 10), мы развили к началу выборов энергичную агитацию как через печать (газета, листовки, брошюры), так и через уходивших в деревню солдат. Кроме того, по городам губернии разъезжали с тою же целью наши агитаторы и кандидаты в члены Учр[едительного] собрания (я был в Аткарске, М. Васильев – в Вольске, Аткарске и другие – в прочих городах). Конечно, как мы ни старались, мы все-таки главную работу вели среди

городского населения, а не среди крестьянства. А между тем именно оно должно было определить политическую физиономию Учр[едительного] собрания. Это обстоятельство стало вызывать во всей нашей организации вполне естественное беспокойство. «Подведет мужик... медведь бестолковый», – поговаривали с тревогой наши ребята. Октябрьские события сперва технически, а затем и в силу настроения организации как-то отодвинули избирательную кампанию далеко в сторону. По инерции мы еще составляли резолюции, издавали декреты, писали статьи и воззвания с не переменным упоминанием Учр[едительного] собрания, но все эти упоминания носили какой-то мертвенный, формальный характер и вызывали скуку.

По мере развития событий стали чувствовать и сознавать, что дело собственно уже не в «хозяине земли русской», а кое в чем другом; что если Учр[едительное] собрание не признает советской власти, Совета народных комиссаров и его декретную и организационную работу, то не миновать решительного столкновения.

Особого разнобоя в том, что делать тогда с Учр[едительным] собранием, в нашей организации не было. Когда же появились соответствующие статьи Владимира Ильича, то мы и совсем охладели к этому учреждению. Да и не только мы, рабочие, солдатские и отчасти ремесленные массы стали очень и очень иронически относиться к «хозяину». В их прямолинейном мышлении не могло уже уместиться это кричащее своим противоречием положение: советская власть, рабоче-крестьянское правительство и вдруг еще... Учредительное собрание. «Есть один хозяин, чего же еще рожать? А вдруг он, новый-то младенец, неудачным выйдет? Овчинка выделки не стоит», – разговаривали они между собою.

Накануне выборов Совет р[абочих], с[олдатских] и к[рестьянских] депутатов издал очень холодное, официальное обращение к населению:

«Исполнительный комитет, напоминая, что 12 ноября начинаются выборы в Учредительное собрание, призывает всех рабочих, солдат, крестьян и прочих граждан к самому деятельному участию в голосовании. Ни один голос не должен пропасть. Все на выборы! Все к урнам!».

И все. Свобода печати, собраний и агитации была предоставлена в полной мере и всем группам. Этой свободой, конечно, воспользовались и использовали в самой широкой степени все враждебные нам элементы населения. Начиная с меньшевиков, эсеров, «Единства» и кончая Союзом землевладельцев, все вели против нас самую яростную борьбу. Чего только не сваливали на нашу голову! Мы оставались невозмутимыми. Это их приводило буквально в неистовство, и в своих напаках они теряли все разумные границы. Наши журналисты потирали руки от удовольствия, смакуя допущенные противником гомерические нелепости. Рабочие и солдаты ворчали на нас за допущение столь широкой свободы «для тех, кто их держал в тюрьме».

Выборы прошли довольно вяло в рабочих кварталах, и лишь буржуазные кварталы жили лихорадочной жизнью. Каждый из обитателей этих кварталов нес свою избирательную записку, как булыжник или как пулю в голову прокля-

тых большевиков. «Выборы в Учредительное собрание, – рыдал некто Д. в «Голосе думы», – были тихие... не было в городе того оживления, которое мы помним в дни выборов в демократическую думу. Не было радости на лицах, радости в душе...». И далее, сравнивая цифровые итоги выборов в думу и Учр[едительное] собрание, он замечал: «Любопытно отметить, что на выборы в городскую думу жители окраин явились в большей массе (от 50 до 68% всех голосов), чем на выборы в Учредительное собрание (от 33 до 56,2% голосов)». В этом абсентеизме окраин (рабочих кварталов) сказалось пренебрежительное отношение трудовых масс к «хозяину земли русской», чего и не видел г[осподин] Д. В дополнение к жалобам г[осподина] Д. «Саратовский вестник» (№ 253, 1917 г.), ставший органом группы «Единство», отмечал другую сторону выборов, а именно, что «социалисты за 4 месяца потеряли 10 983 голоса». Вернее, социалисты имели не потерю (хотя, конечно, была и она) голосов по сравнению с прошлым, а рост буржуазных голосов, т.е. интенсивнейшее выступление на выборах противосоциалистических элементов, для которых Учр[едительное] собрание было тем же, чем соломинка для утопающего.

В общем и целом по городу из 60 691 чел[овек], голосовавших (на 115 540 чел[овек], имевших право голоса) получили: мы – 22 700; меньшевики – до 4000; эсеры – 8600; кадеты – 12 000 и прочие – мелочь.

Для нас имели существенное значение цифры голосования гарнизона. Из его состава, который насчитывал к этому моменту 30 тысяч чел[овек], имевших право голоса, голосовало лишь всего 12 600 человек. Причем голоса поделились так: за нас голосовало 8992 человека; за меньшевиков – 200; за эсеров – 1900; за кадетов – 500; за украинскую раду (смесь) – 700. Выборы показали нам, что даже в нашем гарнизоне мы имеем не менее 3000 человек, принадлежащих определенно к лагерю контрреволюции. Они-то и вели впоследствии свою разрушительную работу в солдатской массе, спекулируя уже не на политических мотивах, а на шкурничестве и провокации.

С голосованием в деревне было очень плохо. События города еще только-только стали проникать в крестьянскую толщу, которая еще не раскачалась и не отбросила привычную для нее эсеровскую сермягу. Там же, где крестьяне уже знали об Октябре и сочувствовали ему, на них обрушивался эсеров-кулацкий террор. «Во время выборов в Учредительное собрание, – докладывали исполкому ходоки-делегаты села Сокур, – общество устроило сход и поставило урны. Начальник станции вместе с кулаками настаивал на том, чтобы все голосовали за список № 12 (эсеров). Брели карточки и против воли крестьян бросали их в урны. Крестьяне возмущались, кричали, что надо голосовать за список № 10, так как это самая правильная партия; но кулаки кричали, что большевики – это грабители, разрушители, кто пойдет за ними, того побьют нагайками, как в 1905 году». Нередки бывали случаи избияния кулаками тех крестьян, которые осмеливались голосовать за наш список.

И все же, несмотря на столь тяжелую для крестьян обстановку выборов, результаты превзошли всякие, даже самые оптимистические предположения; из общего числа в 644 908 голосов (по г. Царицыну и пяти уездам – цифр по всем уездам губернии у меня под рукою нет) наш список получил 165 967 против эсеров,

получивших 361 266 голосов, т.е. мы шли в деревне на втором месте после эсеров и на первом – в отношении к прочим партиям.

По данным пяти уездов и г. Царицына голоса между нами и эсерами распределялись так: по г. Царицыну: № 10 (мы) – 16 554; № 12 (эсеры) – 4978; по Царицынскому уезду: № 10 – 19 333, № 12 – 18 318; по Саратовскому уезду: № 10 – 25 350, № 12 – 49 057; по Аткарскому уезду: № 10 – 47 315, № 12 – 69 054; по Петровскому уезду: № 10 – 15 582, № 12 – 60 384; по Хвалынскому уезду: № 10 – 7767, № 12 – 50 128; по Сердобскому уезду: № 10 – 11 355, № 12 – 100 586.

Эти данные показывают с несомненной очевидностью, что если бы политически представлялась возможность отсрочить выборы еще хоть на один месяц, то крестьянская масса, ознакомившись с мероприятиями советской власти, дала бы первый мандат в Учредительном собрании не кому другому, как большевикам. Но как бы там ни было, сверх ожидания мы приобрели почти четыре места в Учредительном собрании. К выборам персональный состав наших кандидатов видоизменился. Л.Б. Каменев, выставленный у нас «про запас», прошел по другой губернии; снята была также кандидатура и В.П. Милютин. Мандаты получили лишь следующие местные работники: М.И. Васильев, С.К. Минин, я и Яков Ерман (оспоренный по голосам).

Учитывая сложность положения на месте, требование организации, которая не хотела меня отпустить, и будучи глубоко убежден, что Учредительное собрание не жилец на белом свете, я решил не ездить на открытие. М.И. Васильев и С.К. Минин все же поехали и имели счастье видеть историческую картину разгона высокого собрания. Михаил (Васильев) даже остался в Питере, заделавшись там членом коллегии народного комиссариата внутренних дел.

В одном из своих пленарных заседаний наш Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов определенно заявил, что Учредительное собрание должно быть выразителем воли Советов или его не должно быть вовсе. Поэтому разгон его был принят Советом как само собою разумевшаяся необходимость. Он приветствовал этот разгон как акт политической мудрости, как акт своевременной самозащиты рабоче-крестьянского правительства, пролетарской диктатуры от посягательства контрреволюционных элементов и классов. Рабочие удовлетворенно обсуждали разгон и торжествующе говорили: «Ага, господа буржуи, сорвалось. Не удалось вам обыграть нашего брата». Солдаты были еще более довольны. Они уже давно волком смотрели на Учредительное собрание, а тем более с того момента, когда выяснилось его эсеровское большинство. «Неужто опять Керенский воцарится?» – тревожно спрашивали они.

Лишь из деревни шло «сумление»: «Как же, мол, так. Хозяина, да вдруг из дома вон. Что-то негоже». Но так как в конце концов земля-то была уже в распоряжении мужика, то он и пальцем не пошевелил в защиту высокого собрания.

Иное дело партия мелкобуржуазного социализма. Они хотя и знали, что у нас «нет ничего святого», но все-таки, по-видимому, где-то в глубине их демократических душ теплилась надежда на то, что авось большевики не осмелятся дотронуться до такой святыни, которая признавалась всеми революциями «от сотворения мира до наших дней».

Еще до разгона они проявляли наивысший градус кипения. По призыву петерского Союза защиты Учредительного собрания они решили устроить демонстрацию. Из прокламации, подписанной комитетами меньшевиков, эсеров, бундовцев, народных социалистов, а равно столь апокрифическими учреждениями, как разогнанные городская дума, губернский исполком крестьянских депутатов и проч., и озаглавленной «Все на мирную демонстрацию», мы узнали, что 17 декабря 1917 г. в 12 ч[асов] дня должна произойти демонстрация «в защиту прав Учредительного собрания». Прокламация была нам доставлена на заседание фракции перед пленумом Совета р[абочих], с[олдатских] и к[рестьянских] д[епутатов]. Фракция решила (а комитет санкционировал) на мобилизацию сил за учредилку ответить мобилизацией сил за советскую власть и устроить вооруженную демонстрацию. Об этом решении было объявлено пленуму, который обеими руками подписался под этим решением. Тогда учредилковцы свою демонстрацию отменили, а наша состоялась, дав яркую картину отношения трудовых масс и гарнизона к Советам. После этого урока мы думали, что наши противники утихомятятся и откажутся от своих демонстративных затей. Не тут-то было. Они перенесли свою демонстрацию на 31 декабря, о чем оповестили в новой прокламации.

Гарнизон взбаламутился. Он еще не забыл думских баррикад, казаков, почтово-телеграфной забастовки и служебного саботажа. Поэтому, когда количественно жалкая демонстрация учредилковцев, состоящая почти исключительно из служащих, совершала свой променад, она скоро наткнулась на группы солдат, вышедших из военного городка проучить буржуев. Началась перебранка, потом свалка, а потом – стрельба. Демонстрация разбежалась, оставив двух-трех раненых и одну убитую женщину (с.-д.). На этом печальном случае инициаторы демонстрации попытались нажить некоторый политический капиталец, предъявляя обвинение в «убийстве» не больше и не меньше, как к Совету р[абочих], с[олдатских] и к[рестьянских] депутатов и нашей организации. Советом была создана специальная комиссия, которая, расследовав детально это дело, установила с непреклонной очевидностью, что виновниками столкновения были демонстранты и их руководители.

Так, еще не родившись, Учр[едительное] собрание потребовало кровавых жертв. Когда же оно родилось – жертвы умножились. Идол мелкой буржуазии оказался крайне кровожадным. Осиновый кол его памяти!

*Извлечение публикуется по изданию:
Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы.
Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове
за время с 1915 г. до 1918 г.
Т. 1. М.; Л., 1925. С. 234–240.*

ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КУРАЕВ

ОКТАБРЬ В ПЕНЗЕ

Глава IV Выборы в Учредительное собрание

Выборы в Учредительное собрание в Пензенской губ[ернии] протекали для большевиков в весьма неблагоприятных условиях. Главные силы большевистской партии до Октября были сосредоточены в крупнейших и промышленных центрах и на фронте, ибо именно там всего важнее было завоевать массы на сторону большевиков.

В провинции буржуазные и соглашательские партии в февральскую революцию были многочисленнее большевистских организаций, так как кадры их усиленно пополнялись буржуазной и обывательской интеллигенцией, которая своим мутным потоком стремилась влиться в революционные рабочие и крестьянские ряды. Кадеты, эсеры и меньшевики в период февральской революции, особенно в начале ее, заполнили фабрики, деревни и казармы своими агитаторами, распространяли множество листовок, воззваний и брошюр, в которых они развивали программу, раздавали направо и налево тысячи обещаний, которые они потом не выполняли.

Им удалось таким ядом своей демагогии отравить сознание трудящихся и хоть на короткое время заставить их поверить в «спасительную силу» буржуазной власти и Учредительного собрания.

Большевистская агитация в февральскую революцию в Пензенской губ[ернии] не могла принять массового характера за недостатком партийных сил. Но все же она разными путями и, прежде всего, через петроградские и московские большевистские газеты, через солдат, разагитированных большевиками на фронте и в столичных гарнизонах, с помощью усилий немногочисленных пензенских большевиков проникала в рабочие кварталы, в деревню и в казармы и делала там свое революционное дело.

В массовом масштабе большевики в Пензе начали подготовку к Учредительному собранию не более, как дней за десять до выборов. Несмотря на такой короткий срок, мы все же успели очень многое сделать в самой Пензе – на предприятиях и в гарнизоне. Можно сказать, что подавляющее большинство рабочих и солдат г. Пензы подало голоса за большевистский список. Наоборот, вся буржу-

азная верхушка Пензы и огромная масса обывателей отдали голоса кадетам и соглашателям.

В течение указанного десятидневного срока мы, естественно, не смогли сколько-нибудь серьезно повлиять на ход выборов в Учредительное собрание в деревне. Мы не сумели даже доставить в деревню ко дню выборов наши избирательные воззвания. Эсеровские власти сделали, конечно, со своей стороны все, чтобы наша литература задержалась в пути до окончания выборов. Но зато там, где была получена наша избирательная литература, она быстро распространялась, так как в низовых органах власти или в связи с ними были уже солдаты и матросы-большевики. Несмотря на то, что мы фактически не проводили подготовительной кампании к выборам, нам все же удалось собрать около десяти процентов всех голосов граждан, участвовавших в выборах, за наш список № 5.

Подавляющее большинство рабочих голосовало за нас как в Пензе, так и в уездах. Большевистский и кадетский списки собрали голосов каждый меньше вдвое, чем большевистский список. Большинство голосов было подано за эсеровский список. Эсеры торжествовали, но их торжество было недолговечно, как мыльный пузырь. Та часть крестьян, которая голосовала за них, высказывала этим голосованием доверие собственно не эсеровской партии, а своей крестьянской программе, социализации земли, которая была проведена в жизнь революционным декретом советского правительства в ночь на 25 октября (7 ноября).

*Извлечение публикуется по изданию:
Кураев В. Октябрь в Пензе.
Пенза, 1927. С. 32-34.*

Кроме артиллерийского дивизиона в связи с демобилизацией старой армии М[осковский] в[оенный] о[круг] ввел в Москву для расформирования целый ряд полков, что увеличивало и без того большое количество контрреволюционного элемента, уже имевшегося в Москве (здесь находилось много офицеров и юнкеров, освобожденных после октябрьского переворота). Солдаты демобилизованных полков распускались и разъезжались по домам, а офицерство эсеровского типа пристраивалось к штабу Московского военного округа. Так, например, эсер Петряков и после него эсер Стрижак были комендантами Кремля, начальниками 1-й пулеметной школы, находившейся в Крутицких казармах, был эсер Орешкин, а после него – эсер Ершов. Поскольку правые и даже некоторые левые эсеры яростно выступали за созыв Учредительного собрания, то ясно, что они могли питать некоторые надежды на своих ставленников. В этот период главную роль в борьбе против советской власти играл так называемый Священный собор. Большевики и эсеры не брезговали никакими средствами, чтобы получить союзников в борьбе против советской власти. Вокруг Священного собора сконцентрировались все контрреволюционные элементы, начиная с монархистов, кадетов и кончая эсерами и меньшевиками. Уже с середины ноября 1917 г. в Кремле начали концентрироваться разные антисоветские силы. Напр[имер], под видом крестного хода в Кремле собралась многотысячная толпа во главе с контрреволюционным офицерством. Одновременно с этим под шумок вооружались эсеры. Как теперь установлено по архивным документам, 1-я московская революционная (эсеровская) пулеметная школа в период с 21 (8) декабря 1917 г. по 6 января (24 декабря) 1918 г. получила из арсенала Кремля 8900 винтовок¹.

В Москве эсеры и меньшевики в начале декабря 1917 г. свою работу решили повести на заводах и домовых комитетах. Особенно перед разгоном Учредительного собрания, т.е. в конце декабря и начале января, они развернули бешеную кампанию за свержение советской власти. Почти ежедневно они устраивали под разными предлогами демонстрации. Так, например, ими было устроено несколько демонстраций дворников, особенно из центральных районов Москвы, которые в большинстве являлись наследием полицейского аппарата еще со времени царизма. Следует отметить, что институт домовых комитетов и дворников еще накануне Октября меньшевиками и эсерами во главе с городским головой эсером Рудневым и начальником милиции меньшевиком Никитиным был превращен в сеть хорошо организованной и связанной с милицейскими участками военной силы. Эта организация домовых комитетов и дворников, связанная с буржуазией своих домов, осталась и после октябрьской революции как боевая сила белогвардейцев, готовая выступить по первому их зову. Последняя такая демонстрация дворников перед 18 (5) января была окружена красной гвардией, причем было арестовано около 100 человек, из которых большинство оказались бывшими полицейскими. Во время разгона этой демонстрации нами было отобрано больше ста револьверов, что свидетельствовало о вооруженном характере демонстрации.

Наряду с такими демонстрациями белогвардейцами была устроена одна общая демонстрация в центральном районе, направившаяся к Московскому совету.

¹ Архив комендатуры Кремля, 1918 г., предписания за № 1584, 1595, 2825.

Насколько я помню, здесь были примерно лозунги: «Долой большевистских авантюристов, приехавших в запломбированных вагонах. Долой германских шпионов!» и т.д. Положение в Московском совете и московском комитете большевиков, охранявшихся всего (приблизительно) 80 красногвардейцами под общей командой тов. Тулякова, было крайне критическое, ибо демонстранты начали выходить из рядов, взламывать двери и врывать в помещения. Однако за полчаса до этого члены президиума Моссовета т[оварищи] Игнатов, Максимов и Серебряков позвонили мне по телефону и предложили немедленно выслать помощь для предотвращения разгрома Московского совета и московского комитета партии большевиков. Высланные мною один броневик со стороны Охотного ряда, грузовой автомобиль с вооруженными красногвардейцами при пулеметах и ручных гранатах по Тверской со стороны Садовой, другой вооруженный грузовик и одна легкая машина под руководством т[оварищей] Зарина и Гленко со стороны Тверского бульвара и одна вооруженная легковая машина со стороны Столешникова переулка, подъезжая к демонстрации, с разных сторон стали давать тревожные гудки и дали выстрелы в воздух из пулеметов, быстро и одновременно со всех сторон приближаясь к толпе. В результате такого нажима с нашей стороны, – как мне передавали участвовавшие в этом деле товарищи, – в толпе началась неопишуемая паника. Все бросились бежать, кто куда мог. Через несколько минут от всей громадной белогвардейской толпы на площади остались только брошенные в панике шляпы да галоши. Таким образом, все попытки белогвардейцев организовать свои силы перед 18 (5) января кончились неудачей.

Учитывая рост и подготовку контрреволюционных сил, нам пришлось принять ряд мероприятий против возможного контрреволюционного выступления. Нами были закрыты все газеты, которые призывали к контрреволюционному выступлению против советской власти, были ликвидированы экспедиции, распространявшие эти газеты и воззвания. Но эсеры, меньшевики и бундовцы все-таки не успокоились. Тогда мы арестовали партийные комитеты, причем нами было взято огромное знамя Учредительного собрания, приготовленное для демонстрации.

На время демонстрации 18 (5) января центральный штаб красной гвардии в согласии с московским комитетом большевиков и Моссоветом отдал распоряжение по всем заводам о том, чтобы рабочие в день демонстрации оставались на заводах, не выходили на улицу и не примыкали к контрреволюционной демонстрации.

Для предупреждения контрреволюционного выступления в важнейших пунктах и местах скопления врагов советской власти, т.е. на главнейших площадях, были расставлены вооруженные отряды красногвардейцев совместно с революционными частями старой армии. Были выставлены посты для охраны банков, партийных и советских учреждений, заводов и т.п.

Утром 18 (5) января двинулась демонстрация в «защиту Учредительного собрания». В ней приняла участие вся антисоветски настроенная часть Москвы, которая вместе с попами выступила с иконами и многочисленными антисоветскими знаменами.

Красная гвардия расположилась вблизи главных площадей – по учреждени-

ских рабочих, категорически заявил, что не пропустит их до тех пор, пока не уйдут демонстранты, находящиеся на другой стороне моста, и предложил подождать. На это меньшевичка Доманевская вторично заявила, что они пройдут с боем, и демонстрация двинулась на охрану. Тов. Васильев крикнул: «Назад», и весь отряд направил на демонстрантов свои винтовки, при этом тов. Васильев заявил:

– В противном случае я скоманую стрелять!

Таким путем Васильев не пропустил демонстрантов, руководимых меньшевиками, которые хотели соединиться с общей контрреволюционной демонстрацией, проходившей под лозунгом: «На борьбу за Учредительное собрание!».

На Арбатской площади демонстранты со злостными выкриками: «Долой Ленина!», «Долой германских шпионов!», «Долой большевистский авантюризм!», «Долой советскую власть!» – стекались со всех концов города и начали окружать здание б[ывшего] Александровского военного училища, где, как уже говорилось, находился центральный штаб красной гвардии.

С приближением демонстрантов насчитывающий около 550 чел. запасной артиллерийский дивизион, который недавно был размещен в помещениях штаба красной гвардии, прислал ко мне как к начальнику штаба московской красной гвардии делегацию в числе 40 человек. Эта делегация выставила ультиматум о немедленном разоружении, говоря: «К чему тут у вас красная гвардия? И зачем выставлены пулеметы? На борьбу с кем вы здесь, в штабе красной гвардии, сконцентрировали около 500 человек?».

Необходимо отметить, что мною еще ранее была выявлена политическая физиономия этого артиллерийского дивизиона и приняты некоторые предупредительные меры.

Так, во многих местах штаба были расположены секретные караулы хорошо вооруженных красногвардейцев и части броневой команды, которые изолировали артиллерийский дивизион и охраняли наш арсенал и штаб красной гвардии. В ту часть артиллеристов, которая до некоторой степени была введена в заблуждение правыми эсерами и командным составом, мы посылали своих агитаторов, чтобы их, по крайней мере, сделать нейтральными по отношению к советской власти.

И вот в тот момент, когда делегация пришла ко мне с ультимативным требованием о нашем разоружении, я немедленно отдал распоряжение нашему скрытому караулу занять у артиллеристов пирамиду, в которую были расставлены винтовки, снять немедленно их посты с орудий, занять их арсенал, окружить и разоружить, главным образом, весь командный состав. Своим политическим работникам я приказал сейчас же раскрыть перед солдатами всю авантюру, в которую их втягивал правый эсер комиссар Зелинский, выставляя штабу красной гвардии ультиматум о разоружении. При этом солдатам-артиллеристам было объявлено, что бывшие комиссар и командиры дивизиона за выставление ультиматума разоружены и отправлены в тюрьму.

Одновременно с этим часть демонстрантов остановилась на Арбатской площади с криками: «Выходите, присоединяйтесь к нам!», – обращаясь, главным образом, к артиллерийскому дивизиону. Но красногвардейцы были начеку. Ими

были заняты все ходы и выходы, никто на улицу не мог выйти, и артиллерийский дивизион к демонстрантам не присоединился.

После разоружения дивизиона я выпустил на улицу, навстречу демонстрантам броневик, а секретные посты красногвардейцев начали выходить из помещения центрального штаба красной гвардии и постепенно оттеснять наступавшую контрреволюционную массу.

К этому же времени от демонстрантов выделились 5–6 человек анархистов; они пришли в штаб красной гвардии и заявили, что отдают себя в наше распоряжение против общей контрреволюции, в числе их были: Лев Черный, Трейман и Бармашев. Я в первый момент был в недоумении и не знал, что делать. Обстановка была очень сложная. Подумав несколько минут, я им предложил приходить на общих основаниях, как все красногвардейцы. Они согласились. Оказалось, что это была не маленькая группа, а около 200 хорошо вооруженных человек из разных анархических групп. Если бы они пришли раньше за час или полчаса до разоружения артиллерийского дивизиона, то могло создаться положение более чем опасное. Анархисты всем своим поведением вызвали у меня подозрение. Я опять пригласил свои секретные охранные части, которые дежурили в красной гвардии, и часть опытных латышских стрелков во главе со старыми партийцами.

Анархисты расположились в большом зале штаба, а мы негласно и гласно увеличили вокруг них свои караулы, которые по своему количеству представляли более грозную силу, чем анархисты, вооруженные маузерами и бомбами. Красногвардейцы также имели бомбы, а некоторые даже ручные пулеметы. Постепенно я и мои товарищи поняли, что большая часть анархистов искренно желает бороться за революцию. Однако, как теперь выяснилось по воспоминаниям, написанным белогвардейцами, между этими анархистами скрывались и монархисты, организовавшие впоследствии всевозможные выступления против советской власти.

Своим серьезным выдержанным поведением мы внушили им уважение и страх перед революцией, а сомнительные элементы побоялись выступить.

Приблизительно через час после этого я нагрузил несколько грузовиков красногвардейцами и вместе с ними разместил также часть анархистов, беря их под наше наблюдение. Эти грузовики были отправлены на площади, чтобы принимать участие в разгоне контрреволюционной демонстрации. Оставшиеся анархисты, особенно из группы индивидуалистов, довольно долго колебались и уговаривали оставить их при центральном штабе красной гвардии в качестве охраны штаба.

Это требование увеличило мое подозрение, что среди анархистов находятся люди с авантюристическим уклоном. Я им ответил: «Раз вы уже вступили в мое распоряжение, то исполняйте мои приказания», и сейчас же отдал распоряжение командиру о разбивке их на мелкие группы для немедленной отправки совместно с красногвардейцами на подавление контрреволюции.

18 (5) и 20 (7) января прошли очень бурно. Крупные демонстрации были разогнаны. Состоялись лишь мелкие летучки белогвардейцев. Эти летучки были особенно озлобленные. Белогвардейцы собирались то в одном, то в другом месте

и призывали и активным действиям против советской власти, к борьбе за Учредительное собрание. Красногвардейцы на грузовиках, а иногда с броневиками упорно разгоняли эти летучки. В течение всего дня до поздней ночи происходили вспышки контрреволюционных выступлений. Однако силами красной гвардии и революционных солдат все попытки контрреволюционного восстания были ликвидированы.

За все это время борьбы, 18 (5) и 20 (7) января 1918 г., со стороны белых было убито 9 человек и около 30 человек ранено. Из красной гвардии несколько человек было ранено.

Следующим выступлением контрреволюции в Москве была попытка белых сорвать нашу мирную демонстрацию в память жертв 22 (9) января 1905 г. Это выразилось в том, что белогвардейцы с чердаков бывш[их] гостиниц «Метрополь», «Континенталь» и Исторического музея стреляли из пулеметов по мирной демонстрации рабочих, красной гвардии и революционных солдат, убив такими выстрелами из-за угла около 12 человек и ранив около 20 человек. Однако нами эти гнезда контрреволюционеров были быстро обнаружены и ликвидированы.

Это была последняя попытка белых в Москве дать бой за Учредительное собрание.

*Публикуется по изданию:
Пече Я. Контрреволюционное выступление
в Москве в связи с разгоном Учредительного
собрания 18 (5) января 1918 г. //
Пролетарская революция. 1928. № 2. С. 124–132.*

И.Я. РЫБАКОВ

**1917 ГОД В АЛЕКСАНДРОВСКОМ УЕЗДЕ
(Из воспоминаний)**

Подготовка к выборам в Учредительное собрание

Мы – большевики – отлично понимали, что поскольку политическая и экономическая власть находится в руках буржуазии, постольку вся история с «учредилкой» есть ни больше ни меньше, как комедия, и что власть у буржуазии и социал-предателей нужно брать не избирательными бюллетенями, а с винтовкой в руках.

Но все же подготовительную работу к выборам в Учредительное собрание пришлось и большевикам вести.

Конечно, для того, чтобы провести широко кампанию, нужны были средства, которых у большевиков не было.

Совершенно другое дело у других буржуазных и мелкобуржуазных партий, у которых средств было достаточно и они заваливали места разной литературой, воззваниями, плакатами, газетами и т.п. В гор. Александрове почти на всех домах и видных местах были наклеены десятки всевозможных художественных плакатов с лозунгами: «В борьбе обрешь ты право свое», «Голосуйте за Партию социалистов-революционеров» и т.д. и т.п. И среди моря разных плакатов мелкобуржуазных и буржуазных партий трудно было заметить небольшого размера, простенький, без всяких художеств, плакат партии большевиков.

Но партию большевиков знали хорошо и без плакатов в Александровском уезде. Не было почти ни одного беспартийного рабочего и работницы, которые не голосовали бы за партию большевиков, что впоследствии подтвердилось итогами голосования.

Накануне выборов в учредилку вся партийная организация большевиков была на боевом посту и каждый член ее вел определенную работу. Но, кроме членов партии, и беспартийные рабочие и солдаты принимали активнейшее участие в агитации. Припоминается один интереснейший момент, когда поступил протест в Совет раб[очих] и солд[атских] депутатов от партии эсеров на то, что солдаты срывают их плакаты. А плакаты эти были полотняные, громадного размера, переброшенные через улицы. Большевикам приходилось идти уговаривать т[оварищей] солдат.

Были и такие случаи, когда эсеры направляли по городу людей, за спиной которых посажены были разные чучела с эсеровскими лозунгами. Этих людей беспартийные рабочие и солдаты переловили и притащили в Совет раб[очих] и солдатских депутатов; больших трудов стоило уговорить товарищей, чтобы они не применяли физического насилия к эсеровским агитаторам.

В Александровском уезде в момент выборов в Учредительное собрание я от Совета раб[очих] и солд[атских] депутатов был послан в комиссию, где происходил подсчет результатов голосования¹. Комиссии эти по закону Керенского должны были состояться почти исключительно из монархистов по своему служебному положению, т.е. из царских чиновников. Председатель комиссии должен был быть обязательно член окружного суда.

Когда я заявился в эту комиссию, на меня смотрели, как на зверя.

Наконец, стали подсчитывать голоса. Помню, что в начале шли крупные фабрики – Струнинская и Карабановская, а затем город. И, о ужас: рожи у чиновников покоробило. Не поверили сами себе. Стали снова пересчитывать, и снова те же цифры. Фабрики почти все голоса подали за большевиков, 197 пех[отный] полк – тоже, и только городская буржуазия подала свои голоса за партию кадетов, а эсеры и меньшевики почти ничего не получили, их голоса выражались в десятках и единицах. Ведем подсчет дальше, по волостям. Тут несколько иная картина. За кадетов почти не было подано голосов. По большинству волостей $\frac{2}{3}$ голосов поданы за большевиков и $\frac{1}{3}$ за эсеров, в небольшой части волостей подано голосов $\frac{1}{2}$ за большевиков и $\frac{1}{2}$ за эсеров. Общий итог приблизительно был таков: $\frac{2}{3}$ голосов за большевиков и $\frac{1}{3}$ за все остальные партии. Чиновники в комиссии повесили нос и изменили ко мне свое отношение, но мне было не до их любезностей, я спешил довести до сведения Совета раб[очих] и солд[атских] депутатов о результатах выборов. Сколько было тогда радости, трудно и описать.

*Извлечение публикуется по изданию:
Рыбаков И.Я. 1917 год в Александровском уезде.
(Из воспоминаний) // Наше хозяйство (Владимир).
1927. № 10–11. С. 114–115.*

¹ К моменту выборов в учредилку я уже считался «спецом» по перевыборам в Учредительное собрание, т.к. меня до этого посылали на специальные двухнедельные курсы в Москву. Не могу обойти молчанием учебу на этих курсах. Курсы были организованы партией эсеров с расчетом на то, что с мест на эти курсы пришлют членов партии эсеров, а оказалось, что большинство было прислано большевиков. Пробыв на курсах два дня, мы – большевики – потребовали от администрации курсов, чтобы нам читали лекции лектора и большевики, а не только одни эсеры и меньшевики, в противном случае мы с курсов уезжаем обратно на места. Администрация нашу просьбу вынуждена была удовлетворить и к нам приехал читать лекцию тов. Бухарин (прим. И. Рыбакова).

СМОЛЕНСКИЙ

В КОЛОМНЕ

– Если у тебя будут требовать, чтобы ты не агитировал за нашу партию, то для виду соглашайся! – Так говорил мне Левшин перед моим отъездом в Мещеринскую волость, куда я нанялся поехать инструктором по выборам в Учредительное собрание.

В уездной избирательной комиссии с меня действительно потребовали обязательства не агитировать ни за какую партию в особенности, а «беспристрастно разъяснять населению порядок выборов и задачи каждой партии». Такое «обещание» пришлось дать.

Но это «обещание» я, конечно, не выполнил. В моем лице орган Временного правительства послал в деревню за свой счет большевистского агитатора.

Для меня началась пора беганья из деревни в деревню, с митинга на митинг. Приходилось прибегать к разным мелким хитростям, чтобы волостные власти не доносили на меня в город за большевистскую агитацию. В одном месте я приходил на «чужой» (эсеровский или еще чей-нибудь) митинг как частное лицо и выступал как человек из публики. В другом месте вел большевистские беседы с крестьянами. В третьем читал что-то вроде лекций (культурно-просветительная работа нам не запрещалась).

Партийная работа, агитация от партии велась полуподпольно. Но, тем не менее, моя официальная, непартийная работа не страдала... и та, и другая работа была сделана полностью.

Крестьяне часто задавали мне вопросы: когда же земля будет передана крестьянам или когда им можно будет взять ее?

Я не говорил им в ответ, что землю дает Учредительное собрание. Но и не мог взять на себя ответственность за организацию захвата земли крестьянами. И лишь указывал, что наша партия рекомендует крестьянам взять организованно, без безобразий землю в свои руки, чтобы Учредительное собрание задним числом было вынуждено благословить этот шаг их.

И однажды в Сапронове в конце моего доклада по земельному вопросу меня спросили:

– А ежели нам Безбородовский хутор забрать в свои руки?

Я рекомендовал сделать это, но без всяких дикостей, рассказал, как сделать лучше.

После моего ухода собрание еще продолжалось: там решили забрать хутор.

А на следующий день несколько крестьян принесли в Мещерино, в «волость» постановление собрания. В постановлении было сказано, что «общество берет хутор на себя», принимает все хуторское имущество на учет, ставит там для охраны сторожа с охотничьим ружьем.

И эту бумагу, говорившую о разумном постановлении общества, председатель волостного земства изорвал на клочки, топая ногами, ругая сапроновцев и грозя им.

На этом дело об организованном захвате хутора замолкло, о нем больше никто не вспоминал...

Через несколько дней после того я был в городе. И там в избирательной комиссии мне показали жалобу на меня. Жалоба устанавливала, что я в Мещеринской волости веду большевистскую агитацию.

Но меня все-таки не выгнали из инструкторов, а лишь предупредили, чтобы впредь этого не было.

Газеты к нам приходили два раза в неделю, и потому со всеми событиями мы знакомились значительно позже, чем горожане.

27 октября я вновь митинговал в Сапронове, в школе.

Наш митинг прервали двое вернувшихся из Коломны крестьян. Они привезли первую весточку о взятии власти в руки Советов. Это был «манифест» новой местной власти, власти советской.

Начались взаимные поздравления, некоторые даже целовались. Чувствовалась радость от близкой нам победы, совершившейся далеко, в богатом Питере.

*Извлечение публикуется по изданию:
Смоленский. В Коломне // Наковальня
(бесплатное приложение к газете
«Коломенский рабочий»). 1924. № 5. С. 61–62.*

Г. ЮРЧЕНКОВ

БОРЬБА ЗА УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Вопрос об Учредительном собрании разбирался Архангельским с[оветом] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]. 26 (15) августа 1917 г. ввиду территориальной разбросанности губернии было постановлено приступить сразу же к подготовительной по выборам работе.

Нужно заметить, что для Архангельской губернии в Учредительное собрание центром было дано два места, с чем С[овет] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] не согласился и просил предоставить еще одно место. Это ходатайство успехом не увенчалось.

В сентябре месяце проходит широкая кампания декларирования объявлениями и воззваниями выборов в Учредительное собрание. Много внимания этой работе уделяли меньшевики-соглашатели.

Было создано специальное справочное бюро, которое на эту работу прилагало весь свой ум и энергию.

Большевистская организация к этому времени уже несколько окрепла. Получала центральные газеты, указания в работе т.д. Несмотря на это, предвыборная кампания проводилась большевиками слабо. Основное внимание уделялось на рабочие районы, меньше на город.

И только в октябре большевики уже начинают работу путем агитации, выступлений на собраниях и т.д. Но и эта работа проходила слабовато.

Все же без участия большевистских представителей уже не проходил ни один митинг, особенно в рабочих районах. К этому времени можно было чувствовать, что успех большевиков в рабочих районах обеспечен.

В октябре же месяце Архангельская объединенная организация проводила два общих собрания с вопросом «намечание кандидатов социал-демократов в Учредительное собрание».

На первом из них кандидаты намечены не были, т.к. собрание оказалось малочисленным. Вторичное собрание от 18 (5) октября, несмотря на неполный кворум, этот вопрос разрешило, и кандидатами были выдвинуты Бустрем и Житков. После закрытия собрания сразу стало известно, что большевики выступят с самостоятельным списком.

Большевики свое собрание по этому вопросу проводят 27 (11) октября, где намечают своих кандидатов – т[оварищей] Новова и Зинкевича. Впоследствии эти

кандидатуры были заменены другими товарищами – Мурановым¹ и Оппоковым (Ломовым)². Небезынтересно сопоставить, как намеченные кандидатуры объявлялись в печати.

РСДРП (объединенная) в «Известиях Арх[ангельского с[овета] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]» опубликовала воззвание к «северному крестьянству», в котором говорится:

«Архангельская объединенная организация Российской социал-демократической рабочей партии, готовясь к выборам в Учредительное собрание, обращается ко всему рабочему люду с призывом голосовать за членов этой партии – Владимира Владимировича Бустрема и Анатолия Алексеевича Житкова.

Эти товарищи больше десятка лет боролись со старым правительством за рабочий люд, много лет пострадали в тюрьмах за народную волю, и теперь их выбирает народ в Учредительное собрание для того, чтобы по-старому боролись они там за лучшую жизнь для рабочего люда. Голосуйте за этих людей, товарищи крестьяне, помните, что, голосуя за этих людей, вы добиваетесь лучшей жизни для самих себя и своих детей.

Голосуйте за список № 2».

Большевики в тех же «Известиях» от 25 окт[ября] 19[17] года объявили просто:

«Архангельский комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) выставляет кандидатами в Учредительное собрание:

1. Матвея Константиновича Муранова (бывш[ий] депутат 4-й Государств[енной] думы от Росс[ийской] соц[иал-]дем[ократической] раб[очей] пар[тии]) и
2. Георгия Ипполитовича Оппокова (Ломова) (журналист)».

Впоследствии были опубликованы все списки, в следующем порядке:

«Архангельская окружная по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия на основании ст. 16 и 57 Положения о выборах в Учредительное собрание объявляет во всеобщее сведение, что из заявленных кандидатских списков в Учредительное собрание по Архангельскому избирательному округу приняты и подлежат опубликованию нижеследующие списки:

№ 1. Архангельской группы Партии народной свободы: Исупов Александр Евграфович, Бартенев Виктор Викторович.

№ 2. Архангельской организации объединенной Российской социал-демократической рабочей партии: Житков Анатолий Алексеевич, Бустрем Владимир Владимирович.

№ 3. Архангельской губернской организации Партии социалистов-революционеров, поддерживаемой Архангельским губернским Советом крестьянских депутатов: Иванов Алексей Алексеевич, Квятковский Михаил Федорович.

№ 4. Группы граждан Кушевской волости Холмогорского уезда: Осипов Павел Иванович.

¹ Муранов Матвей Константинович (1873–1959) – член РСДРП с 1904 г., большевик, член IV Государственной думы. В 1918–1923 гг. в аппарате ЦК РКП (б), член Президиума ВЦИК.

² Ломов (Оппоков) Георгий Ипполитович (1888–1937) – член РСДРП с 1903 г., большевик. В июле 1917 г. избран членом ЦК РСДРП(б), комиссар юстиции в первом составе Совнаркома.

№ 5. Архангельский комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) также объявил кандидатов в Учредительное собрание: 1. Матвея Константиновича Муранова (бывш[его] депутата 4-й Государств[енной] думы, Росс[ийской] соц[иал]-дем[ократической] раб[очей] фракции). 2. Георгия Ипполитовича Оппокова (Ломова) (журналист)».

С этого момента все политические партии ведут усиленную агитацию за своих кандидатов.

Большевикам больше, чем требовалось, приходилось соблюдать все формальности, которые ставились перед ними избирательной комиссией, состоящей из меньшевиков и эсеров. Например, список большевиков был принят последним, причем их упрекали, что список будто бы слишком запоздал и т.п.

Архангельской РСДРП (объединенной) проводилась усиленная агитация за Учредительное собрание.

Выборы происходили таким путем: город был разделен на районы. Рабочие л[есо]заводов, порта, Бакарицы и часть рабочих и служащих города голосовали за большевистских кандидатов. Большевики получили там большинство голосов.

В самом городе и некоторых уездах большинство голосовало за эсеров. В деревнях выборами в большинстве руководили зажиточные крестьяне, которые заставляли голосовать за Партию народной свободы (к.-д.) и эсеров. Уезды в достаточной мере не были охвачены большевистской организацией, хотя туда посылались фронтовики, возвращавшиеся в свои деревни. Но их участие в работе оказалось незначительным.

В итоге Архангельская губерния в Учредительное собрание дала эсеров.

Выборы в Учредительное собрание для эсеров и меньшевиков были большим, торжественным праздником. В уезды были брошены большие силы. Среди населения велась усиленная подготовка. Местная печать, находившаяся в их руках, была целиком использована для этой цели. Выпускались специальные брошюры, автобиографии кандидатов в Учредительное собрание. Одним словом, для этой цели использовалось все, что было можно.

Результаты выборов, по полученным сведениям из пяти уездов и г. Архангельска, в которых 150 тыс. избирателей, были таковы: кандидат эсер А.А. Иванов получил 83 459 голоса и М.Ф. Квятковский – 83 459 гол[осов]., кадеты – Исупов – 12 086 г[олосов]., Бартенев – 11 083 г., большевики – Муранов – 21 779 и Оппоков – 21 426; с[оциал]-д[емократы] (объединенцы) – Д.А. Житков – 7048 и В.В. Бустрем – 7335; кандидат граждан Кушевской волости Осипов – 1160 голосов. Сведений не было из дальних уездов, имеющих около 50 тысяч избирателей. Эти результаты были сообщены телеграфом в Центральную избирательную комиссию.

Архангельская большевистская организация уже знала дальнейшую судьбу Учредительного собрания и к этому готовилась.

После выборов в Учредительное собрание местными моряками была устроена демонстрация из Соломбалы в город с музыкой. На знаменах были лозунги: «Долой Учредительное собрание. Вся власть Советам».

Демонстрация прошла по городу и обратно.

Меньшевики и эсеры уже начинали окончательно терять почву под ногами.

Абсолютное большинство рабочих, солдат и моряков, за исключением немногих единиц, попавших под влияние соглашателей, было на стороне большевиков.

Не был оставлен без внимания Архангельск и Центральным комитетом партии большевиков. Товарищи, командированные ЦК партии, во многом превосходили архангельских и с успехом справлялись с архангельскими меньшевиками и соц[иалистами]-рев[олюционерями], которые среди рабочих масс окончательно теряли к себе доверие.

В ноябре месяце приехал тов. Зведрис (латыш) и энергично принялся налаживать партийную работу.

Одновременно по поручению партийной организации т. Зведрис вел и агитационную работу, выступая на всех митингах с докладом по текущему моменту. Архангельский комитет т. Зведриса использовал на 100 процентов. Он был участником митингов на заводах, на железной дороге и в городе, везде пользуясь большим успехом. Выступали на митингах и другие политические партии Архангельска, главным образом меньшевики и эсеры.

Нелишним будет привести некоторые характерные моменты, как велась борьба на митингах и на различных собраниях.

На одном из таких собраний, где участвовали меньшевики и социалисты-революционеры, тов. Зведрисом был сделан доклад о революционном рабочем движении в России. Он начал с первого съезда РСДРП и остановился на всех главных моментах революционной борьбы. Затем выступали меньшевики и соц[иалисты]-рев[олюционеры] – эсеры, стараясь доказать правоту Партии соц[иалистов]-рев[олюционеров] и т.п.

В рабочих районах своих агитационных сил у большевиков тогда не было. Недостаточно их было и в городе. Поэтому они не могли бросить в рабочие районы нужное число ораторов, по сравнению с меньшевиками и эсерами. У них появлялось 5–10 ч[еловек], а у большевиков всего 1–2 человека. Но рабочие уже поняли большевиков, выявили лицо соглашательских партий и шли за большевиками.

Меньшевики и эсеры всячески старались сохранить свое влияние на рабочих; например: было назначено собрание служащих и рабочих, на котором должны были выступить кандидаты в Учредительное собрание – Квятковский и Иванов, а также представители других политических партий: Розин (меньш[евик]) и друг[ие]. От большевистской организации приехали т[оварищи] Валюшис и командированный центром Зведрис.

Митинг был открыт меньшевиками. Первые говорили эсеры – Иванов и Квятковский. Речи их сводились главным образом к Учредительному собранию и критике большевиков. Следующим выступил меньшевик Розин и старался ядовито «обличить» политику большевиков, говоря, что большевики ведут страну к гибели и за ними идут только безумцы. Поднялся шум и оратору только кое-как удалось договорить.

Последним от большевиков выступил тов. Зведрис. В простых, понятных словах разъяснил текущий момент. Минут через десять начались отдельные выкрики «дойлой», но с другой стороны крики требовали не перебивать оратора. Аудитория разделилась на два лагеря, направо – жел[езно]дор[ожное] начальство, контор-

ские служащие, механики службы пути, мастера и проч. сорт служилой интеллигенции. Налево – рабочие службы пути, мастеровые службы пути, стрелочники и рабочие прочих специальностей. Оратора пытаются стащить с трибуны.

В шуме оратор заканчивает речь. Начались усиленные споры двух лагерей. Рабочие спорили с начальством. На этом заканчивается митинг. И хотя не представилось возможности оратору от Архангельской большевистской организации закончить свою речь, все же большинство было на стороне большевиков. Эти случаи не единичны.

Но все же меньшевики и эсеры потерпели крах.

*Публикуется по изданию:
Юрченков Г. Борьба за Учредительное собрание //
1917–1920. Октябрьская революция
и интервенция на Севере.
Архангельск, 1927. С. 121–125.*

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ (МЕНЬШЕВИКИ)

ИРАКЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ЦЕРЕТЕЛИ

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ¹

1. Демократия и вопрос о сильной власти

В своей книге «О Ленине» Троцкий пишет, что Ленин считал июльское восстание ошибкой, и в доказательство приводит замечание Ленина, сделанное в 1921 г.: «В июле мы наделали немало глупостей». «Он имел при этом в виду, – добавляет Троцкий, – преждевременность военного выступления, слишком агрессивные формы демонстрации, не отвечавшие нашим силам в масштабе страны».

Все это так. Однако, несмотря на все сделанные тогда большевиками ошибки, последствия их июльского выступления в конечном счете пошли им на пользу: это выступление ослабило демократию и подготовило почву для нового восстания большевиков в октябре, на этот раз победившего.

Чем это объясняется? Бездарностью наших противников, уверяет Троцкий, и он приводит другие слова Ленина, сказанные под впечатлением июльского поражения: «Теперь они нас перестреляют – самый для них подходящий момент». Троцкий восторгается «той трезвой решительностью, с какой Ленин 4–5 июля продумал обстановку не только за революцию, но и за противную сторону и пришел к выводу, что для «них» теперь в самый раз нас расстрелять». От себя Троцкий прибавляет: «К счастью, нашим врагам не хватало еще ни такой последовательности, ни такой решимости».

Эти мысли Ленина и Троцкого в точности совпадают с суждениями, которые против нас высказывали наши противники из крайнего правого лагеря, проповедовавшие тогда массовое истребление большевиков. В этом сходстве выводов нет ничего удивительного: для сторонников строя, опирающегося на диктатуру меньшинства, установление режима террора и уничтожение противников действительно являются единственным способом править страной.

Демократия находится в ином положении. Совершенно ясно, что демократический режим, опирающийся на поддержку большинства народа, даже в критические моменты может избавить страну от необходимости применения суровых репрессивных мер или, во всяком случае, свести их к минимуму. Однако, когда

¹ Серия статей, написанных И. Церетели для шведской социалистической газеты «Ny tid» в 1929 г.

требуется парализовать активные выступления мятежного меньшинства, тогда и демократическая власть должна уметь показать, что она не поколеблется ответить силой на попытки меньшинства применить насилие. Опыт июльских дней только подтвердил эту истину: при существовавшем тогда соотношении сил большевики никогда не осмелились бы выступить с оружием в руках против революционной демократии, если бы не рассчитывали на снисходительность руководящего большинства Советов в его борьбе с большевизмом. В том, что положение было именно таково, убеждает и тот факт, что при первом же появлении военных частей, верных правительству и большинству Советов, большевистские силы рассеялись, не сделав никакой попытки вооруженного сопротивления.

Есть поэтому известная доля правильного в критических высказываниях правых и левых максималистов о поведении революционной демократии в этот решающий для революции момент. Ибо не только до июльских событий, но и после них эта демократия не проявила достаточной твердости в отношении своих противников слева. А между тем необходимость создать в стране твердую власть сознавалась всей демократией, и это сознание особенно окрепло после июльских событий, когда на сцену выступили также и правые элементы, открыто заявлявшие, что под твердой властью они понимают военную диктатуру, с помощью которой они надеялись остановить ход революции и отнять у народа его социальные и политические завоевания.

Революционная демократия вела одновременную борьбу против максимализма правого и против максимализма левого. Она была готова укрепить правительство предоставлением ему чрезвычайных полномочий и обращением ко всем слоям населения с призывом к строгой дисциплине, но это правительство должно было, по ее мнению, отражать демократические стремления большинства народа и, применяя меры принуждения против анархических элементов, черпать свою силу в согласованности с работой демократических организаций и выборных учреждений.

Вся проблема революционной демократии свелась, особенно после июльских событий, к центральной задаче создания сильной демократической власти. И крушение февральской революции произошло оттого, что революционная демократия не сумела справиться с этой задачей.

В чем же причины этого?

Наши левые противники продолжают утверждать, что причины эти коренились в самом характере политики большинства революционной демократии, в умеренности ее программы и в той медлительности, с какой проводились необходимые реформы.

Я не собираюсь отрицать, что нами были совершены ошибки, из которых главная – запоздание с созывом Учредительного собрания. Тем не менее, несомненно одно: несмотря на все ошибки, совершенные нами, наша политика была в глазах большинства народа единственной, которая давала гарантию осуществления его чаяний. Тот факт, что эта политика была вынуждена считаться с соображениями и внешней политики, и внутреннего порядка, не затемнял в сознании большинства трудящихся ее истинно революционного характера. Именно поэто-

му за все время существования свободного режима большевикам со всей их демагогией не удалось подорвать то доверие, которое массы питали к большинству революционной демократии. Это доказали все демократические выборы. И даже после большевистского переворота выборы в Учредительное собрание, отсроченные тогда большевиками в целях лучшего использования ими аппарата власти для проведения своих кандидатов, дали огромный перевес в пользу кандидатов революционной демократии.

Нет, не недостаток доверия со стороны народных масс помешал революционной демократии создать сильное демократическое правительство. Причина этой неудачи крылась в ее собственной психологии, в том умонастроении, которое господствовало в социалистических партиях.

История вряд ли знает другой такой пример, когда политические партии, получив так много доказательств доверия со стороны подавляющего большинства населения, выказали бы так мало склонности стать у власти, как это было в февральскую революцию с русской социалистической демократией. Это относится в особенности к Партии социалистов-революционеров, которая имела за собой поддержку значительной части рабочего класса и почти всего крестьянства.

С самого начала революции большинство Совета высказалось против вхождения во Временное правительство, хотя Совет и участвовал в его создании. Политику поддержки правительства большинство Совета предпочитало политике участия в нем, и так было до тех пор, пока события не доказали, что существование демократического правительства вообще невозможно без прямого участия в нем представителей Совета. Только тогда революционная демократия нехотя решилась войти в правительство в качестве меньшинства, хотя самой логикой вещей она заняла в коалиционном правительстве положение бесспорно руководящей силы. А после того, как июльские события доказали крайнюю необходимость укрепления исполнительной власти и вся страна искала спасения в создании сильного правительства, революционная демократия, хотя и ослабленная в результате этих событий, но все же представлявшая собой несравненно более значительную силу, чем другие политические партии, согласилась на создание правительства, которое не должно было иметь «формальных связей с партиями и организациями», что означало согласие на ослабление влияния революционной демократии в правительстве.

Таким образом, создалось парадоксальное положение. Вся страна, все без исключения партии требовали укрепления исполнительной власти, а кончилось тем, что было создано правительство, официально, так сказать, висящее в воздухе, лишенное прямой связи с организациями, которые одни только и могли быть источником его силы.

Правда, эта официальная структура власти являлась чистой фикцией, ибо правительство не могло действовать без поддержки существующих организаций и, следовательно, практически все же подвергалось контролю с их стороны. Но созданная таким путем фикция чрезвычайно осложняла задачу координации деятельности правительства с политикой партий и организаций, на которые оно опиралось. В частности, хотя Советы определили программу действий ново-

го правительства, применение этой программы вызывало бесчисленные трения между официальной властью и руководящим большинством Советов именно потому, что ни состав правительства, ни методы его работы не обеспечивали необходимой согласованности между ним и организациями революционной демократии. В результате система, созданная после июльских событий, не только не способствовала усилению власти, но, наоборот, чрезвычайно затруднила этот процесс.

Конечно, мы предвидели эти трудности и пытались бороться против системы, которую буржуазным партиям удалось нам навязать, пользуясь сравнительным ослаблением Советов после июльского восстания. Буржуазии это удалось тем легче, что промежуточные партии, представлявшие буржуазную демократию, поддержали ее в этом пункте. Но революционная демократия сохраняла еще и после июльских событий достаточно силы и влияния, чтобы заставить принять более рациональную систему власти, если бы она дала действительный бой руководителям буржуазии по этому вопросу. Чтобы преуспеть, чтоб привлечь на свою сторону промежуточные слои, революционная демократия должна была только показать одно: свою твердую волю действовать в качестве правительственной власти и взять на себя максимум ответственности.

Но этой-то воли как раз ей и не хватало. И когда, вспоминая умонастроение революционной демократии того периода, я задаю себе вопрос о причинах этого отсутствия у революционной демократии «воли к власти», я нахожу только один определенный ответ: революционная демократия должна была поставить себе в качестве одной из главных задач борьбу с меньшинством, которое выступало во имя левой максималистской программы. Но именно на это революционная демократия не могла решиться. Ведя неустанную борьбу с этим меньшинством на идейной почве, отдавая себе отчет в той огромной опасности, которую этот противник для нее представляет, социалистическая демократия психологически отталкивалась от мысли о необходимости взять на себя дело борьбы с этой опасностью мерами государственного принуждения.

2. Главная причина поражения демократии

Существует большая литература – русская и иностранная, утверждающая, что после падения царского режима приход к власти большевиков был совершенно неизбежен в силу исторически сложившейся психологии русского народа. В обоснование этого тезиса приводится целый ряд серьезных соображений: некультурность народных масс; ненависть этих масс к правящим классам, порожденная режимом гнета и насилия; отсутствие в процессе векового развития связи между правительственными органами и населением; оторванность интеллигенции от народа; слабость связующих начал между буржуазией, развивавшейся под опекой самодержавия, и народом; приверженность крестьянства к общинному строю с его периодическими переделами земли, что предрасполагало крестьян к большевистским методам решения социальных проблем, и т.д.

Я несколько не оспариваю значения этих причин для объяснения успеха

большевизма в России. Однако если вся Россия, включая и тех историков, которые теперь твердят о фатальной неизбежности победы большевиков, была до октябрьского переворота далека от мысли о таком исходе революции, то объяснялось это отнюдь не простым всеобщим ослеплением. Ибо наряду с наследием прошлого в народе были и ростки новой жизни. Инстинкты ненависти и разрушения не играли в нем той преобладающей роли над другими чувствами, как это стали ему приписывать после эксцессов, совершенных в годы гражданской войны. Наряду с элементами отсталыми и малоподготовленными к политической жизни, в рабочем классе и в крестьянстве было передовое меньшинство с демократическими устремлениями, и это меньшинство оказывало преобладающее влияние на народные массы в первые восемь месяцев революции.

Чтобы вскрыть подлинные причины торжества большевизма в России и выяснить ту роль, которую среди них играла психология народных масс, необходимо прежде всего вернуться назад и посмотреть, что представляли из себя в действительности эти массы и каковы были их настроения в период до октябрьского переворота.

Порядок, в котором в разгар войны 160-миллионный народ совершил величайшую революцию, вызвал удивление всего мира. После падения царизма в стране установилась своеобразная государственная система: так как старые военные и гражданские власти потеряли всякое влияние, а новое Временное правительство оказалось очень слабым, то подлинный авторитет власти как на фронте, так и в тылу сосредоточился в выборных демократических организациях, которые действовали не мерами принуждения, а исключительно средствами морального убеждения.

Массы, выбиравшие своих представителей в эти организации, могли совершенно свободно посылать туда сторонников самых крайних течений, призывавших к уходу с фронта, к немедленному разделу земли, к захвату фабрик и заводов, проповедовавших гражданскую войну. Какой соблазн для солдат, измученных трехлетней войной; для рабочих, страдавших от жестокой эксплуатации; для крестьян, нуждавшихся в земле! И тем не менее, большевистская пропаганда лишь с трудом проникала в массы. Большевики, представлявшие собой ничтожное меньшинство в начале февральской революции и оставшиеся хотя и весьма значительным, но все же лишь меньшинством к концу этой революции, так и не смогли в условиях свободного соревнования завоевать большинство среди трудящихся масс города и деревни.

Большинство своих голосов эти массы отдавали революционной демократии, которая не переставала напоминать им, что заключение демократического мира и проведение социальных и политических реформ не могут быть осуществлены немедленно, что эти цели могут быть достигнуты только в результате напряженной борьбы и длительной организационной работы. В своем большинстве массы инстинктивно чувствовали в этом правду, и они не только выбирали в свои организации представителей революционной демократии, но – что всего важнее – подчинялись решениям этих организаций.

Конечно, революционная Россия того времени мало походила на страну, где

царствует порядок. На фронте дисциплина была расшатана. В городах то и дело вспыхивали стачки, часто с преувеличенными для возможностей страны требованиями. В деревнях было много эксцессов крестьян против помещиков. Но подобные явления неизбежны в начале всякой революции. Скорее поразителен тот факт, что при полном отсутствии в революционной России какого бы то ни было аппарата государственного принуждения эти эксцессы не стали общим явлением. А когда они вспыхивали, то рабочим организациям в городах и крестьянским комитетам в деревнях, в общем, всегда удавалось их локализовать и тем способствовать сохранению промышленности и земледелия от полного развала. И это продолжалось до тех пор, пока демократический режим не был свергнут большевистским переворотом, который привел страну к окончательной разрухе.

Что же касается фронта, то, несмотря на происходившее частичное дезертирство, более чем 10-миллионная армия оставалась в окопах, хотя солдаты могли их покинуть в любой момент без всякого риска наказания. Эта армия, в которой уже не было почти никаких наказаний заслушание командного состава и где большевистская пропаганда велась совершенно беспрепятственно, – эта армия даже показала себя способной вести успешное наступление, длившееся три недели, во время которого десятки тысяч людей отдали свои жизни для защиты страны и революции. Когда же германское контрнаступление прорвало наш фронт, то были действительно страшные моменты общего смятения и панического бегства, но вскоре армия вновь сплотилась, и фронт русской революции был восстановлен благодаря героизму целых полков, показавших пример сопротивления в тех ужасающих условиях, в которых тогда находился фронт.

Предположим на минуту, что армия наиболее передовой европейской страны, население которой не имеет никакой естественной склонности к большевизму, оказалась бы после трех лет войны в положении, аналогичном с русской армией, т.е. что всякие меры принуждения в ней были бы упразднены, что большевистская пропаганда против сохранения фронта велась бы совершенно беспрепятственно и что этой пропаганде было бы противопоставлено только моральное воздействие демократических организаций. Не думаю, что в таких условиях положение в армии любой страны было бы намного отличным от того, что происходило в армии русской. Удивляться надо не тому, что в русской армии были деморализованные части и что в них творились всевозможные эксцессы, а тому, что здоровый инстинкт сумел все-таки предохранить от этой деморализации и эксцессов армию в целом.

Но такое положение, конечно, не могло продолжаться без конца.

История всех великих революций говорит о некоей общей закономерности их развития. Если характерной чертой для начального периода всех революций является упадок общей дисциплины в стране, и особенно в армии, то в процессе развития революции неизбежно наступает момент, когда революция оказывается вынужденной установить строгую дисциплину, чтобы иметь возможность бороться с опасностями, грозящими ей. Дальнейший ход событий всегда зависит от того, сумеют ли руководящие партии создать в этот момент революционное правительство, способное охранить новый строй от всех возможных атак на него.

Для русской революции такой решающий момент пришел в июле, когда военное поражение и большевистское восстание поставили под удар страну и свободный строй. И именно тот факт, что революционная демократия в этот момент не сумела создать сильную революционную власть, и предопределил закат, а затем и полное крушение демократического строя.

Это произошло не по вине народных масс, не в силу присущей им психологии крайностей, не в результате их увлечения большевистскими лозунгами. Массы рабочие и солдатские чувствовали ту смертельную опасность, которую в тот решающий момент революции представляли большевики, и ими овладело сильное озлобление против них. В продолжение довольно долгого времени после июльского восстания Ленин был крайне пессимистически настроен относительно возможности для его партии завоевать большинство трудящихся. Он совершенно отчаялся в крестьянах и солдатах, объявив их насквозь пропитанными «мелкобуржуазным духом». Развернуть максималистское движение он надеялся только среди городских рабочих, и потому лозунг «Вся власть Советам!» Ленин заменил лозунгом «Вся власть пролетариату!». Но и настроение пролетариата в то время было таково, что большевики не осмеливались показаться на большинстве заводов и фабрик столицы, не говоря уже о казармах.

Народные массы тем сильнее ощущали эту опасность, что после июльского восстания большевиков открыто подняли голову реакционные элементы, со своей стороны подготовлявшие нападение на демократию.

Революция была в опасности, и спасения революции массы ждали от революционной демократии, от ее программы, ее тактики, и на советской демократии лежала прежде всего обязанность организовать сильную революционную власть. Только такая власть могла парализовать усилия максималистов левого и правого лагеря – всех тех, которые обращались к разрушительным инстинктам масс, чтобы бросить страну в хаос гражданской войны.

Подлинная причина, почему руководящие круги демократии не сумели тогда создать власть, способную справиться с этой задачей, коренилась в психологии самих этих руководящих кругов: они оказались неподготовленными к той исключительной обстановке, созданной русской революцией, когда впервые в истории всех революций мира руководящая роль легла на социалистов, а главная опасность для свободного строя шла слева.

3. Традиционная идеология и действительность русской революции

Социалистическая демократия, оказавшаяся во главе февральской революции, политически сформировалась под влиянием опыта буржуазных революций, в особенности, опыта Великой французской революции и революций, последовавших за ней в XIX в.

Традиционная социалистическая историография учила нас относиться с преклонением к людям и партиям, стоявшим на крайне левом фланге освободительного движения. Мы были убеждены, что рабочий класс, даже когда он пре-

давался максималистским иллюзиям и делал отчаянные усилия, чтобы толкнуть революцию за пределы объективно возможного, творил дело будущего, приковывая мировое внимание к великой социальной проблеме, разрешение которой все яснее вырисовывалось как главная задача нашей эпохи общественного развития. И вместе с тем мы видели, что именно эгоистическая политика буржуазии, стремящейся захватить для себя самой все преимущества завоеванных свобод, заставляла рабочий класс подниматься против нее в революционной борьбе. Это были всегда лучшие элементы пролетариата, наиболее сознательные и передовые, которые восставали против господства буржуазии, увлекая за собой часть своего класса.

Несмотря на то, что силы контрреволюционной буржуазии не давали революциям развиваться, мы знали, что восстания пролетариата, даже приводившие к поражениям, оставляли глубокий след в сознании масс и служили источником вдохновения в их вековой борьбе за демократию и социализм – в той борьбе, которая определяла весь социальный и политический прогресс прошлого столетия.

«Революция не знает врагов слева» – таково было идейное завещание, полученное нами от великих народных движений прошлого. Оно пропитало все наше мышление. Работая над свержением царского режима, мы в своих рядах вели борьбу против максималистских течений, но не в них мы видели опасность для торжества будущей революции. Когда мы думали о тех реальных опасностях, которые могут встать на пути революции после свержения царизма, то нашему воображению всегда представлялся какой-нибудь новый Кавеньяк¹, ведущий вооруженную солдатчину против рабочих.

Но февральская революция совершилась в условиях, не похожих на те, в которых проходили прежние революции. Это была первая буржуазная революция, во главе которой стояли социалистические партии, представлявшие передовые элементы рабочего класса и крестьянства, и за которыми шли огромные массы этих двух классов. С самого начала было ясно, что у буржуазии нет никакой возможности помешать осуществлению широких демократических реформ, к которым стремились народные массы. Влияние демократических идей было так велико в народе и в армии, что даже самые консервативные элементы буржуазии не осмеливались оказывать им противодействие.

В результате в России создалось положение, перед которым никогда раньше не стоял пролетариат в ходе буржуазных революций. Демократическими методами, в союзе с революционным крестьянством и демократическими элементами буржуазии пролетариат мог сразу начать осуществление самых широких реформ благодаря той руководящей роли, которую он играл в государственных учреждениях революционной страны. Выборы в местные органы проходили в обстановке абсолютной свободы, по самому совершенному избирательному закону, и эти выборы всю полноту власти на местах передавали в руки самого населения. Армия тоже была перестроена на демократических началах, и ее ни в коем случае не могли использовать против народа. Рабочее законодательство обеспечивало про-

¹ Кавеньяк Луи Эжен (1802–1857) – французский генерал и политический деятель. С мая 1848 г. – военный министр, руководил подавлением июньского восстания парижских рабочих, президент Республики (июнь–декабрь 1848 г.).

летариату права, которые в передовых странах были добыты лишь вековой борьбой. Землевладение фактически было взято под контроль местных демократических организаций в ожидании созыва Учредительного собрания, которое должно было провести великую аграрную реформу.

Повторяю то, что говорил уже раньше: нами было совершено немало ошибок в проведении этой программы. Трудности внешние и внутренние, неопытность демократии, глухое сопротивление буржуазных кругов – все это сильно замедлило работу руководящих органов революционной демократии в осуществлении программы реформ. Но основное направление политики было правильно и отвечало насущным стремлениям огромного большинства народных масс. И потому не было такой силы, которая могла бы остановить полное социально-политическое переустройство страны, пока трудящиеся массы оставались на демократической почве.

Для консервативных элементов буржуазии оставалась только одна надежда – надежда на то, что рабочий класс, эта душа революционной демократии, сам сойдет с почвы демократического действия и, подталкиваемый крайними элементами, встанет на путь эксцессов, которые запугают и отбросят в ряды контрреволюции значительную часть населения. Отсюда становилось все более ясным, что главная опасность, угрожавшая революции, шла слева, от той максималистской пропаганды, которая не останавливалась ни перед какими средствами, чтобы сорвать работу революционной демократии, восстановить против нее часть трудящихся масс и солдат, наиболее озлобленных бедствиями войны и внутреннего кризиса, и заставить мощное движение демократии выродиться в гражданскую войну внутри демократии.

Большинство революционной демократии отдавало себе отчет в создавшемся положении. Именно в России впервые сложилась та обстановка, которую Карл Каутский¹ так блестяще проанализировал в своей книге «Пролетарская революция». В противоположность тому, что характеризовало революции XIX в., теперь уже не передовые, не наиболее опытные и организованные элементы пролетариата призывали массы к восстанию. Наоборот, эти элементы употребляли все свое влияние, чтобы удержать трудящихся в рамках демократических действий. Силой, на которую опирался Ленин и его генеральный штаб в работе по организации максималистских движений, были элементы наименее сознательные, наименее опытные, не прошедшие никакой школы политической борьбы.

В рядах самой большевистской партии произошел подобный же обмен ролями между «умеренными» и «революционерами»: большинство старых членов партии, интеллигенты и рабочие, которые прошли социалистическую школу, ушли из партии, и название «старый большевик» в устах и под пером Ленина и его друзей стало уничижительной кличкой. Новобранцы, рабочие без всякой политической подготовки, кронштадтские матросы, наиболее деморализованные солдаты – вот к кому обращался Ленин со своей демагогической пропагандой, восстанавливая их против революционной демократии.

¹ Каутский Карл (1854–1938) – немецкий общественно-политический деятель, редактор журнала «Die Neue Zeit» (1883–1917), идеолог немецкой социал-демократии и II Интернационала.

Пока борьба между социалистами и большевиками велась на идейной почве, огромное большинство революционной демократии решительно выступало против большевистской политики. Но положение изменилось, когда большевики, воспользовавшись общими трудностями, перешли от слов к действиям.

Вспоминаю вечер, когда мы, министры-социалисты, делали доклад на собрании руководителей большинства Исполнительного комитета о решении правительства арестовать Ленина и других вожakov июльского восстания. Все как-то растерялись. Либер¹, наиболее импульсивный из всех, взволнованно воскликнул: «История будет считать нас преступниками!» – и с ним произошел сильный нервный припадок. А между тем Либер был одним из самых решительных противников большевиков, во время восстания называл их «изменниками революции» перед их собственными массами и, оправившись от припадка, о котором я только что упомянул, принял самое деятельное участие в ликвидации большевистского восстания. И если, тем не менее, такова была его первая реакция на сообщение о решении применить репрессивные меры против большевиков, то легко можно понять, каковы были настроения большинства наших товарищей.

Хотя все отдавали себе отчет, что наша революция создала совершенно новое положение благодаря фактической гегемонии в ней революционной демократии; хотя в теории все понимали контрреволюционный характер той роли, которую максимализм играл в ходе этой революции, тем не менее первые кровавые столкновения, вызванные большевиками, возродили в настроениях демократии представления, сложившиеся под влиянием всего прошлого пролетарской борьбы, под режимами буржуазных диктатур, и старый призрак Кавеньяка встал перед глазами большинства наших товарищей.

Отсюда все те колебания в поведении революционной демократии в период июльского кризиса, отсюда и тот факт, что, вполне сознавая необходимость создания правительства спасения революции, советское большинство с такой легкостью отказалось от своей руководящей роли внутри правительства. Отсюда же и относительное ослабление влияния революционной демократии на дальнейший ход событий.

Шедшие за нами массы были не в состоянии понять эти настроения представителей социалистических партий. Как теперь, вижу перед собой растерянные лица солдат, прибывших в составе сводного отряда с фронта для поддержки Советов против насилия большевиков, – солдат, перед которыми советские ораторы произносили речи и, разоблачая пагубность поведения большевиков, подчеркивали необходимость щадить «заблуждающихся революционеров». Эти растерянные лица солдат-фронтовиков символизируют в моем сознании причины торжества большевизма над революционной демократией.

Конечно, большевикам в их борьбе против демократии помогало бедственное положение масс, их ожесточение, невежество, легковерие, с каким они воспринимали демагогические обещания, инстинкты разрушения и ненависти, привитые веками рабства. Но вместе с этим в большей части трудящихся были и противо-

¹ Либер (Гольдман) Михаил Исаакович (1880–1937) – политический деятель, один из лидеров Бунда и меньшевиков. В 1917 г. член Исполкома Петроградского совета. Расстрелян в 1937 г.

положные настроения, преобладавшие в течение первых восьми месяцев: государственный инстинкт, тяга к организации, стремление к более культурной жизни, доверие к передовым элементам их собственного класса.

Мы напрасно старались бы установить соотношение этих противоречивых чувств для объяснения того факта, что в течение первых восьми месяцев революции демократия играла в стране господствующую роль, а в конце этого периода была свергнута большевиками. Главное в том, что при существовании таких коллизий внутри демократии одним из решающих факторов является воля к действию и внутренняя сплоченность руководящих групп последней.

Большевики хотя и представляли лишь меньшинство, такой волей обладали в высшей мере и вели против демократии борьбу не на жизнь, а на смерть, не останавливаясь ни перед ложью, ни перед клеветой, ни перед насилиями, чтобы ее уничтожить.

А революционная демократия не только не прибегала к подобным средствам, которые ее только унизили бы, но – и именно это было плохо – она не сумела объединить демократические силы страны и вдохнуть в них волю к борьбе, чтобы предотвратить смертельную угрозу, которую большевизм нес для дела свободы.

4. Уроки поражения

Я заканчиваю свои воспоминания июльскими событиями и их ближайшими последствиями, которые с внешней стороны, казалось, привели к полному разгрому большевиков, но которые на самом деле нанесли смертельный удар демократии. Начиная с этого времени революционная демократия уже больше не управляла событиями. А левый и правый экстремизм, атакуя демократический режим с разных сторон, но по существу питая и усиливая друг друга, вместе подготавливали крушение свободного строя.

Из этих двух противников левый экстремизм представлял для демократии несравненно более реальную опасность, чем экстремизм правый. Этот последний был знаком по всему прошлому и всякие попытки его выступления после падения царизма могли только встретить единодушный отпор со стороны рабочих, солдатских и крестьянских масс, видевших в нем открытую угрозу покончить с их надеждами. Нужна была безумная авантюра большевиков, которая вызвала панику и негодование в стране и внесла смятение в ряды демократии, чтобы генерал Корнилов осмелился подготовить и предпринять свой поход на Петроград. Но и тогда одного известия об этом выступлении было достаточно, чтобы на защиту угрожаемой свободы поднялась в общем порыве вся демократия страны: народные массы, партии и революционные организации – от наиболее умеренных фракций до большевиков. И генерал Корнилов был разбит, даже не получив возможности дать сражение. Но он нашел утешение в том, что его неудавшаяся попытка дала новый толчок большевизму, на эксцессы которого рассчитывали реакционные слои буржуазии как на самый верный путь к торжеству контрреволюции. «Только бы большевики вышли на улицу» – таково было после поражения Корнилова самое горячее желание явных и тайных сторонников последнего.

И большевики не замедлили выполнить это желание. К единому фронту демократии они примкнули лишь для того, чтобы собраться с силами, и на следующий же день, пользуясь тем взрывом ненависти и возмущения, который был вызван в народных массах контрреволюционной затеей, они повели ожесточенную атаку против демократии, объявив ее ответственной за дело Корнилова и с удвоенной энергией пропагандируя идею диктатуры пролетариата, – единственный, по их словам, оплот против военной диктатуры. Этой новой атаке демократия не сумела сопротивляться, и трагические дни октября стали днями крушения свободного строя и прихода к власти большевиков.

Я со всей тщательностью проанализировал, опираясь на мои личные наблюдения, причины этого поражения для того, чтобы выделить ту их часть, которая объективно была обусловлена собственными ошибками революционной демократии. Ошибки эти я вижу не там, где их находят противники нашей политики, как левые, так и правые, – первые, обвиняющие нас в том, что нас вдохновляла консервативная буржуазная политика, а вторые, считающие, что мы руководились ультрареволюционной политикой большевиков. Я убежден, что беспристрастная история признает, что революционная демократия ясно видела основные задачи, поставленные революцией, и что, несмотря на частные ошибки в проведении программы, общее направление ее конструктивной политики соответствовало жизненным интересам страны и трудящихся классов.

Но была одна проблема, которая требовала решения в первую очередь и практическое разрешение которой оказалось не под силу революционной демократии. Это была проблема государства, проблема создания твердой власти, опирающейся на демократически настроенные массы и способной защитить завоевания революции не только от угрозы реакции, но и от атак левого максималистского меньшинства.

Теоретически революционная демократия понимала жизненную необходимость создания такой власти. Именно из этого понимания и вышла ее поддержка первого правительства в марте 1917 г. и практика участия в последующих правительствах. Но – и это показательно – свое руководящее положение внутри правительства революционная демократия сохраняла в течение лишь того времени, когда власть, чтобы управлять, пользовалась почти исключительно средствами морального убеждения. Когда же пришел решающий момент и противники демократического строя «оружие критики сменили на критику оружием», революционная демократия вместо того, чтобы сосредоточить свои силы на образовании правительства, способного к борьбе, согласилась на новую систему коалиционного правительства – систему, ослабившую ее связи с властью.

Обычно приводят много других причин, чтобы объяснить победу большевизма над революционной демократией. Я говорил о них в других местах. Но каково бы ни было влияние иных факторов, не ясно ли, что шансы демократии в ее борьбе против большевизма должны были чрезвычайно уменьшиться в результате того, что революционная демократия, пользовавшаяся доверием большинства населения, обнаруживала все меньше и меньше воли к власти как раз в то время, когда большевизм, наоборот, с оружием в руках рвался к власти.

Народ не может строить новую жизнь, не может проводить социальные преобразования, особенно в разгар войны и революции, если он не имеет сильного демократического правительства, способного объединить волю большинства и располагающего всеми средствами государственного принуждения, чтобы заставить меньшинство эту волю уважать. В России 1917 г. только одна революционная демократия могла дать стране такое правительство.

Я не хочу сказать, что источником слабости правительства февральской революции был сам факт принятия принципа коалиции. В том положении, в котором тогда находилась Россия, коалиция была настоящей необходимостью. Чисто социалистическое правительство в представлении всех классов неразрывно связано с социалистической революцией, а потому присутствие в правительстве представителей буржуазии вносило успокоение в настроения буржуазных слоев населения и напоминало социалистическим массам о фактическом значении буржуазии для общей экономики страны. И неудобства, которые были результатом коалиции, с избытком покрывались выгодами, ибо эта форма правительства позволяла изолировать непримиримые элементы буржуазии и заручиться сотрудничеством значительных технических и интеллектуальных сил для огромной преобразовательной работы, для работы, которая была бы не под силу изолированной революционной демократии.

Ошибка революционной демократии состояла не в принятии принципа коалиции, – ошибка состояла в том, что она не удержала своей руководящей роли в этой коалиции, в том, что она не усилила в ней своего прямого действия, не поняла, какое первостепенное значение имело для судеб революции фактическое осуществление власти революционной демократии в критический момент, когда враждебные демократии силы шли на штурм революции.

Конечно, буржуазные элементы ликовали, видя, как революционная демократия ослабляет свои связи с властью: они толкали ее на этот путь, выставляя в момент кризиса требование «независимости» правительства от существующих организаций, и общественное мнение промежуточных демократических элементов их поддержало. Но если эта идея восторжествовала, то прежде всего из-за колеблющегося поведения самой революционной демократии, которая могла бы радикально изменить положение, если бы показала волю к власти, волю к принятию на себя ответственности за действия правительства. Доверие масс, которым она пользовалась, обеспечивало ей возможность восстановить свою ведущую роль в демократической коалиции, и только она одна могла разбудить энергию страны, способную воодушевлять и направлять конструктивную работу власти, обеспечивая защиту демократического строя.

Я уже имел случаи отметить, насколько борьба за защиту нового строя стала для революционной демократии трудной потому, что эта борьба должна была прежде всего быть направлена против противников слева, которые атаковали режим во имя ультрареволюционных лозунгов. Эти трудности не проявлялись в области пропаганды. Большинство революционной демократии было свободно от большевизанских симпатий, от стремления к общему фронту со сторонниками Ленина и не переставало совершенно определенно противопоставлять свою

политику политике большевиков. Но когда события поставили в порядок дня необходимость защищать демократический строй от натиска большевиков мерами государственного принуждения, в рядах советского большинства произошло замешательство. И тогда выяснилось, что ряд решительных противников большевиков не отдает себе отчета ни в подлинном характере, ни в истинном значении большевистской опасности.

«Большевизм – вот те ворота, через которые контрреволюция прорвется к нам», – говорили мы, и этому предвидению суждено было осуществиться. Но то, чего мы не предвидели, – это возможность, что сам большевизм возьмет на себя практическое осуществление самой страшной реакции, тоталитарное уничтожение всякой свободы, угнетение и порабощение народных масс.

В свете именно этого опыта вырисовывается вся тяжесть ошибки, совершенной революционной демократией, когда она поколебалась защищать демократический строй от опасности слева с той же решительностью, которую она проявляла в борьбе с опасностью справа. Именно это настроение парализовало демократию в ее усилиях перестроить государство на новых началах, создав сильную революционную власть, которая только одна и могла спасти страну.

Перевод с французского А.М. Бургиной

*Статьи публикуются по изданию:
Церетели И.Г. Воспоминания о февральской революции.
Книга вторая. Paris, MCMLXIII. С. 401–417.*

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДРУГИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕЧЕНИЙ,
ЛИТЕРАТОРЫ

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

ДНЕВНИК¹

[1917 г.] <...> Октябрь. Пошли плакаты, митинги, призывы.

– Граждане! Товарищи! Осуществляйте свой великий долг перед Учредительным собранием, заветной мечтой вашей, державным хозяином земли русской! Все голосуйте за список № 3!

Мужики, слышавшие эти призывы в городе, говорили дома:

– Ну и пес! Долги, кричит, за вами есть великие! Голосить, говорит, все будете, все, значит, ваше имущество опишут перед Учредительным собранием! А кому мы должны?

Ему, что ли, глаза его накройся? Нет, это новое начальство совсем никуда! В товарищи заманивает, горы золотые обещает, а сам орет, грозит, крест норовит с шеи сорвать. Ну, да постой, дай срок: кабы не пришлось голосить-то тебе самому в три голоса!

Сидим толкуем по этому поводу с бывшим старостой, не богатым, середняком, но справным хозяином. Он говорит:

– Да, известно, орут, долгами, недоимками пугают. Все это... как его? Теперь царя нету. Теперь вот будем учредительную думу собирать, будем, говорят, кандидата выбирать. Мы, есть слух, будем кандрак² составлять, мы будем осуждать, а он будет подписываться. Когда где дороги провесть, когда войну открыть, он будто у нас должен теперь у спроситься.

А разве мы знаем, где какая дорога нужна? Я вот богатый человек, а я отроду за Ельцом никогда не был. Мы вон свою дорогу под горой двадцать лет дерьмом завалить не можем, как сойдемся – драка на три дня, потом три ведра водки слопаем и разойдемся, а буерак так и останется. Опять же и войну открыть против какого другого царя я не могу, я не знаю: а может, он хороший человек? А без нас, говорят, нельзя. Только за што ж это кинжал в бок вставлять? Это бог с ним, и с жалованьем, в этой думе!

¹ Впервые текст был опубликован в берлинской газете «Руль» № 56 от 23 (10) января 1921 г., позднее вошел в состав сборника «Окаянные дни».

² Контракт.

– Да то-то и дело, – говорю я, – что жалованье-то хорошее.

– Ну? Хорошее?

– Конечно, хорошее. Самый раз тебе туда.

Думает. Потом, вздохнув:

– Меня туда не допустят, я большевик: у меня три десятины земли купленные, две лошади хорошие...

– Ну, вот, кому же, как не тебе, и быть там? Ты хозяин.

– Конечно. Я хозяин настоящий.

Подумав и оживляясь все более:

– Да! Это было бы дело! Я бы там свой голос за людей хорошего звания подавал. Я бы там поддержал благородных лиц. Я бы там и ваше потомство вспомнил. Я бы не дал у своих господ землю отбирать. А то он, депутат-то этот, себе нажить ничего не мог, а у людей черт его несет отымать самохватом. Вон у нас выбрали на селе, в волость, а какой он депутат?

Ругается матерком, ничего у него нету, глаза пьяные, так и дышит огнем воющим. Что он там может сказать? Орет, а у самого и имения-то одна курица! Ему дай хоть сто десятин, опять через два дни «моряком» будет. Разве его можно со мной сменить? Копал, копал в бумагах, а ничего не нашел, стерва поганая, и читать ничего не может, не умеет, – какие такие мы читатели? Всякая овца лучше накричит, чем я прочитаю...

Беседует со мной об Учредительном собрании и Пантюшка, самый страстный во всей нашей деревне революционер. Этот – ярый защитник Учредительного собрания. Но и он говорит очень странные вещи. Он говорит мне:

– Я, товарищ, сам – социал-демократ, три года в Ростове-на-Дону всеми газетами и журналами торговал, одного «Сатирикону»¹ небось тысячу номеров через мои руки прошло, а все-таки прямо скажу: какой он, черт, министр, хоть Гвоздев²-то этот самый?

Я сер, а он-то много более меня? Воротится, не хуже меня, в деревню – и опять мы с ним из одного сукна с онучей. Я вот лезу к вам нахрапом: «товарищ, товарищ», а, по совести сказать, меня за это по шее надо. Вы вон в календарь зачислены, писатель знаменитый, с вами первый князь за стол может сесть, по вашему дворянству...

Я и то мужикам говорю: ой, ребята, не промахнитесь! Уж кого, говорю, выбирать в это Учредительное собрание, так уж, понятно, товарища Бунина. У него там и знакомые хорошие найдутся, и пролезть он там может куда угодно...

...Серый ненастный день, конец октября. Пробираюсь по грязной деревенской улице, вхожу в сенцы, в избу. Старуха лежит на печи, солдатка, ее невестка, спит на нарах. Старик на конике плетет лапоть. Сумрак, вонь, на полу под ногами чавкает мокрая и гниющая солома.

¹«Сатирикон» – еженедельный журнал сатиры и юмора; издавался в Петербурге с 1908 по 1914 г. С номера девятого бессменным редактором был А.Г. Аверченко. В конце 1913 г. группа ведущих авторов основала журнал «Новый сатирикон», выходящий до середины 1918 года.

²Гвоздев Кузьма Антонович (1882 – после 1956) – рабочий-железнодорожник. В сентябре–октябре 1917 г. министр труда Временного правительства. В 1931–1956 гг. в тюрьмах и ссылке.

Такие будни, такая глушь и тишина, точно я в шестнадцатом столетии, а не в бурную эпоху «великой российской революции», перед выборами в «великое Учредительное собрание». Сев на лавку, закурив, говорю, шутя:

– Что ж, старуха, к выборам-то готовишься? Ведь предвыборная кампания, собственно, уже началась.

Отвечает довольно злобно:

– К каким это выборам? Какая я тебе кампания?

– Да ведь я тебе уж десять раз рассказывал. Вот к таким-то и таким-то.

Помолчав, старуха отвечает твердо, непреклонно, с той свободой грубости, которая позволительна в силу нашей старой дружбы, и приблизительно в таких выражениях:

– Понимаю, что шутишь. Только чтоб тебе подеялось за эти шутки. Никакая баба, кроме любопытных дур девок, которым лишь бы придирка была нарядиться для сборища, да кроме самых непутящих баб, не пойдет на этот срам. Громом их сожги, эти выборы.

Спихнули такие-то, как ты, забубенные господа да беглые солдаты царя, – вот увидишь, что теперь будет! И теперь хорошо, а то ли еще будет! То ли еще будет! Увидишь!

– А ты, старик?

Но и старик отвечает очень твердо:

– Меня, батюшка, на аркане туда не притащишь, там мне старую голову проломают, если я не туда, куда хочется им, этот квиток пожелаю просунуть. Пропала, батюшка, Россия, помани мое слово, пропала. Мы не можем.

– Что не можем?

– Не можем себе волю давать. Взять хоть меня такого-то. Ты не смотри, что я такой смиренный.

Я хорош, добёр, когда мне воли не дано. А то я первым разбойником, первым разорителем, первым вором окажусь. Недаром пословица говорится: «Своя воля хуже неволи». Нет, батюшка, умру, а не пойду. Главная вещь – голову проломают ребята.

Солдатка проснулась, раскрыла ясные глаза, сыта сном, чуть улыбается, тянется, чувствуя, что я смотрю на нее.

– А ты пойдешь?

– Вона! Обязательно! Я Кабелька не боюсь...

Какого Кабелька, что за Кабелек? А это бушевал на нашей деревне все лето и всю осень семнадцатого года один из этих беглых солдат, о которых говорила старуха. Целый день пьян и целый день бегаёт по деревне.

Увидит меня – и ко мне: «Табаку!» – «Да ведь у тебя есть». – «Турецкого давай, турецкий слаже!». Увидал, что в церковной ограде народ собрался возле двух приехавших из города девиц, производящих, во исполнение приказаania какого-то нового министра из нашего брата «забубенных господ», какую-то перепись, – сейчас туда: подбежал, стол ногой к черту, вверх тормашками, на девиц с кулаками, на мужиков – тоже, орет неистовым голосом: «Долой, так-то и так вас! Расходись! Не дозволю! Подо что подписываетесь? Под крепостное право подписываетесь?

Перебью всех – скройся все с глаз моих!». И так все лето, всю осень. Все разгоняет. Разогнал даже выборы от мирян и духовенства на церковный собор: «Долой, расходишь! Вот мой брат с фронта придет – он вам всю эту новую службу по церквам сам установит!».

Пять раз за лето сельский сход собирали, хотели «окоротить немножко» – и пять раз напрасно: бояться «окоротить» – сожжет всю деревню...

*Извлечение публикуется по изданию:
Бунин И.А. Собрание сочинений в 6-ти тт.
Т. 6. М., 1988. С. 428–431.*

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ЖИРКЕВИЧ

СИМБИРСКИЙ ДНЕВНИК

1917 г. 1 сентября. Страшно видеть, как в народе, в армии, обществе замирают последние вспышки патриотизма. Все заменено ужасом ожидания только дурного, неотвратимого, рокового. Опять в ходу спиритизм, книги мистического содержания. Хотят забыться, заглянуть в будущее, поторговаться с судьбою. Нанесен безумный удар интеллигенции в сферах культуры, религии, патриотизма, нравственности семейной, общественной жизни... Иными словами, убивается дух нации. В этом отношении мы быстро шагаем назад к временам Николая I, если не глубже... Не вижу, не вижу нигде Бога... Не могу ему молиться...

6 сентября. В Симбирске объявлено военное положение... Город точно вымер...

10 сентября. С «республикой» вышел какой-то конфуз. Керенский ее провозгласил и ею точно подавился.

Революция, хотя и проходит у нас сумбурно, принесла и много пользы – в том отношении, что, сметя Двор, высшую бюрократию, сразу же обнажила наши язвы.

Кто знает, не сыграет ли Россия огромную роль в человечестве (как народ) именно с того момента, когда перестанет быть государством. Быть может, России действительно суждено воскреснуть в Христе, когда она совершенно будет развалена и уничтожена как государство и нация. Все истинно русское, истинно национальное сказано в прошлом. И мы от этого прошлого неотделимы. Я нарочно перечитываю наших знаменитых стариков, их сочинения, биографии. Оттуда глядит на меня настоящая Русь... Иногда губы говорят: «Россия погибла», а в душе живет иное, т.е. что она, имея такое прошлое, не погибнет. И веруешь, и теряешь веру, и вновь ею загораешься. Так жизнь и проходит. Суждено умереть, не дождав-шись конца светопредставления.

7 октября. До выработки типа настоящих «граждан» долго еще нам блуждать от ярма к ярму. Без ярма же, как показал опыт нашей революции, мы существовать не можем. Пало иго самодержавия. Мы поспешили сунуть рабскую шею в ярмо ига революционного. Многие уже мечтают об иге немецком. Некоторые готовы идти навстречу старому самодержавию – бюрократическому произволу. Русский человек тоскует по порядку, таске и начальству. Мы были рабами всегда, в лучшие эпохи расцвета нашего политического, общественного существова-

ния. Теперь мы более чем рабы. Мы «лакеи обстоятельств» и жаждем повыгоднее устроиться...

15 октября. И.Я. Яковлев¹, как и я, не участвовал в выборах представителей от Симбирска в Учредительное собрание почти по тем же мотивам – точно мы сговорились. Имя его пользуется огромной популярностью, и каждая партия была бы рада захватить в свои ряды такого представителя, поместив его в списки своих кандидатов. Недаром, по словам Яковлева, на днях приезжал к нему бывший городской голова Агафонов, прося разрешения поместить его, Яковлева, в кандидаты от Партии народной свободы.

20 октября. Третьего дня поздно вечером я сидел в помещении костела, у ксендза Йодко, просматривая старые польские журналы, отбирая то, что мне было нужно, когда в 10¹/₂ часов пришел Йодко и объявил, что в городе неспокойно: солдаты бунтуют, стреляют, громят магазины на Гнчаровской улице. Я, конечно, бросил работу и в тревоге за своих поспешил домой. Хотя ночь была лунная, но все освещалось плохо. Огни в окнах домов были потушены. Только в Доме свободы все было освещено. Всюду дворники, прячущиеся по задворкам с палками в руках. То там, то тут по городу раздавались одиночные выстрелы. Один раз мне почудилось их несколько сразу. Стреляли и недалеко от меня. Публика попряталась. Я шел с Шатальной по Стрелецкой, мимо Карамзинского сквера и кадетского корпуса. Мне навстречу попадались группы вооруженных и невооруженных. Меня не трогали. Только раз по адресу моему я услышал «генеральский гусь», и мне было слышно щелканье затворов. А затем, когда я прошел, раздался настолько громкий выстрел, что я вздрогнул, – видимо, не в меня, а вверх. По дороге я от дворников узнал, что солдаты не хотят идти на войну и «бунтуют». Я благополучно дошел до дому..

Вчера днем я опять был у ксендза, идя по той же дороге. В городе было пусто и тихо... Я увидел огромную толпу солдат. Встречаться с толпой мне не хотелось, пошел другой дорогой, по Гнчаровской улице, где нашел все магазины закрытыми. Детей распустили по учебным заведениям (своих мы удержали дома). Вообще, точно кто-то сглазил спокойный Симбирск и напомнил о том, что гроза погромов, самосудов, бесчинств солдат и черни приближается. Могу занести в дневник, что чувствовал и чувствую себя совершенно спокойно. Тревожусь лишь за семью.

День мы провели все вместе, вечером завешали окна, чтобы не было видно света. Дети понемногу успокоились. Какое счастье иметь свой угол, видеть близких, занимающихся своими обычными делами, здоровых и бодро относящихся к анархии, царящей всюду. А остальное в руках Божьих. Если меня вечером 18 октября не подстрелили, не избили, не ограбили, хотя при луне ясно было видно, что я генерал, то значит, мне еще для чего-то надо жить на свете.

24 октября. Прочел в «Русском слове» молитву, которую читают о нас, русских, в Англии по церквам, согласно распоряжению высшего духовенства. Молитва очень трогательна. Но читал ее плача от горя и стыда: о нас молятся как о погибших, как о дикарях, забывших Бога, Христа, совесть и правила нравственности.

¹ Яковлев Иван Яковлевич (1848–1930) – выдающийся чувашский просветитель, создатель чувашской письменности, организатор Чувашской школы в Симбирске, центра просвещения и культуры чувашей.

26 октября. В городах и деревнях образовались своего рода «буржуи». Это те гнусные, алчные личности, которые, пользуясь общей разрухой до революции и во время нее, составили себе состояние путем искусственного взвинчивания цен на продукты и предметы первой необходимости. Народ, который грабят эти гады, начинает до них добираться... Наша кухарка Марья в восторге от таких погромов, считает их вполне резонными и законными. Так же смотрит и большинство простонародья, которому приходится платить втридорога. Фунт масла дошел до 5 р. 70 к., горшок молока – 1 р., фунт хлеба – 40–50 к. Как живет бедняк при такой дороговизне, одному Богу только известно. И вот эти бедняки начинают выражать свои протесты дико, некультурно, жестоко, громя лавки и расхищая товары и припасы.

27 октября. Только что узнал из газеты «Симбирское слово» о том, что в Петрограде Временное правительство низложено и вся власть перешла в руки солдат и рабочих депутатов (т.е. большевиков – иными словами). Храни Бог Россию...

*Извлечения публикуются по изданию:
Жиркевич А.В. Потревоженные тени...
Симбирский дневник.
М., 2007. С. 317–319, 321–325.*

ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ КРАСНОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О 1917–1920 гг.

В августе 1917 г. происходили выборы в Ставропольскую думу по новому закону Временного правительства; списки кандидатов заявлены были демократическим блоком, кадетами, мещанами и торгово-промышленной группой. Список большевиков отсутствовал, и они отдельной группой участия в выборах не принимали.

Победил на выборах демократический блок, на списке которого объединились с[оциал]-д[емократы] меньшевики, с[оциалисты]-р[еволюционеры], н[ародные] с[оциалисты], Советы и профессиональные союзы и некоторые беспартийные группы, представители которых, пользующиеся персонально популярностью, вошли в список. По списку блока прошло подавляющее большинство гласных, в числе их прежний голова Н.Г. Дидрихсон; по спискам кадетов и мещан пропорционально меньшее число и единственный представитель от торгово-промышленной группы. Городским головой был избран почти единогласно Н.Г. Дидрихсон, но первые же пробы наметить остальной состав управы показали, как трудно будет новому городскому самоуправлению создать ответственный деловой орган при наличии узкопартийных и групповых вожделий вошедших в думу фракций, расценивавших отдельные кандидатуры не по признакам персональных деловых качеств, а по принадлежности к той или другой группе.

Исключение было сделано единственно для беспартийного Н.Г. Дидрихсона, подавлявшего своею деловой импозантностью все группы. В управу вошли членами по одному представителю от с[оциал]-д[емократов], с[оциалистов]-р[еволюционеров], н[ародных] с[оциалистов] и мещан; кадеты получили в лице своего представителя место товарища председателя думы.

В дальнейшем этот состав управы видоизменялся. Н.Г. Дидрихсон просил его хоть временно освободить от несения обязанностей городского головы, и в отправление этих обязанностей вступил заместитель гор[одского] головы молодой кооператор Н.П. Слепушкин. Было ли трудоспособно молодое городское самоуправление в течение тех семи месяцев, которые протекли с момента выборов по день упразднения его органов большевиками?

Ответить на этот вопрос было бы легче, если бы работа его органов протекала в более нормальной обстановке, тем более, что постановлениями Временного правительства от 9 июля, 7 и 29 сентября 1917 г. сфера деятельности обществен-

ного управления городов значительно была расширена с подчинением ему таких ответственных органов, как, например, городская милиция. Можно сказать только одно, что, конечно, как и любой общественной орган того времени, городская дума претендовала на роль маленького парламента на своей территории и приносила почти все свои дары красноречия в жертву политике. Это не помешало, а, может быть, наоборот, побудило молодое городское самоуправление мужественно и стойко в течение последних трех месяцев его существования выдерживать напор советской власти, демонстрируя всем своим поведением непризнание совершенной большевиками узурпации.

Но вслед за выборами городского самоуправления приближались выборы в Учредительное собрание, которые поглощали в то время внимание и надежды населения. Нельзя не припомнить, как протекала предварительная подготовка по созыву Учредительного собрания: 2 марта были утверждены принципы выборов, 25 марта под председательством Н.Н. Авинова¹ было созвано Особое совещание для выработки закона об Учредительном собрании – первое заседание его открылось 25 мая.

Работа Совещания длилась два месяца, и, не ожидая завершения «Положения о выборах», опубликованного 26 июля, правительство, под давлением событий, сначала 14 июня назначило созыв Учр[едительного] собр[ания] на 17 сентября, но потом отложило созыв его на 12 ноября². При встрече в Петербурге на августовском съезде [губернских] комиссаров [Временного правительства] и на Московском совещании я имел случай беседовать о предстоящих выборах с Ф.М. Оникко, влиятельным перводумцем от Ставропольской губернии, и приглашал его приехать в Ставрополь, чтобы сообща с местными деятелями обсудить вопрос о коалиционном списке кандидатов в Учредительное собрание. Ф.М. Оникко перед выборами приехал в Ставрополь, но при встрече со мной указал, что составление коалиционного списка встречает возражение со стороны Партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], решившей выступить исключительно со своим партийным списком кандидатов с Ф.М. Оникко во главе, рассчитывая в крестьянской Ставропольской губернии собрать значительное число голосов.

Действительно, имя Ф.М. Оникко, ныне погибшего от руки большевиков, необычайно было популярно в Ставропольской губернии еще со времени выборов в первую Государственную думу. После выборов тогда крестьяне провожали его целыми селами по пути в город, заказывая всенародные молебны о здравии «раба Божьего Федота», заставляли его всенародно целовать крест на том, что он народ не обманет. Когда первая Дума была распущена и Ф.М. Оникко был арестован и затем предан военному суду как участник кронштадтского восстания, крестьянское население губернии вновь начало служить всенародные молебны об избавлении от бед «раба Божия Федота» и затем предъявило правительству столь бурные требования «освободить и представить народу Федота», что спешно был заменен тогдашний губернатор (полк[овник] Эльснер генералом Литвиновым и

¹ Ошибка автора; Н.Н. Авинов был председателем Всероссийской избирательной комиссии, председателем Совещания был Ф.Ф. Кокошкин.

² На 17 сентября и 12 ноября назначалось не открытие Учредительного собрания, а выборы в него.

губерния была объявлена на положении чрезвычайной охраны. Присужденный к ссылке на поселение, Ф.М. Оникко бежал в 1907 г. из ссылки, при объявлении войны 1914 г. поступил волонтером во французскую армию, был тяжело ранен, лишь благодаря своему богатырскому организму оправился, и по возвращении в Россию, уже при Временном правительстве, получил назначение на пост генерального комиссара Балтийского флота. Он был проникнут, насколько я могу судить по впечатлениям, вынесенным из бесед с ним, трезво-государственным, культурным, европейским пониманием задач и обязанностей власти в то трудное время.

Не прав И.Д. Сургучев в своей брошюре «Большевики в Ставрополе», когда не находит других слов для характеристики Ф.М. Оникко, как «бывший волостной писарь». Эта ссылка на *plusquamperfectum*¹ проистекала оттого, что И.Д. Сургучеву не было известно, какую огромную работу над образованием проделал Ф.М. Оникко во время пребывания эмигрантом за границей, что дало ему возможность вернуться в Россию, значительно пополнив свое образование. Не было, вероятно, известно, что Ф.М. Оникко проделал волонтером путь войны в рядах французской армии и, занимая затем, одиозный в глазах многих, пост генерального комиссара Балтийского флота, был одним из наиболее трезвых, проникнутых преданностью российской государственности, недоужинных деятелей.

Возглавление списка местных с[оциалистов]-р[еволюционеров] именем Ф.М. Оникко заранее обеспечивало победу этого списка на выборах в Ставропольской губернии.

Актуальным конкурентом этого списка был список большевиков, мобилизовавших для предвыборной агитации все свои силы и связи с находящимися в дезертирстве фронтовиками. Приемы их агитации большею частью сводились к тому, что, явившись на предвыборное собрание сплоченной группой, они поднимали шум при выступлении представителей конкурирующих с ними списков, прерывали ораторов криками: довольно, долой! и иногда просто срывали собрание. Этот же метод борьбы на собраниях они применяли впоследствии в еще более откровенных формах и на крестьянском съезде в конце декабря 1917 г., и на губернском народном собрании.

Кроме этих двух списков были еще заявлены: соединенный список кооператоров и народных социалистов, Партии народной свободы, соц[иал]-демократ[атов] меньшевиков и «хлеборобов», под названием которых проводились кандидатуры землевладельцев. Общий подсчет записок показал, что в губернии около 260 000 человек. Из всего количества записок – около 200 000 получили соц[иалисты]-рев[олюционеры], около 20 000 – большевики и к[онституционные] д[емократы], прочие разбились по остальным спискам. Избраны были по списку соц[иалистов]-рев[олюционеры] в члены Учредительного собрания: Ф.М. Оникко – генеральный комиссар Балтийского флота, Е.А. Дементьев – местный журналист и адвокат, Л.Г. Малий – председатель правления Кооперативного банка, г. Бочарников – журналист, Гуторов-Новиков – председатель Александровской уездной управы и г. Емельянов – крестьянин.

¹ В латинском языке глагольное время, употребляющееся для обозначения действия в прошлом.

Избранные лица по приглашению партии поспешили выехать в Петербург, но Учредительному собранию, на этот раз уже по воле большевиков, не суждено было открыться.

*Извлечение публикуется по изданию:
Краснов В. Из воспоминаний о 1917–1920 гг. //
Архив русской революции, изданный И.В. Гессеном. Т. 7–8:
[Репринт. воспр. изд.: Архив русской революции,
издаваемый И.В. Гессеном. Том VIII.
Берлин. 1923]. М., 1991. С. 136–139.*

ИВАН ИННОКЕНТЬЕВИЧ СЕРЕБРЕННИКОВ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Выборы в Учредительное собрание

Первый сибирский областной съезд в Томске был в значительной степени обязан своими успехами социалистам-революционерам. Из рядов этой партии вышло много видных сибирских областников¹, например, в Омске П.Я. Дербер, выступления которого на томском съезде сопровождались шумным успехом, И.А. Якушев в Иркутске и другие. Видимо, партия в целом не препятствовала участию ее отдельных членов в сибирском областническом движении и дала на это неофициально свое благословение.

Походило на то, что партия решила подчинить это движение своему контролю и тем самым поднять хотя бы в Сибири свой, начинавший уже падать, авторитет и быстро исчезающее влияние. Естественно, что у беспартийных областников стали возникать подозрения в том, что Партия социалистов-революционеров пытается использовать областническое движение в своих интересах; отсюда возникла оппозиция притязаниям эсеров на гегемонию в областническом движении и стремление областников стать на собственные ноги.

Это обстоятельство обуславливало собою в будущем раскол областников по двум направлениям: с одной стороны должны были сконцентрироваться областники беспартийные или оторвавшиеся от партии, деятели умеренного направления политической мысли; с другой – областники партийные, почти исключительно эсеры.

К описываемому мною моменту я лично был уже горячим сторонником самостоятельного выступления областников на политическую арену. Это выступление иркутская группа областников решила испробовать на участии в выборах в Учредительное собрание.

Могу признаться теперь, что это было весьма дерзким шагом с нашей сторо-

¹ Здесь и далее в тексте воспоминаний областничество – общественное течение 2-й пол. XIX – начала XX вв., представители которого выступали за культурную и экономическую самостоятельность отдельных областей Сибири (Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и др.). В начале XX в. выделились правое (кадетское) и левое (близкое эсерам) течения. В Томске в октябре 1917 г. был создан Сибирский областной совет, в декабре образовалась Сибирская областная дума, а в январе 1918 г. подпольное Временное сибирское правительство во главе с П.Я. Дербером. Представители сибирского областничества участвовали в деятельности антибольшевистских сил – в Уфимской директории, в правительстве Колчака. С 1920 г. лидеры движения находились в эмиграции.

ны, ибо группа наша ко времени выборов не располагала ни рабочим аппаратом, ни средствами (в кассе областников имелось всего лишь, кажется, двести рублей, вырученных от продажи областнических брошюр). Всех наших наличных средств могло только хватить на напечатание избирательного воззвания и избирательного бюллетеня, рассылку таковых по волостям губернии и раздачу по городу.

Несмотря на большие затруднения, связанные с запрашиванием намеченных кандидатов, живших в других городах Сибири, с длительной перепиской с ними и т.п., нам все же удалось, наконец, выставить наш собственный список кандидатов в члены Учредительного собрания. Список этот возглавлял Г.Н. Потанин¹, затем следовали по списку – пишущий эти строки, Г.В. Яхонтов – директор коммерческого училища в селе Черемхове Балаганского уезда, М.В. Воробьев – волостной писарь Тутурской волости Верхоленского уезда, весьма популярное в этом уезде лицо, и священник отец Константин Кокоулин, житель гор. Киренска.

Все это были, за исключением Г.Н. Потанина, люди местные, коренные сибиряки, уроженцы Иркутской губернии.

Несмотря на сильное противодействие эсеров, иркутским областникам удалось заключить предвыборный блок с бурятами, решившими тоже самостоятельно выступить на выборах. Это соглашение с бурятами означало для нас известный успех.

Всю предвыборную работу провел я лично, без чьей-либо помощи. Меня эти выборы интересовали как первый опыт такого рода, первая попытка обращения местных областников к широким массам крестьянского населения губернии. Какие-то результаты даст эта попытка? Как отнесется крестьянство к местным кандидатурам? На большие результаты рассчитывать нам ни в коем случае не приходилось.

Выборы состоялись.

Были подсчитаны голоса. Оказалось, областники получили 15 000 голосов, буряты – 40 000. Итого, по областническо-бурятскому блоку – 55 000 голосов, наш блок занял второе место, обогнав даже большевиков, которые получили около 50 000 голосов.

В результате избранными в члены Учредительного собрания оказались четверо эсеров, в том числе Е.М. Тимофеев, и один бурят-областник – Баэртон Вампилун, состоявший, кстати сказать, в то время кандидатом к членам Исполнительного комитета первого Сибирского областного съезда.

Итак, мы собрали сравнительно немного голосов, но все же имели значительно больший вотум, чем Партия конституционалистов-демократов или социал-демократов меньшевиков, обладавших налаженным рабочим аппаратом и денежными средствами, которые могли быть брошены в предвыборную борьбу, и потому мы до некоторой степени гордились достигнутым результатом.

Анализ распределения голосов по отдельным волостям обнаружил следующие любопытные явления. В волостях, на которые мы особенно рассчитывали, мы получили, против ожидания, сравнительно мало голосов. Так было, например, в Илгинской волости (моя родина) и в Тутурской волости Верхоленского уез-

¹ Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) – общественный деятель, этнограф, путешественник.

да, где проживал кандидат М.В. Воробьев. Очевидно, там были на местах партийные деятели из числа эсеров или большевиков, которые выступали против наших кандидатур. Зато в такой удаленной волости, как Бирюльская, расположенной в верховьях р. Лены, мы получили больше голосов, чем все другие списки. Здесь нашлись, вероятно, активные местные деятели, симпатизирующие областникам и поддерживавшие их список.

Кстати замечу, что в некоторых исторических и мемуарных трудах, изданных за границей, я почему-то фигурирую как член Учредительного собрания. Так, в первом сборнике Исторического архива, напечатанном в Праге, в опубликованном там акте об образовании на Уфимском государственном совещании Всероссийского правительства, значится моя подпись: член Всероссийского Учредительного собрания, товарищ председателя Государственного совещания и министр снабжения Сибирского Временного правительства И.И. Серебренников. Затем, в вышедшем недавно прекрасном труде С. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака» автор, характеризуя личный состав Административного совета Сибирского правительства, говорит о том, что «и сам председатель Совета И.И. Серебренников прошел в члены Учредительного собрания по списку эсеров».

Пользуясь случаем, я хочу указать, что это неверно и я совершенно не понимаю, как могло случиться, что мне присоединили это звание. Сам я не склонен к самозванству и абсолютно не считаю себя повинным в возникновении этого недоразумения.

*Извлечение публикуется по изданию:
Серебренников И.И. Мои воспоминания.
Т. 1. Тяньцзинь, 1937. С. 47-50.*

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ТЕКСТОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В КНИГЕ

Антонов-Саратовский Владимир Павлович (1884–1965) – советский государственный и партийный деятель. Родился в семье служащего. Член РСДРП с 1902 г. В 1911 г. окончил юридический факультет Московского университета. В 1917 г. член Саратовского комитета РСДРП(б). В 1919 г. член коллегии НКВД РСФСР, председатель Курского губисполкома. В 1920 г. председатель Донецкого губревкома, нарком внутренних дел УССР, с 1921 г. на административно-государственной и хозяйственной работе.

Арсеньев Константин Константинович (1837–1919) – юрист, литературный критик, журналист. Родился в Петербурге; сын академика К.И. Арсеньева. Окончил Училище правоведения, в 1855–1862 гг. служил в министерстве юстиции. В 1864–1866 гг. учился в Боннском университете. С 1866 г. присяжный поверенный, в 1867 г. избран председателем Совета присяжных поверенных Петербургской судебной палаты. В 1874–1880 гг. товарищ обер-прокурора гражданского кассационного департамента Сената, затем член консультации при министерстве юстиции. В 1880–1881 гг. старший чиновник при сенаторе И.И. Шамшине. В апреле 1882 г. вышел в отставку и посвятил себя исключительно литературному труду. С 1880 г. неоднократно избирался уездным и губернским гласным Петербургской губернии, почетным мировым судьей. Почетный академик Петербургской академии наук (1900). В 1905 г. входил в руководство Конституционно-демократической партии, затем – один из основателей и руководителей Партии демократических реформ (1905–1906 гг.).

Белоруссов (Белевский) Алексей Станиславович (1859–1919) – публицист, журналист-народник, сотрудник газеты «Русские ведомости». Редактор екатеринбургской газеты «Отечественные ведомости», поддерживавшей Колчака.

Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) – прозаик, поэт, переводчик. Родился в Воронеже в старинной обедневшей дворянской семье. Первый поэтический сборник «Стихотворения» (Орел, 1891). С 1889 г. жил только литературным трудом, сильно нуждался. Сборник стихотворений «Листопад» (1901) был удостоен Пушкинской премии. В повести «Деревня» (1910) затронул острые проблемы предреволюционного русского крестьянства. В феврале 1920 г. эмигрировал. С марта того же года и до своей кончины жил во Франции (в Париже и на юге – в Грасе). Лауреат Нобелевской премии (1933).

Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) – историк, исследователь западноевропейского средневековья, истории Англии. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1884 г. профессор кафедры всеобщей истории Московского университета. Стажировался в Германии у знаменитого историка Т. Моммзена. В 1902 г. из-за несогласия с действиями властей в период студенческих волнений 1901 г. уехал в Англию. В 1903 г. возглавил кафедру сравнительного правоведения в Оксфорде. С 1905 г. член Конституционно-демократической партии. В 1908 г. вернулся в Московский университет (совмещал профессию в университете с профессурой в Оксфорде). В 1911 г. подал в отставку в знак протеста против политики министра народного просвещения Кассо. В 1918 г. окончательно покинул Россию и принял английское подданство. Умер в Оксфорде.

Вишняк Марк (Мордух) Вениаминович (1883–1976) – юрист, публицист, журналист, редактор, общественно-политический деятель. Родился в Москве в ортодоксальной еврейской семье. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1905 г. примкнул к Партии социалистов-революционеров. За участие в революционной деятельности был приговорен к ссылке в Нарымский край, которую отбывал в 1910–1911 гг. В 1917 г. сотрудник, а затем редактор газеты «Дело народа», член Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов. Член Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание и Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. Секретарь Временного Совета республики (Предпарламента) и Учредительного собрания. После разгона Учредительного собрания уехал в Киев. После шестинедельного заключения через Одессу и Севастополь выехал за границу. С апреля 1919 г. жил в Париже. Один из основателей, секретарь журнала «Современные записки» (1920–1940). В 1940 г. переехал в Нью-Йорк. В 1943–1946 гг. преподавал русский язык в Корнельском и Колорадском университетах.

Гессен Владимир Матвеевич (1868–1920) – юрист. С 1896 г. приват-доцент Петербургского университета; преподавал на кафедре полицейского права, читал историю русского права в Александровском лицее, государственное право в Петербургском политехническом институте; профессор Александровской военно-юридической академии. В 1910 г. получил степень магистра государственного права. С 1905 г. член Конституционно-демократической партии. Член II Государственной думы от Петербургской губернии. Один из редакторов изданий: «Право», «Вестник права», юридического отдела «Большой энциклопедии».

Гессен Сергей Иосифович (1887–1950) – философ, публицист, теоретик права, педагог. В 1905 г. поступил на философское отделение Гейдельбергского университета. В 1906–1909 гг. обучался во Фрейбурге (Бавария). В 1909 г. получил степень доктора философии *summa cum laude*. Один из основателей и редактор (совместно с Ф.А. Степуном) «Логоса» – международного ежегодника по философии культуры. С 1914 г. приват-доцент Петербургского университета. В 1917–

1921 г. работал в Томском университете; возглавлял кафедру философии и педагогики, декан историко-филологического факультета. В 1921 г. преподавал на кафедре педагогики Петербургского университета, в Педагогическом институте им. А.И. Герцена. В конце 1921 г. перешел финскую границу. В 1924–1936 гг. жил в Праге. Преподавал на юридическом факультете (институте) в Праге, в Русском научном институте в Берлине, в Русском институте социальных знаний в Париже. Один из организаторов общественно-педагогического движения русской эмиграции. В конце жизни принял православие. Умер в Лодзи.

Долгоруков Павел Дмитриевич (1866–1927) – публицист, общественно-политический деятель. Князь. Один из основателей Союза земцев конституционалистов и Союза освобождения, член ЦК Конституционно-демократической партии. Был избран членом II Государственной думы и Учредительного собрания. После октября 1917 г. участник Белого движения. В 1918 г. нелегально проживал в Москве, затем переехал в Екатеринодар. В эмиграции с 1920 г. Жил в Праге. В 1924 г. под видом крестьянина нелегально перешел советско-польскую границу, был задержан, но не опознан и выслан в Польшу. В 1926 г. вновь нелегально проник на территорию СССР, перейдя советско-румынскую границу. Арестован и расстрелян в Харькове в качестве ответной меры советского правительства после убийства П.Л. Войкова.

Жиркевич Александр Владимирович (1857–1927) – литератор, военный юрист. Родился в г. Люцине Витебской губернии, потомственный военный. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище, затем служил в 108-м Саратовском пехотном полку. В 1885–1888 гг. учился в Военно-юридической академии в Петербурге. В 1891 г. назначен помощником прокурора Виленского военного округа, с 1897 г. – военный следователь. В 1908 г. принял должность военного судьи и звание генерал-майора в военном ведомстве Вильны, но через несколько месяцев вышел в отставку в знак протеста против введения смертной казни для политических заключенных. В 1915 г. эвакуировался с семьей в Симбирск, где стал попечителем десяти госпиталей, трех тюрем и военно-гарнизонного кладбища. Активно занимался благотворительной деятельностью. Умер в Вильно.

Краснов Виктор Михайлович – юрист, общественный деятель. Дворянин, предводитель дворянства Ставропольской губернии, действительный статский советник. После февраля 1917 г. председатель губернского комитета общественных организаций, председатель Ставропольской городской думы, губернский прокурор. С 1920 г. – в эмиграции.

Кураев Василий Владимирович (1892–1938) – советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1914 г., большевик. Родился в Пензе в семье служащих. После февральской революции 1917 г. один из организаторов Пензенского совета, редактор газеты «Голос правды». Делегат 1-го Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. После октября 1917 г. председатель Исполкома Пензен-

ского губернского Совета, секретарь губкома РКП(б). В годы Гражданской войны на военно-политической работе в Красной Армии; член РВС 4-й армии. С 1920 г. член коллегии наркомзема, член Президиума ВСНХ, заместитель председателя одной из секций Госплана СССР. Делегат 8-го и 10-го съездов партии.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – государственный деятель, философ, публицист. Родился в Симбирске в семье смотрителя учебного округа. За участие в студенческих волнениях в 1887 г. был исключен с 1-го курса Казанского университета. В 1891 г. сдал экзамены за курс юридического факультета при Петербургском университете. Впоследствии помощник присяжного поверенного в Самаре. В конце 1880-х – начале 1890-х гг. участник народовольческих кружков, затем марксист. В 1895 г. участвовал в создании Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, был арестован. В 1897 г. сослан на три года в с. Шушенское Енисейской губернии. В 1900 г. выехал за границу. Вместе с Г.В. Плехановым и другими марксистами начал издание газеты «Искра». На II съезде РСДРП (1903) возглавил фракцию большевиков. С 1905 г. в Санкт-Петербурге, принимал участие в революционных событиях. С декабря 1907 г. в эмиграции. Став приверженцем идей К. Маркса и Ф. Энгельса, стремился применить их к решению проблем общественного развития России. Полагал, что Россия должна начать мировую социалистическую революцию, условия для которой созрели с вступлением передовых стран Европы и США в последнюю стадию капитализма (империализм). Видел в диктатуре пролетариата средство построения социализма и коммунизма. В апреле 1917 г. приехал в Петроград, провозгласил курс на социалистическую революцию. Возглавил руководство октябрьским восстанием в Петрограде. На II Всероссийском съезде Советов избран председателем Совета народных комиссаров, член ВЦИК и ЦИК СССР. Проводил политику «красного террора», «военного коммунизма», инициатор ликвидации оппозиционных партий и их органов печати, высылки из страны видных представителей интеллигенции, несогласных с политикой новой власти, репрессий в отношении «социально чуждых элементов» (дворянства, духовенства и др.). Острый кризис в стране в результате гражданской войны, не оправдавшиеся надежды на революцию в Европе привели Ленина к признанию ошибочности политики «военного коммунизма» и необходимости перехода к новой экономической политике. В 1922 г. тяжело заболел, с декабря 1922 г. не участвовал в политической деятельности.

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – юрист, публицист, общественно-политический деятель. Потомственный дворянин, сын министра юстиции Д.Н. Набокова. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1897–1904 гг. преподавал в училище правоведения. Печатался в журнале «Право» и в других либеральных изданиях. Один из основателей Конституционно-демократической партии, член ее ЦК. Член I Государственной думы от Петербурга. За подписание Выборгского воззвания был приговорен к трем месяцам тюрьмы. В марте–мае 1917 г. управляющий делами Временного правительства. Член Юридического совещания при Временном правительстве

и Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Член и товарищ председателя Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии, член Учредительного собрания. В ноябре 1917 г. уехал к семье в Крым, где в 1918 г. стал министром юстиции Крымского правительства. С 1919 г. – в эмиграции. Погиб в Берлине, заслонив собой лидера партии кадетов П.Н. Милюкова в момент покушения на него.

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) – юрист, философ, общественный деятель. Родился в г. Бахмут (ныне г. Артемовск Луганской обл., Украина) в семье купца 2-й гильдии. В 1888 г. окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата. Был оставлен на кафедре истории для подготовки к профессорскому званию. С 1896 г. приват-доцент. В 1897 г. защитил в Московском университете магистерскую диссертацию, а в 1902 г. в Петербургском университете – докторскую. С 1904 г. ординарный профессор Московского университета по кафедре энциклопедии права и истории философии права. Участвовал в либерально-демократическом движении начала XX в. С 1904 г. член Совета «Союза освобождения», с 1905 г. член Конституционно-демократической партии. Член Государственной думы. В 1906 г. подал в отставку со службы в Московском университете, в 1907–1911 гг. читал в нем лекции в качестве приват-доцента. В 1906–1918 гг. директор Московского коммерческого института. В 1914–1917 гг. работал во Всероссийском Союзе городов, был московским уполномоченным Особого совещания по топливу. В 1917 г. избран в ЦК кадетской партии. После Октябрьской революции 1917 г. участвовал в деятельности антибольшевистского подполья в Москве. В 1918–1920 гг. в добровольческой армии. С 1920 г. в эмиграции. В 1922 г. основал Русский юридический институт (факультет) в Пражском университете. Умер в Праге.

Нольде Борис Эммануилович (1876–1948) – правовед, дипломат, историк, литературовед, общественно-политический деятель, член ЦК Конституционно-демократической партии. Член Юридического совещания при Временном правительстве и Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, член Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии. В эмиграции с 1919 г.

Огановский Николай Петрович (1874–1938?) – статистик, журналист, общественный деятель. Дворянин. Родился в г. Вильно в семье офицера. Учился в Киевском кадетском корпусе, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Работал статистиком в Уральске и Воронеже. С 1906 г. в Саратове, редактор газет народнического направления. Неоднократно был под судом. Работал в статистическом бюро Всероссийского земского союза. С 1913 г. – приват-доцент Московского коммерческого института. В 1917 г. редактор газет «Крестьянский союз» и «Власть народа». Член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Участник Государственного и Демократического совещаний, член Предпарламента. Член Народно-социалистической пар-

тии, затем эсер. Был избран в Учредительное собрание от Воронежского округа. В 1918 г. член Комитета участников Учредительного собрания (Комуча), Уфимского государственного совещания, входил в правительство Директории. После колчаковского переворота отошел от политики. С 1921 г. работал в Народном комиссариате земледелия, соавтор Земельного кодекса. В 1922 г. арестован. Работал в Наркомфине, Наркомторге, ВСНХ, Госплане. В 1931 г. по «делу Промпартии» приговорен к пяти годам заключения. В 1933 г. выслан в Башкирию, расстрелян.

Ольминский (Александров) Михаил Степанович (1863–1933) – советский государственный и партийный деятель. Родился в Воронеже в семье чиновника из дворян. Учился в Петербургском университете. В 1885 г. был арестован по подозрению в революционной деятельности и сослан на 4 месяца в Воронеж. В 1894 г. вторично арестован по делу группы народовольцев, приговорен к тюремному заключению и ссылке в г. Олекминск Якутской области. В 1904 г. примкнул к большевикам. В 1909–1914 гг. служил в статистическом отделении Петербургской городской управы. После февраля 1917 г. работал в редакциях газет «Правда», «Социал-демократ». Член Учредительного собрания. В декабре 1917 г. назначен членом коллегии народного комиссариата финансов. С 1920 г. председатель комиссии по истории партии при народном комиссариате просвещения и затем заведующий истпартотделом ЦК ВКП(б).

Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) – публицист, экономист, общественно-политический деятель. Родился в д. Чукавино Старицкого уезда Тверской губернии в семье священника. Учился в духовной семинарии, но был исключен. С 1891 г. занимался земской статистикой; подвергался преследованиям за политические убеждения. С 1899 г. постоянный сотрудник журнала «Русское богатство», член редакции с 1904 по 1918 год. Один из основателей Партии народных социалистов (1906). В марте 1917 г. комиссар Петроградской стороны, член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В мае–августе 1917 г. министр продовольствия Временного правительства. В октябре – товарищ председателя Временного Совета республики (Предпарламента). В 1918 г. уезжает на юг. С 1920 г. в Харькове, заведующий сельскохозяйственной статистикой ЦСУ Украины. По распоряжению Ленина был отстранен от должности и переведен в Москву под надзор ВЧК. В 1922 г. выслан из России. Жил в Риге и Берлине. В 1927 г. получил советское гражданство, работал заведующим информационно-экономическим отделом при советском торгпредстве в Риге. Умер в Риге от рака легких. Похоронен в Ленинграде.

Пече Ян Яковлевич (1881–1942) – советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1903 г. Родился в Латвии в семье батрака. В 1905–1907 гг. член Либавского комитета РСДРП. С 1906 г. вел работу в Риге, Николаеве, Москве. В 1914 г. арестован, сослан в Нарым. В 1916 г. бежал из ссылки. После февраля 1917 г. член Московского комитета РСДРП(б), один из организаторов красной гвардии, затем член штаба МВО, первый военком города. В 1919 г. член РВС ар-

мии Советской Латвии, затем на партийной работе в Крыму, Тюмени, Закавказье, Москве. С 1927 г. персональный пенсионер.

Пильский Петр Моисеевич (1879–1941) – журналист, литературный критик, фельетонист. Родился в Орле в семье офицера. Окончил Александровское военное училище. В 1895 г. произведен в офицеры, в 1897 г. вышел в отставку. Начал свою литературную деятельность критическими статьями в журнале «Современный мир». Затем был редактором литературной газеты «Понедельник». Позднее переехал в Одессу, где сотрудничал в «Одесских новостях». После прихода советской власти в Одессу эмигрировал. С 1921 г. жил в Эстонии, с 1926 г. – в Латвии. В мае 1940 г. перенес инсульт. Умер в Риге.

Святицкий Николай Владимирович (1886–1937) – помощник присяжного поверенного. Родился в Г. Рыбинске. Дворянин. Учился на юридическом факультете Московского университета, окончил экстерном Харьковский университет. В 1906 г. был арестован, выслан в Тобольскую губернию с разрешением выезда за границу. С 1913 г. помощник присяжного поверенного. В 1917 г. редактор «Партийных известий», в марте 1917 г. председатель железнодорожной и почтово-телеграфной комиссии Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Делегат I Всероссийского съезда Советов. Эсер. Секретарь комиссии ЦК Партии социалистов-революционеров по выборам. Член Учредительного собрания от Харьковской губернии. В 1918 г. член Комитета участников Учредительного собрания (Комуча), затем секретарь Съезда членов Учредительного собрания. В январе 1919 г. вошел в группу правых эсеров, заключивших т.н. Уфимское соглашение с советским правительством об отказе от вооруженной борьбы. В 20-е гг. работал в советских учреждениях. Был сослан в Казахстан, работал экономистом. Арестован в ноябре 1937 г. и вскоре расстрелян.

Серебренников Иван Иннокентьевич (1882–1953) – историк, литератор, политический деятель, участник Белого движения, министр снабжения в правительстве А.В. Колчака. В эмиграции с 1920 г.

Соколов Борис Федорович (1889–1979) – врач-бактериолог. Родился в Киверцах Волынской губернии. Окончил гимназию в Петербурге, учился в Томском технологическом институте. Эсер. Под надзором полиции с 1907 г. В 1917 г. поручик, начальник санитарного поезда. Был избран в Учредительное собрание от Юго-Западного фронта. В 1918 г. член Комитета участников Учредительного собрания (Комуча), затем уехал во Францию. Вернувшись, входил в правительство Северной области. Был арестован большевиками, впоследствии выпущен за границу. Жил в Чехословакии. Занимался журналистикой, вел научные исследования по онкологии.

Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) – социолог, культуролог. Родился в селе Турья Вологодской губернии. В 1909 г. поступил в Психоневрологиче-

ский институт на кафедре социологии. В 1910 г. по совету своего научного руководителя М.М. Ковалевского перешел на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1914 г. С 1916 г. – приват-доцент Петербургского университета. После февральской революции секретарь А.Ф. Керенского и редактор газеты «Воля народа». Был избран членом Учредительного собрания от Вологодской губернии. В 1922 г. выслан за границу. С 1923 г. жил в США. В 1924–1929 гг. преподавал социологию в университете Миннесоты, с 1929 по 1959 годы работал в Гарварде. В 1931 г. основал социологический факультет в Гарвардском университете, руководил им до 1942 г. В 1960 г. избран президентом американской социологической ассоциации.

Сталин Иосиф Виссарионович (1878–1953) – советский государственный и партийный деятель. Родился в г. Гори Тифлисской губернии в семье сапожника. В 1893 г. окончил духовное училище в Гори и поступил в Тифлисскую православную семинарию, исключен в 1899 г. С 1898 г. член тифлисской организации РСДРП. В 1902–1913 гг. шесть раз подвергался арестам, четыре раза бежал из ссылки. После 1903 г. примкнул к большевикам. В 1912 г. заочно кооптирован в ЦК и Русское бюро ЦК РСДРП. В 1917 г. член Политбюро ЦК РСДРП(б) и Военно-революционного центра. В 1917–1922 гг. народный комиссар по делам национальностей, одновременно в 1919–1922 гг. нарком государственного контроля, рабоче-крестьянской инспекции. В 1922–1953 гг. генеральный секретарь ЦК коммунистической партии. В 20-х гг. в ходе борьбы за лидерство в партии и государстве, используя партийный аппарат и политические интриги, возглавил партию и установил в стране тоталитарный режим.

Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959) – юрист, общественно-политический деятель, член РСДРП с 1903 г., один из лидеров меньшевизма. Князь. Учился на юридическом факультете Московского университета. В 1902 г. был исключен за антиправительственную деятельность и сослан в Иркутск. Член II Государственной думы (от Кутаисской губернии), председатель ее социал-демократической фракции. В 1907 г. был приговорен к каторжным работам, с 1913 г. на поселении в Иркутской губернии. После февраля 1917 г. член Исполкома Петроградского Совета, заместитель председателя Президиума ВЦИК первого состава, министр внутренних дел Временного правительства (июнь), почт и телеграфа (май–август). Член Предпарламента. С 1918 г. член правительства Грузинской демократической республики. В эмиграции с 1921 г. Жил во Франции, в 1940 г. переехал в США. Умер в Нью-Йорке.

Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – публицист, социолог, общественно-политический деятель, теоретик и один из основателей Партии социалистов-революционеров, член ее ЦК. Родился в г. Камышине Саратовской губернии. Учился на юридическом факультете Московского университета. В революционном движении с конца 80-х гг. XIX в. В 1894 г. был арестован и выслан в Тамбовскую губернию. В 1899 г. эмигрировал, возглавил заграничную органи-

зацию партии и ее центральный орган «Революционная Россия». Выступал за сохранение тактики индивидуального террора как средства политической борьбы. За участие в революционных кружках подвергался арестам, высылке за границу. В 1905 г. нелегально вернулся в Россию, где находился до 1908 г. Во время Первой мировой войны на конференции социалистов стран Антанты выступил против войны. Вошел в Циммервальдское объединение, но занимал центристскую позицию. После февральской революции вернулся в Россию. Пользовался большой популярностью. Член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, член Бюро Президиума Исполнительного комитета, член ВЦИК Советов. С мая по август 1917 г. министр земледелия Временного правительства. Председатель Учредительного собрания. После его роспуска выехал в Поволжье и вошел в состав Самарского комитета членов Учредительного собрания, захватившего власть при поддержке чехословацкого корпуса. После установления диктатуры Колчака, опасаясь расправы белогвардейцев, эмигрировал. Жил в США.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание: исторический контекст, электоральная формула и социетальная катастрофа (Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев).....	3
Учредительное собрание как политический институт революционного периода (А.Н. Медушевский).....	31

Раздел I. Идеи и концепции законодательства по выборам во Всероссийское Учредительное собрание

Стенографический отчет Всероссийского совещания Советов.....	69
Стенографический отчет Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание.....	81
Объяснительная записка Особого совещания к Положению о выборах в Учредительное собрание.....	166
Объяснительная записка к проекту Наказа о применении Положения о выборах в Учредительное собрание.....	217
Проект образования избирательных округов по выборам в Учредительное собрание, предложенный Особым совещанием.....	233

Раздел II. Законодательство по выборам во Всероссийское Учредительное собрание

Постановления и указы Временного правительства:

Обращение Временного правительства «К гражданам России».....	237
Об образовании Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание (25 марта 1917 г.).....	239
О сроке выборов в Учредительное собрание (14 июня 1917 г.).....	240

Об установлении правил в отношении заготовления материалов и сдачи работ, требуемых для производства выборов в Учредительное собрание (14 июля 1917 г.).....	240
Об утверждении раздела I Положения о выборах в Учредительное собрание (20 июля 1917 г.).....	242
[О назначении членов Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии] (1 августа 1917 г.).....	254
О предоставлении министру внутренних дел права давать телеграфные наряды на выполнение заказов на бумажные материалы и другие технические предметы, необходимые для производства выборов в Учредительное собрание без заключения формальных договоров (2 августа 1917 г.).....	254
Об отсрочке созыва Учредительного собрания (9 августа 1917 г.).....	255
О включении некоторых лиц в состав окружной по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (9 августа 1917 г.).....	255
[О назначении председателя Всероссийской избирательной комиссии] (9 августа 1917 г.).....	256
О порядке образования участковых избирательных комиссий, заведывающих производством выборов в Учредительное собрание (15 августа 1917 г.).....	256
О порядке образования городских по делам о выборах в Учредительное собрание комиссий (15 августа 1917 г.).....	257
О порядке образования уездных по делам о выборах в Учредительное собрание комиссий (15 августа 1917 г.).....	258
Об избирательных участках, образуемых для производства выборов в Учредительное собрание (24 августа 1917 г.).....	258
Об отпуске из казны 6 000 000 рублей на первоначальные мероприятия по организации и производству выборов в Учредительное собрание (10 сентября 1917 г.).....	259
Об утверждении глав VI–X раздела I и раздела II Положения о выборах в Учредительное собрание (11 сентября 1917 г.).....	260

Об установлении Наказа о применении раздела I Положения о выборах в Учредительное собрание (11 сентября 1917 г.).....	285
О составе уездных по делам о выборах в Учредительное собрание комиссий (14 сентября 1917 г.).....	314
Об утверждении раздела третьего Положения о выборах в Учредительное собрание о порядке выборов в армии и флоте (23 сентября 1917 г.).....	314
Об установлении расписания числа членов Учредительного собрания по отдельным избирательным округам (23 сентября 1917 г.).....	323
О закрытии Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание (23 сентября 1917 г.).....	326
О применении раздела I Положения о выборах в Учредительное собрание (26 сентября 1917 г.).....	326
Об изменении п. 2 ст. 16 и п. 2 ст. 19 Положения о выборах в Учредительное собрание и ст. 1 и 2 Наказа о применении раздела первого сего Положения (26 сентября 1917 г.).....	327
О предоставлении Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии допускать отступления от требования Положения о выборах в Учредительное собрание в отношении образования комиссий, заведывающих выборами в Учредительное собрание (29 сентября 1917 г.).....	327
О введении в действие по телеграфу постановлений Временного правительства об изменении некоторых статей Положения о выборах в Учредительное собрание и Наказа о применении раздела первого сего Положения (29 сентября 1917 г.).....	328
О продлении срока составления избирательных списков по выборам в Учредительное собрание (30 сентября 1917 г.).....	328
Об утверждении приложения к статье 209 Положения о выборах в Учредительное собрание (30 сентября 1917 г.).....	329
Об утверждении инструкции к разделу III Положения о выборах в Учредительное собрание (2 октября 1917 г.).....	334
Об установлении сроков первоначального опубликования и окончательного объявления избирательных списков по выборам в Учредительное собрание в Закавказском избирательном округе (10 октября 1917 г.).....	342

Об осуществлении избирательных прав российским гражданским населением Финляндии (10 октября 1917 г.).....	342
Об установлении срока приступа к составлению избирательных списков по выборам в Учредительное собрание, а также сроков первоначального опубликования и окончательного объявления сих списков в Подольском избирательном округе (10 октября 1917 г.).....	344
Об участии в выборах казачьих войсковых частей (10 октября 1917 г.).....	344
О порядке производства выборов в Камчатском избирательном округе (16 октября 1917 г.).....	346
О порядке образования районных по делам о выборах в Учредительное собрание комиссий в Балтийском и Черноморском флотских избирательных округах (16 октября 1917 г.).....	347
Об установлении сроков первоначального опубликования и окончательного объявления избирательных списков по выборам в Учредительное собрание в Бессарабском избирательном округе (16 октября 1917 г.).....	348
О дополнении статьи 51 Наказа о применении раздела первого Положения о выборах в Учредительное собрание (17 октября 1917 г.).....	349
Законодательные акты советского правительства:	
О созыве Учредительного собрания в назначенный срок (27 октября 1917 г.).....	349
Обращение ВЦИК о выборах в Учредительное собрание в назначенный срок (не позднее 8 ноября 1917 г.).....	350
Предписания СНК Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (13 ноября 1917 г.).....	350
Декрет ВЦИК о праве отзыва делегатов (21 ноября 1917 г.).....	351
Декрет СНК к открытию Учредительного собрания (26 ноября 1917 г.).....	352
Постановление СНК о смещении членов Всероссийской по выборам в Учредительное собрание комиссии (29 ноября 1917 г.).....	353
Предписание СНК Главному казначейству (29 ноября 1917 г.).....	353
Сообщение председателя СНК (не позднее 5 декабря 1917 года).....	354

Постановление СНК о сроке открытия Учредительного собрания (20 декабря 1917 г.).....	354
Резолюция ВЦИК с подтверждением постановления СНК об условиях созыва Учредительного собрания.....	355
Обращение ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (не позднее 29 декабря 1917 г.).....	355
Декрет ВЦИК о роспуске Учредительного собрания (6 января 1918 г.).....	356
Декреты СНК (31 января 1918 г.).....	357
Раздел III. Электоральный процесс 1917 г. в документах и материалах	
Информационное сообщение «Обзор работ Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии с 7 августа по 1 сентября 1917 г.».....	361
Наказ Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии.....	363
Сообщение о заключительном заседании Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание.....	365
Информационное сообщение «Техническая подготовка выборов».....	365
Сообщения о заседаниях Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии 8 и 12 сентября 1917 г.	366
Циркулярные распоряжения Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии от 8, 13, 14 сентября 1917 г.	370
Информационное сообщение «Сроки выборных действий».....	372
Сообщение о заседании Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии 22 сентября 1917 г.	373
Циркулярное распоряжение Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии № 560.....	375
Обращение Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии.....	377

Сообщения о заседаниях Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии 25 и 27 октября 1917 г.	378
Постановление Особой фронтальной совещательной комиссии (4 ноября 1917 г.).....	379
Сообщения о заседаниях Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии 6 и 7 ноября 1917 г.	380
Обращение Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (7 ноября 1917 г.).....	382
Почтотелеграммы Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (10 и 11 ноября 1917 г.).....	383
Сообщение о заседании Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии 8 ноября 1917 г.	385
От Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (11 ноября 1917 г.).....	386
Сведения об отсроченных выборах по отдельным округам.....	388
Доклад комиссара над Всероссийской по выборам в Учредительное собрание комиссии Урицкого по текущему моменту на заседании Петербургского комитета РСДРП (12 декабря 1917 г.).....	389
Циркулярные телеграммы комиссара над Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссией (14, 22 декабря 1917 г., 8 января 1918 г.).....	393
Обзор хода избирательной кампании 1917 г.	395
Святицкий Н.В. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание.....	402
Протасов Л.Г. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание.....	417
Раздел IV. Избирательный процесс 1917 г. в оценках современников	
Арсеньев К.К. Учредительное собрание и петроградские районные выборы. Две стороны медали.....	423

Белоруссов А.С.	
Пересмотр идеологии.....	438
Виноградов П.Г.	
Публицистика:	
Россия на распутье.....	444
Перспективы в России.....	451
Гессен С.И.	
Политическая свобода и социализм.....	459
Гессен В.М.	
Русское Учредительное собрание и выборы в него.....	474
Ленин В.И.	
Работы 1917–1919 гг.:	
Доклад о праве отзыва на заседании ВЦИК 21 ноября (4 декабря) 1917 г.	493
Тезисы об Учредительном собрании.....	494
Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата.....	498
Новгородцев П.И.	
Мечты и действительность в вопросе об Учредительном собрании.....	515
Ольминский М.С.	
Публицистика 1917 г.:	
Состав юридической комиссии.....	519
Кому права?	520
Пешехонов А.В.	
Провалилось ли народовластие?	521
Пильский П.М.	
Господин Петроград (к спорам об Учредительном собрании).....	544
Святицкий Н.В.	
Большевики и Всероссийское Учредительное собрание.....	549
Сорокин П.А.	
Публикации 1917–1918 гг.:	
Закон об Учредительном собрании.....	560
Трагедия революции.....	572
Штык и избирательный бюллетень.....	575
Граждане! Нарушены права Учредительного собрания.....	577
Трагедия истории.....	578

Ультиматум большевиков Учредительному собранию.....	581
Знают ли?.....	582
Письмо в редакцию.....	584

Сталин И.В.

К выборам в Учредительное собрание.....	586
---	-----

Чернов В.М.

Охлос и демос.....	590
--------------------	-----

**Раздел V. Воспоминания о выборах
в Учредительное собрание****Социалисты-революционеры (эсеры)****Вишняк М.В.**

Дань прошлому.....	613
--------------------	-----

Огановский Н.П.

Дневник члена Учредительного собрания.....	678
--	-----

Соколов Б.Ф.

Защита Всероссийского Учредительного собрания.....	703
---	-----

Партия народной свободы (кадеты)**Долгоруков П.Д.**

Великая разруха.....	744
----------------------	-----

Набоков В.Д.

Временное правительство.....	754
------------------------------	-----

Нольде Б.Э.

В.Д. Набоков в 1917 г.	760
-----------------------------	-----

Большевики**Антонов-Саратовский В.П.**

Под стягом пролетарской борьбы.....	763
--	-----

Кураев В.В.

Октябрь в Пензе.....	768
----------------------	-----

Пече Я.Я.

Контрреволюционное выступление в Москве
в связи с разгоном Учредительного собрания 18 (5) января 1918 г.770

Рыбаков И.Я.

1917 год в Александровском уезде (Из воспоминаний).....777

Смоленский

В Коломне.....779

Юрченков Г.

Борьба за Учредительное собрание.....781

Социал-демократы (меньшевики)**Церетели И.Г.**

Причины поражения демократии.....786

Представители других политических течений, литераторы**Бунин И.А.**

Дневник.....800

Жиркевич А.В.

Симбирский дневник.....804

Краснов В.М.

Из воспоминаний о 1917–1920 гг.807

Серебренников И.И.

Мои воспоминания.....811

Краткие сведения об авторах текстов, помещенных в книге.....814